ПИОНЕР

АПРЕЛЬ ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», 1955 год **4**

НАШ САД

Иван Озеров

Рисунок А. Билль.

Мы собрались сегодня вместе,—
Неугомонный наш отряд
На пустыре,
На голом месте
Сажает яблонь первый ряд.

Для деревцев мы ямки роем
И просим каждое:
— Держись!

И вот они веселым строем
На тонких ножках входят в жизнь.

Гуляет ветерок бедовый
По тропкам
Будущих аллей,
И веет
Запахом медовым
Простор проснувшихся полей.

ПИОНЕР

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ДЕТСКИЙ ЖУРНАЛ
ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ

№4 апрель 1955

В этом номере

На обложке:

рисунок Е. Афанасьевой
«Рассказы о Ленине»

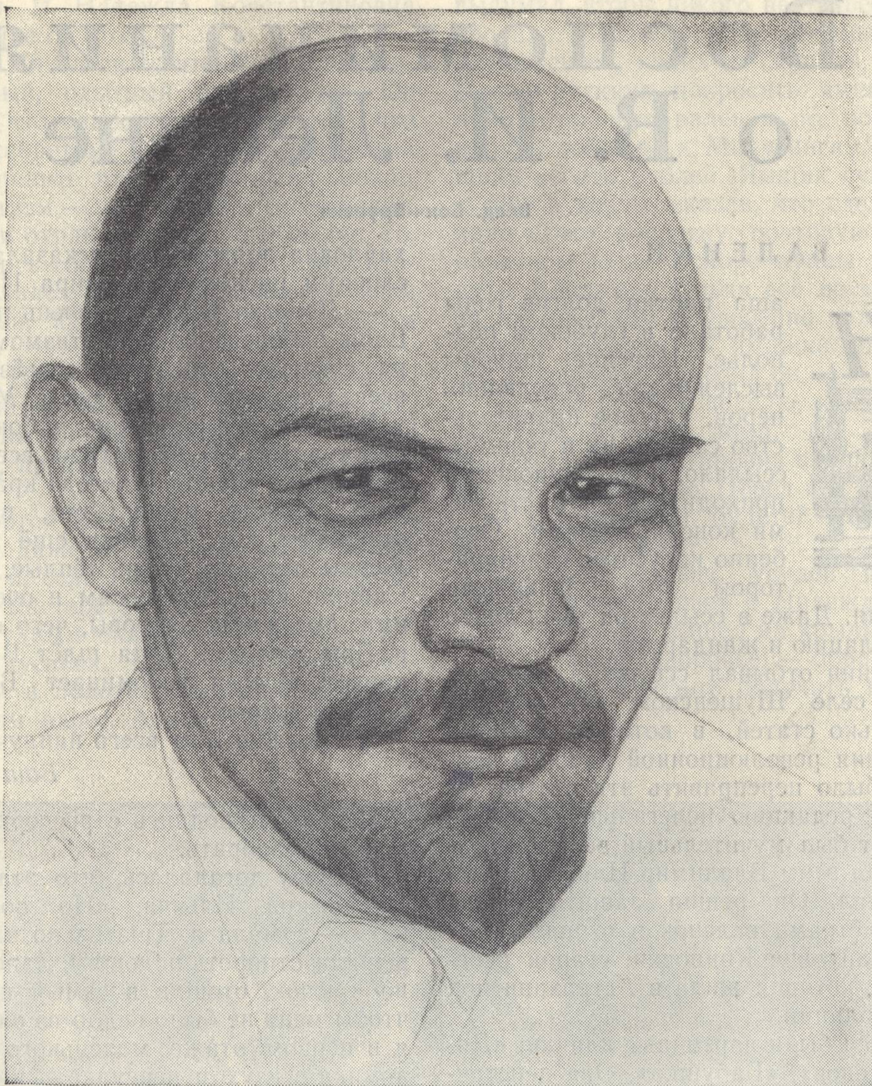
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Кабинет Ленина... Вот таким этот кабинет был в Кремле. Здесь, в кабинете, проходили многие часы великой жизни Владимира Ильича Ленина — часы государственного труда, мудрых раздумий, научных предвидений... За этим столом Лениным были подписаны многие исторические законы Советского государства. На этом календаре рукой Владимира Ильича помечены очередные дела.

Сюда приходили к Ленину посланцы народа: рабочие с заводов, красноармейцы, приехавшие с фронтов гражданской войны, крестьянские ходоки, которых направили в Кремль к Ленину односельчане. Тут совещался Владимир Ильич с ближайшими своими соратниками, членами Центрального Комитета партии коммунистов, вместе с ними решая самые важные для нашей Родины государственные дела. Мысли Ленина, дела его живут в народе. Всё, что завещал нам Ленин, закрепляет в жизни, продолжает и развивает, победно двигая вперёд, могучая Коммунистическая партия Советского Союза и её Центральный Комитет.

В Музее Ленина в Москве в точности воспроизведён кремлёвский кабинет Владимира Ильича. Здесь всегда много посетителей. Часто приходят сюда и пионеры. Это они, когда подрастут, будут продолжать дело, начатое великим Лениным. Задумчиво стоят пионеры в кабинете Владимира Ильича, и сердца под алыми галстуками полны благодарной гордости: «Мы — юные ленинцы!».

ЛЕНИН

Геворг Эмин

Он видел на десятки лет вперёд.
Он твёрдо знал: свет правды загорится...
Великий, он исполнен был забот
О тех, кто через много лет родится,
О тех, кто подрастает понемногу,
О тех, кто мир преобразит вокруг...

Его рука, где б ни был ты, мой друг,
Тебе укажет верную дорогу.
И сердце, что к тебе любви полно,
Как жизнь, бессмертно и непобедимо.
Коль честен ты, то знай: в тебе оно,
В твоей груди стучит неукротимо!

Перевели с армянского
Елена Николаевская и Ирина Снегова.

Воспоминания о В. И. Ленине

Влад. Бонч-Бруевич

ВАЛЕНКИ

Наша партия долгие годы работала в глубоком подполье. Царские шпионы выслеживали революционеров, царское правительство сажало их в тюрьмы, ссылало. Революционерам приходилось быть строгими конспираторами. Особенно искусным конспиратором был Владимир Ильич Ленин. Даже в ссылке он умел ловко провести полицию и жандармов.

Когда Ленин отбывал ссылку в далёком сибирском селе Шушенском, он написал там несколько статей, в которых наметил план создания революционной рабочей партии. Надо было переправить эти статьи товарищам, в редакцию нелегальной газеты. Но как? Вот был мучительный вопрос. Долго думал над этим Владимир Ильич и наконец придумал. Он решил зашить статьи между подмётками валенок и отправить их Лидии Михайловне Книпович, старой революционерке, которая жила в Астрахани под надзором полиции.

У Книпович были партийные клички: «Дяденька», «Дедов», «Бабушка». Она действительно была старше нас всех. Владимир Ильич очень уважал её за преданность делу, за смелость и находчивость. Он знал, что «Бабушка» догадается извлечь статьи из валенок и передать куда нужно.

«Был жаркий весенний день,— рассказывала мне Книпович много позднее.— Стучится ко мне почтальон и вручает извещение о посылке. «От кого это?» — думаю. Собираюсь и бегу на почту. Предъявляю повестку... Через несколько минут выносят посылку, оказывается, это зашитые в полотно валенки... Беру посылку и вижу: она из Минусинска. Фамилия отправителя мне неизвестна. Что за оказия! Прихожу домой, торопливо вскрываю посылку и вынимаю поношенные, но ещё крепкие валенки. Заглядываю внутрь, шарю рукой и из одного валенка достаю письмо, написанное незнакомым мне почерком. Читаю. — И Лидия Михайловна подробно пересказала мне своими словами письмо Владимира Ильича:

— Дорогая бабушка, очень нас беспокоит Ваше заболевание ревматизмом ног. Доктора советуют при этой серьёзной болезни всегда держать ноги в тепле. Мы знаем, что у Вас нет тёплой обуви, и боимся, что Вы простудитесь. В Астрахани всегда сыро от моря и от туманов и погода крайне переменчива. Носите, пожалуйста, валенки и не остужайте ног. Валенки ещё хорошие, подошвы двойные, очень тёплые. Мы здесь, в Сибири, их всегда носим и очень довольны ими. Мы живы, здоровы, чего от всей души и Вам желаем. Надя шлёт Вам поклон и привет. Всегда вспоминает Вас, поминая добрым словом.

И я желаю Вам всего наилучшего.

Ваш Владимир

И дальше подпись с росчерком, которую нельзя разобрать.

Я сразу догадалась, что эта посылка от Владимира Ильича. «Но почему валенки?» — думала я. Тщательно их осмотрев, я решила отпороть подошвы. Заперла комнату на крючок, отошла в самый дальний угол, чтобы меня не было видно из окна,— а жила я в первом этаже маленького деревянного домика в глухом переулке — и стала бережно отпарывать подшивку. Отворачиваю войлок и вдруг вижу уголок белой бумаги. Я заторопилась и через минуту вытащила тоненькие, мелко исписанные почерком Владимира Ильича листочки. Я торопливо развернула их и увидела, что это статьи Владимира Ильича и письмо в редакцию газеты. Так вот почему прислал мне Ильич валенки!

Я спрятала статьи в потайное место под полом. А валенки стала носить по утрам и вечерам, объясняя соседям, что так доктор велел, чтобы не застудить ноги. Статьи пролежали у меня месяца полтора, пока мне не удалось переправить их в надёжные руки».

Позднее, когда Владимир Ильич и Надежда Константиновна были в Женеве, я расспрашивал Надежду Константиновну, почему Владимир Ильич послал свои статьи Книпович, высланной в Астрахань под над-

зор полиции. И Надежда Константиновна рассказала мне об этом.

Владимир Ильич знал, что Лидия Михайловна — умный, опытный конспиратор. Он был уверен, что она сразу догадается, что посылка с «секретом». Посылка с валенками никого не удивит: что у Книпович может быть ревматизм,— это вполне естественно. Если местная охранка узнает о посылке, то, конечно, ей и в голову не придёт, что кто-нибудь осмелился послать незаконные вещи на адрес лица, находящегося под гласным надзором.

Владимир Ильич сам подшил вторые войлочные подмётки, подложив под них статьи, написанные на тонкой бумаге. Когда же всё было готово, прощупать листки было невозможно.

Своей работой Владимир Ильич остался доволен. Он даже шутил, что может стать сапожником и, если круто придётся, зарабатывать этим мастерством на хлеб.

Самым трудным оказалось отправить посылку в Минусинск. Владимир Ильич зашил валенки в полотно, написал изменённым почерком адрес. Адрес отправителя он выдумал, чтобы никого не подвести в случае провала. Воспользовавшись проездом через Шушенское каких-то купцов, Владимир Ильич рискнул попросить ямщика-крестьянина отправить валенки по почте откуда-нибудь поближе к Минусинску. Он дал ямщику десять рублей. Ямщик сунул валенки к себе в козлы, сказав, что сделает всё как надо и что расписку почтовую завезёт на обратном пути. Вскоре купцы двинулись в путь. Владимир Ильич всё время наблюдал за их отъездом и уверенно заявил, что всё будет в порядке. «У ямщика хорошее лицо: без хитринки»,— сказал он.

Прошло почти с неделю, как вдруг кто-то постучал в окно дома, где жил Ленин. Надежда Константиновна накинула платок и вышла на крыльцо. Перед ней стоял ямщик.

— Вы хозяйкой будете? — спросил он.— А супруг где ваш?

Владимир Ильич, увидев в окно, что кто-то разговаривает с Надеждой Константиновной, тоже вышел на крыльцо.

— А, ваше здоровье! — обрадовался ямщик.— Вот извольте получить квитанцию и сдачу.

В. И. Ленин руководит марксистским кружком в Петербурге. А. Моравов.

Перед отъездом в Россию. **И. Белякова.**

— За квитанцию благодарю,— сказал Владимир Ильич,— а сдачи никакой не нужно, это вам за труды.

— Какие же это труды? — возразил ямщик.— Нешто можно за пустяки такую деньгу брать? У нас в Сибири это не полагается... У нас сосед соседу помогает... А мы как есть с вами соседи, всего сто двадцать вёрст отседова моя деревня... Так извольте получить сдачу...— И он вынул семь с чем-то рублей.

— А у нас,— ответил Владимир Ильич,— за доброе дело принято одаривать детишек. Дети-то у вас есть?

— Как же, конечно, есть: пятеро их у меня. Одни бегают, другие за мамкину юбку держатся, а один махонький, на руках ещё...

— Ну вот и отлично, зайдите к нам чайку попить, а я сейчас приду.

Надежда Константиновна пригласила ямщика в комнату.

Вскоре Владимир Ильич вернулся и принёс с собой всякой всячины: головной платок хозяйке, связку баранок, конфет-леденцов, ещё какие-то сласти и два букваря.

— Это всё вашему семейству, передайте жене и деткам с поклоном от меня, пусть чайку попьют с конфетами,— сказал Владимир Ильич.— А это вот маленькому! — И он вытащил из кармана две раскрашенные деревянные куколки.— А это вот тем, кто постарше.— Он высыпал из другого кармана десятка два оловянных солдатиков.— А буквари старшим.

Всё это Надежда Константиновна завернула, завязала и отдала ямщику.

— Благодарим покорно,— говорил он.— Память о вас у нас будет навсегда. А как звать-то вас?

— Владимир, а по отчеству Ильич.

Ямщик низко поклонился и пошёл на постоялый двор к лошадям.

Почтовую квитанцию тотчас же сожгли в печке.

Спустя несколько месяцев Владимир Ильич получил сведения, что «Бабушка» с удовольствием носит валенки «на одной подошве». Он понял, что она их расшила, а стало быть, статьи были в её руках.

ЛЕНИНУ ГРОЗИТ ОПАСНОСТЬ

В ноябре 1905 года, когда революционное движение охватило всю страну, Ленин приехал из эмиграции в Петербург.

Владимир Ильич жил на нелегальном положении, часто меняя паспорта и квартиры.

Он был в самом центре партийной работы, видался со множеством людей, постоянно бывал на партийных собраниях и ежедневно рисковал быть узнанным. Не раз Ленин был на волосок от ареста. Вот один из таких случаев.

Было назначено большое собрание петербургской партийной организации в одном из домов, находившихся в переулке между Фонтанкой и Мойкой. В условленный час мы отправились небольшой группой на собрание. У Александринского театра мы заметили разгуливающих с беззаботным видом подозрительных прохожих. Нетрудно было догадаться, что это шпики. И мы поспешили разойтись в разные стороны.

Свернув в один из переулков, я лицом к лицу столкнулся с Марией Александровной Дубининой, нашим партийным товарищем. Легальное её имя было Таисия Александровна Ленивова.

Мария Александровна пристально посмотрела на меня и сделала чуть заметный предупреждающий знак пальцем. Я понял, что там, где должно быть собрание, неблагополучно.

«Где Владимир Ильич? — подумал я.— Может быть, он там, на месте явки? Может быть, он уже арестован?»

Мария Александровна спокойно прошла мимо меня, я перешёл на другую сторону и вошёл в первую попавшуюся лавочку купить какую-то мелочь. Выйдя из неё, я пошёл вслед за Марией Александровной. Она оглянулась и, увидев меня, тотчас же зашла в фруктовый магазин. Я последовал за ней.

— Что там?

— Засада.

— Он там? — спросил я Марию Александровну, когда продавец отошёл в дальний угол за яблоками, которые я попросил его взвесить.

— Нет!

— Надежда Константиновна?

— Нет!

— Надо их предупредить...

И мы, расплатившись, вышли из лавки.

Что делать? Как предупредить Владимира Ильича? Надо было во что бы то ни стало перехватить его по дороге к конспиративной квартире. Вскоре мы встретили Надежду Константиновну. Она тоже не знала, где Владимир Ильич.

Мы продолжали ходить по переулкам вокруг места явки, встретили многих товарищей, предупредили их об опасности и разослали во все концы, надеясь, что кто-либо встретит Владимира Ильича.

На сердце было тревожно: «Неужели Владимир Ильич уже прошёл туда? Неужели он арестован?»

Исколесив все переулки, в сотый раз встретившись с Марией Александровной, мы в отчаянии круто свернули в глухой переулок и вдруг видим: Владимир Ильич идёт не очень спеша по переулку и зорко смотрит вокруг. Заметив нас, он на мгновение остановился. Я оглянулся: за нами никого не было. Тогда я сделал Владимиру Ильичу знак рукой и, проходя мимо него, буркнул:

— Поворачивайте назад! Засада! Следят!

Он и глазом не моргнул, прошёл немного дальше и скрылся во дворе. Я ещё раз оглянулся — всё было спокойно. Я перешёл на другую сторону и вслед за Марией Александровной вошёл в маленький писчебумажный магазинчик. Мария Александровна стала что-то покупать, медленно выбирая то одно, то другое, а я стоял у окна, наблюдая за улицей, и время от времени поторапливал Марию Александровну, чтобы моё присутствие в магазинчике не вызвало подозрения у продавщицы.

Через несколько минут я увидел, что Владимир Ильич вышел из ворот, оглянулся по сторонам и быстро стал уходить в ту сторону, откуда он пришёл.

Я заторопил Марию Александровну. Она тотчас же расплатилась, и мы пошли за Владимиром Ильичём, издали наблюдая за ним. Когда мы увидели, что Владимир Ильич нанял извозчика и уехал, у нас отлег-

ло от сердца. Мы повернули обратно, чтобы предупредить Надежду Константиновну и других товарищей, которые ещё сторожили Владимира Ильича. По нашим весёлым лицам товарищи без слов понимали, что Владимир Ильич предупреждён и что он вне опасности.

Теперь можно было уходить и всем остальным. Вокруг сновали шпионы, подозрительные личности нахально заглядывали нам в лица. Надо было серьёзно заняться уничтожением «хвоста», чтобы не привести шпионов домой. Покружив по переулкам, я наконец очутился на Невском и быстро замешался в толпу. Зайдя в книжный магазин О. Н. Поповой, где я прекрасно знал все ходы и выходы, я отсиделся в одной из отдалённых комнат, немного погодя вышел по чёрному ходу во двор и оттуда благополучно пробрался в книжный магазин «Вперёд», одно из наших явочных мест. Здесь уже знали об опасности. Нам стало ясно, что в нашу организацию прокрались провокаторы, что наша конспирация нарушена и, что самое главное, Владимир Ильич в опасности.

— Это за ним приходили!.. Это его хотели арестовать!..— говорили мы между собой.

— Ему надо уехать из Питера! — твердили товарищи.

Мы стали настаивать, чтобы Владимир Ильич уехал из Петербурга.

И он вскоре уехал на станцию Куоккала, где для него была приготовлена квартира на вилле «Ваза». Отсюда Владимир Ильич руководил партией и рабочим классом. Отсюда он, пренебрегая опасностью, приезжал в Петербург, выступал на собраниях, здесь он писал статьи и брошюры.

РЕВОЛЮЦИЯ

К концу марта 1917 года до нас стали доходить вести, что Владимир Ильич, который тогда был в эмиграции в Швейцарии, принимает самые энергичные меры, чтобы как можно скорее вернуться в Россию.

В Европе шла империалистическая война, границы между государствами были закрыты, пробраться через них вообще было не так-то просто, а Ленину в особенности. Мы знали, что правительства Франции и Англии, военных союзников царской России, боятся пропустить на родину такого опасного революционера. На содействие Временного правительства, образовавшегося после февральской революции, конечно, нечего было рассчитывать. Это правительство состояло из людей, которые служили буржуазии. Они не хотели и боялись приезда Ленина, они знали, что он возглавит революцию и поведёт народ на борьбу с буржуазией.

Мы, большевики, повсюду вели революционную работу. К этому времени силы наши возросли: многие и многие товарищи вернулись из тюрем и ссылки. Время было горячее, напряжённое, и все мы остро чувствовали, как нужен сейчас Владимир Ильич.

И вдруг приходит сообщение, что Владимир Ильич уже в Стокгольме, немного погодя,— что он перебрался в Финляндию и, наконец, что вечером 3 (16) апреля он будет в Петрограде.

Мы узнали об этом поздно, а день был нерабочий. Газеты не выходили, заводы и фабрики не работали, почта тоже. Но Петроградский комитет партии большевиков дал знать рабочим, солдатам и матросам Питера и Кронштадта о приезде Владимира Ильича.

Часам к семи вечера мы собрались у здания Петроградского комитета и, развернув красное знамя, двинулись к Финляндскому вокзалу. Чем ближе мы подходили, тем чаще мы видели группы рабочих, идущие встречать Ленина. Мы продвигались вперёд, и народу становилось всё больше. Маленькие группы рабочих сливались в колонны. Чётким шагом шли армейские части. Гремели оркестры, лились революционные песни. Когда мы подошли к Финляндскому вокзалу, вся площадь и все прилегающие к ней улицы были уже заполнены тысячами рабочих и солдат. Они пришли приветствовать Ленина, а если надо, то и защищать его от врагов революции.

Подъехали мощные броневики и остановились у входа на вокзал. Начало темнеть. До прихода поезда оставалось совсем немного. В это время на набережной показались колонны кронштадтских матросов в полном вооружении. Получив известие, что в Петроград прибывает Ленин, моряки пробили сигнал «боевой тревоги» — и через несколько минут все матросы Кронштадта были в сборе. Тотчас же организовали отряды для несения почётного караула на Финляндском вокзале и для охраны Владимира Ильича.

Финский залив ещё не очистился ото льда, и кронштадтцы отправили своих пред-

ставителей на ледоколе, дав наказ во что бы то ни стало прибыть во-время. Времени оставалось мало. Ледокол на всех парах шёл в Петроград. На рейде матросы пересели на быстроходные катера, полным ходом вошли в Неву и пришвартовались у Литейного моста.

Беглым маршем пришли они на вокзал за двадцать минут до прихода поезда и стали в почётный караул.

В. И. Ленин провозглашает Советскую власть. В. Серов.

— Я прошу вас передать Владимиру Ильичу,— обратился ко мне один из моряков,— что матросы просят, чтобы он им сказал несколько слов...

Минуты ожидания тянулись долго. И вот наконец в туманной дали показались огни паровоза... Вот змейкой мелькнул на повороте освещённый поезд... Ближе, ближе... Застучали колёса. Паровоз запыхтел, дал контрпар и остановился.

Мы бросились к вагонам. Из пятого от паровоза вагона вышел Владимир Ильич Ленин, за ним Надежда Константиновна, ещё и ещё товарищи...

— Смир-но! — понеслась команда почётному караулу, воинским частям, вооружённым рабочим отрядам на вокзале, на площади... Оркестры заиграли «встречу», и все войска взяли «на караул».

Мгновенно смолкли человеческие голоса, только оркестры продолжали играть. И потом вдруг сразу толпа заколыхалась, и грянуло такое мощное, такое потрясающее, такое сердечное «ура», какого я никогда не слыхивал...

Владимир Ильич радостно поздоровался с нами, не видавшими его почти десять лет, и двинулся было вперёд своей торопливой походкой, но, когда грянуло это «ура», приостановился и, немного растерявшись, спросил:

— Что это?

— Это революционные войска, и рабочие приветствуют вас,— сказал ему кто-то.

Взволнованный, шёл Владимир Ильич по фронту почётного караула. Мы подошли к матросам. Я сказал Ленину, что матросы хотят слышать его слово. Владимир Ильич сделал несколько шагов назад, остановился, снял шляпу и обратился к матросам:

— Матросы, товарищи! Приветствуя вас, я ещё не знаю, верите ли вы всем посулам Временного правительства, но я твёрдо знаю: когда вам говорят сладкие речи, когда вам многое обещают,— вас обманывают, как обманывают и весь русский народ. Народу нужен мир, народу нужен хлеб, народу нужна земля. А вам дают войну, голод, бесхлебье, на земле оставляют помещика... Матросы, товарищи! Нам нужно бороться за социалистическую революцию, бороться до конца, до полной победы пролетариата!

И он двинулся дальше по рядам.

Лишь только Владимир Ильич вышел из подъезда вокзала, как вновь грянуло «ура». Звуки оркестра, революционные песни, приветственные крики — всё слилось в могучий рокот, величественный, как рокот океанской волны.

Лучи прожекторов скользнули по небу. Этот беспокойный, перебегающий, трепещущий свет создавал какое-то особенное, праздничное настроение.

Владимир Ильич поднялся на броневик. Сдержанный гул прокатился по площади, и как-то вдруг сразу тысячная толпа умолкла. Наступила тишина.

Владимир Ильич помолчал несколько секунд, оглядывая настороженно притихших людей, и начал говорить.

После долгих лет изгнания это была его первая речь перед народом. Он призывал рабочих, солдат и матросов к борьбе за власть.

Он закончил речь словами:

— Да здравствует социалистическая революция!

ЛЕНИН НА ОТДЫХЕ

Летом 1917 года Владимир Ильич почувствовал себя очень утомлённым. Он лишился сна, побледнел, у него появились сильные головные боли. Все мы видели, как плохо чувствует себя Владимир Ильич, и настаивали, чтобы он отдохнул.

Как раз в это время я отправлялся на станцию Мустамяки, к своей семье, которая жила там на даче. Владимир Ильич несколько раз собирался к нам приехать, но всё дела не пускали. Уезжая, я ещё раз напомнил Владимиру Ильичу, Надежде Константиновне и Марии Ильиничне, что комнаты для них приготовлены, хотя и не надеялся, что Владимир Ильич вырвется из петроградского пекла.

И вдруг на другой день, часов в пять вечера, смотрю и не верю глазам своим: шествует к нам Демьян Бедный, загораживая своей широкой спиной остальных, а за ним — Владимир Ильич с маленьким чемоданчиком в руках и Мария Ильинична. Всё-таки Владимир Ильич решил поехать отдохнуть.

С вокзала он по конспиративной привычке не пошёл прямо к нам, а поехал на извозчике к Демьяну Бедному, и уж от него, когда уехал извозчик, они пешком отправились ко мне за полторы версты.

...Наступил вечер, и все мы собрались на балконе. Стояла изумительная предночная

тишина. Ветер чуть колыхал нежную дымку вечернего тумана. Яркий закат позолотил и разукрасил дали, иссинил поля и бросил в жар и зарево огромного пожара дальний горизонт отливающего сталью безбрежного озера. Робко, а потом всё смелей, всё голосистей стали перекликаться ночные птицы. Где-то совсем близко беззвучно проносились летучие мыши, шарахаясь при резком крике совы.

Владимир Ильич, опершись о спинку кресла, задумался, ушёл в себя, молчали и все мы, понимая, что разговоры излишни. Было тихо, тихо...

— Как хорошо! — чуть слышно сказал Владимир Ильич.

Он встал и тихонько пошёл к себе. Моя жена, Вера Михайловна, беспокоясь о его бессоннице, попросила его выпить заранее приготовленное в рюмочке снотворное зеленоватое лекарство. Он покорно выпил и медленно поднялся наверх.

— Лишь бы уснул! — шепнула Вера Михайловна.

Все мы, оставшиеся внизу, говорили шёпотом, ходили на цыпочках, боясь нарушить тишину прекрасного июньского вечера, окутавшего покой Владимира Ильича. Утром мы узнали, что Владимир Ильич в самом деле уснул. В эту ночь он спал больше, чем всё последнее время.

Встал он бодрым.

С каждым днём к Владимиру Ильичу всё больше возвращался сон, и сам он становился бодрее.

Нередко он с Марией Ильиничной, а иногда и со всей нашей компанией ходил гулять к озеру, на берегу которого он любил подолгу просиживать. Несколько раз я ходил с ним купаться.

Владимир Ильич был замечательный пловец. Уплывёт, бывало, далеко-далеко в огромное озеро и там ляжет на воду и качается на волнах...

Я предупреждал Владимира Ильича, что в озере есть холодные течения, что оно вулканического происхождения и поэтому очень глубокое, что в нём есть водовороты и омуты и в нём много тонет людей и что, одним словом, надо быть осторожным и не заплывать далеко. Куда там!

— Тонут, говорите? — переспросит, бывало, Владимир Ильич, аккуратно раздеваясь.

— Да, тонут, вот ещё недавно...

— Ну, мы не потонем... Холодные течения, говорите,— это неприятно... Ну, ничего, мы на солнышке погреемся... Глубоко?

— Чего уж глубже!

— Надо попробовать достать дно...

Я понял, что лучше ничего этого ему не рассказывать. Он, как настоящий спортсмен, только всё более распалялся при этих рассказах.

Не успеешь оглянуться, как он уже бежит по отлогому дну озера, потом вдруг нырнёт — и пропал... И нет и нет его...

Какие только мысли в эти минуты не приходят в голову!

И вдруг он неожиданно покажется далеко-далеко, перевернётся на спину или выскочит по пояс из воды, приглаживая обеими руками волосы. Потом оботрёт лицо рукой и громко кричит мне:

— Что же вы? Здесь прекрасно! Очень хорошо!

И вдруг опять нет его. Ждёшь, ждёшь... Нет и нет! И снова появляется, ещё дальше, голова чуть виднеется. Лёг на спину, отдыхает, потом перевернулся и поплыл сажёнками, да какими! Летит, что твой катер. И опять скрылся вдали...

Вот, видимо, решил вернуться домой. Быстро перевернулся на спину и полным ходом пошёл ногами вперёд. Кисти рук так и мелькают около пояса. Он всё приближается к берегу и вот, кажется, совсем уже должен выйти. Но никак не может отказать себе в удовольствии: разом кувыркнулся и пропал, выскочил и опять кувыркнулся...

«Когда же вынесут его волны на берег?» — тревожно думается мне.

И вот появился из воды и давай около берега нагонять волну на волну... И побежал по низкой воде к берегу...

— Наконец-то!

Доволен очень. Хвалит озеро. Хвалит разную температуру воды. Говорит, как попал в холод,— словно обожгло, а потом на солнышке согрелся.

Боялся я за Владимира Ильича. Ведь в самом деле озеро опасное! Финские рыбаки, родившиеся здесь, и те боятся купаться далеко от берега.

Что тут делать?

Решил я тайно от Владимира Ильича завести недалеко от места купанья лодку. Грёб я великолепно и в былое время на гонках ходил первым. В тот же день я пошёл нанимать лодку.

Меня встречают и спрашивают:

— Кто это с вами вчера купался? Ну и пловец!

— Это моряк Балтийского флота, родственник мой,— вру я беззастенчиво ради конспирации.— Приехал отдохнуть, да вот

увидел родную стихию и, как утка, сейчас в воду...

— Сразу видно, что моряк... Вот плавает так плавает!..

И по нашим местам разнеслась молва о прекрасном пловце — офицере Балтийского флота.

СОЛДАТСКИЙ ХЛЕБ

Партия большевиков, взяв власть в свои руки, занялась самыми неотложными делами. Надо было дать народу мир, прекратить войну с Германией, начатую царём. Надо было дать крестьянам землю, отобрать её у помещиков. Надо было наладить положение с продовольствием, а положение это к 1917 году стало трагическим: люди в городах голодали. Необходимы были срочные меры, и правительство приняло их.

Были немедленно отобраны у капиталистов эшелоны с мукой и зерном, стоящие на железнодорожных путях в Петрограде. Большие запасы муки были обнаружены у крупных мукомолов и владельцев булочных.

Благодаря этим мерам нам стали выдавать по карточкам фунт хлеба в день. Но подвоза из провинции всё ещё не было, и вскоре снова пришлось экономить, уменьшать паёк. Так, в Петрограде мы дошли до восьмушки хлеба. И вот наступил печальный день, когда комендант Смольного, где находилось тогда правительство, тов. Мальков сообщил мне, что у нас нет ничего, даже восьмушку хлеба нельзя выдать.

Я заторопился в Управление делами Совета Народных Комиссаров. Туда должны были придти телеграммы о том, когда Петроград сможет получить хлеб из провинции.

Было около семи часов утра. Немного спустя в Управление делами пришёл демобилизованный солдат. В то время уже был заключён мир с Германией, и солдаты часто заходили к нам перед отъездом на родину. Мы снабжали их отпечатанным в виде книжечки декретом о земле, принятым Советской властью.

Я просматривал почту и попросил солдата обождать меня. Он стоял за барьером, отделявшим большую комнату Управления делами от приёмной, и с любопытством всё рассматривал. В это время ко мне подошла наша буфетчица Маня.

— Как же быть, Владимир Дмитриевич, ведь у нас ничего нет: ни куска сахару, ни ломтя хлеба, только вот и есть, что чай да соль.— И она показала поднос, на котором стояли два стакана чаю и блюдечко с солью.— Как же я понесу это Владимиру Ильичу, ведь он голодный! — говорила она, чуть не плача.

Солдат прислушивался к нашему разговору.

— Ну уж нет,— вдруг громко сказал он,— кого-кого, а Владимира Ильича мы прокормим!

И он поворотом плеча скинул со спины солдатский мешок, вынул из-за голенища складной нож, быстро раскрыл его, развязал мешок, достал круглую буханку хлеба, прижал её к груди и одним взмахом разрезал пополам. Половину буханки он сунул обратно в мешок, а другую, подойдя чётким, солдатским шагом к Мане, положил на поднос, проговорив:

— Вот этот хлебушек Владимиру Ильичу.

— Спасибо тебе, солдатик! — обрадовалась Маня и тотчас же пошла в кабинет Владимира Ильича.

Через несколько минут Владимир Ильич отворил дверь своего кабинета и громко, на всю комнату сказал, обращаясь к солдату:

— Спасибо вам, дорогой товарищ, такого вкусного солдатского хлеба я никогда ещё не едал...

— Это он? Сам Владимир Ильич... Ну и ну!..— растерянно произнёс солдат.— Вот какой он есть, Ленин!.. Ласковый. За такую безделицу, а как сердечно благодарит!.. Наш он, Владимир Ильич-то!..

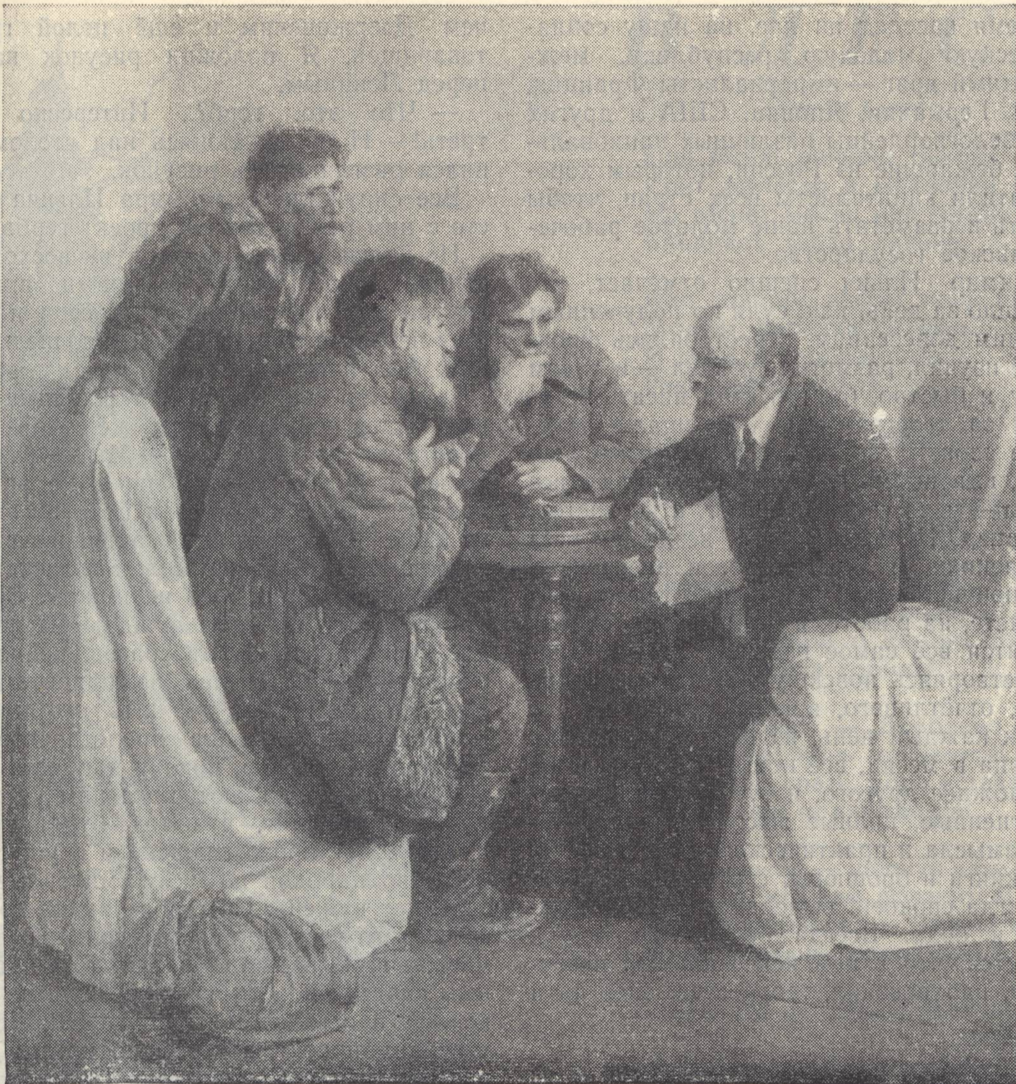
В КРЕМЛЕ

Быстрые, чёткие шаги гулко отдаются по ещё пустому коридору. Это Владимир Ильич рано утром спешит из своей квартиры в кабинет Совнаркома. Часовой, всегда дежурящий у дверей кабинета, завидев приближающегося Владимира Ильича, подтягивается и с гордой радостью отдаёт честь тому, кто столько лет бессменно стоит на страже революции.

— Здравствуйте, товарищ! — приветливо здоровается Владимир Ильич.

— Здравствуйте, Владимир Ильич! —

Ходоки у В. И. Ленина. В. Серов.

звучно отвечает бравый курсант из кремлёвской школы командиров.

Как только затворялась дверь кабинета Владимира Ильича, этой простой, светлой комнаты, там начиналась воистину изумительная, строго систематизированная работа. Мельком взглянув на стол, где уже лежала утренняя почта и отдельно телеграммы с фронтов, Владимир Ильич брал именно эту пачку и быстро прочитывал телеграммы, так быстро, что казалось, не было никакой возможности понять, что там написано. А он все телеграммы уже знал наизусть и после цитировал напамять слово в слово. Причём всегда с изумительной точностью в цифрах: если время отправки и прибытия телеграммы, то обязательно часы и минуты и, конечно, все цифры вёрст, маршей, продвижений поездов, число красноармейцев, вражеских солдат, офицеров, число пушек, ружей, количество вагонов и паровозов, количество пудов провианта, как будто он долго изучал их перед этим. Если бы не видеть десятки и сотни раз это изумительное чтение документов, то, право, и поверить невозможно было бы. Надо было иметь удивительно изощрённую память, мгновенность восприятия впечатлений, чтобы вмещать всё то, что вмещал в свой всеобъемлющий мозг этот воистину гениальный человек.

Просмотрел телеграммы — и мигом к карте: к одной, к другой, к третьей. Всюду развешаны карты, и всюду собственной рукой его отмечены фронты, с которых в раз-

ное время наседал на нас, на нашу социалистическую молодую республику, международный враг — империалисты Франции, Англии, Германии, Японии, США и других стран, белогвардейцы различных национальностей, бежавшие из России, которым хорошо платили капиталисты всех стран, чтобы разорить и разметать наше молодое рабоче-крестьянское государство.

Владимир Ильич спешно отмечает, что произошло за день, как, судя по полученным последним донесениям, перестроились фронты. Всё изучил, разметил, увидел — и разом к столу и быстро, быстро стал писать телеграмму за телеграммой. Затрещали телефонные звонки, полились телефонные разговоры, вызовы по прямому проводу во все стороны — и на север, и на юг, и на восток, и на запад. И загудело всё, везде, во всех направлениях, и заработало, и заспешило! Сразу почувствовали все, что он там, у себя в кабинете, на работе, в этом центре, откуда расходится всё самое главное, самое мощное, претворяясь повсюду в плоть и в кровь живого, отчётливого, яркого дела.

И так каждый день, из недели в неделю, из месяца в месяц, всё новые и новые дела, одно сложнее другого, и тут же, между делом, огненные, полные высокого теоретического замысла и практического смысла речи, новые книги и брошюры, статьи и листовки.

И всегда спокоен, выдержан, краток, подвижен и бодр. Всегда бесконечно бодр... И кажется, что в нём неиссякаемый источник сил, вдохновения, творчества, энергии и воли.

СОВЕТСКИЙ ГЕРБ

Всё создавалось заново в нашей стране. И государственный герб тоже нужен был новый, какого ещё никогда не существовало в истории народов,— герб первого в мире государства рабочих и крестьян.

В начале 1918 года мне принесли рисунок герба, и я тотчас же понёс его Владимиру Ильичу.

Владимир Ильич в это время был у себя в кабинете и беседовал с Яковом Михайловичем Свердловым, Феликсом Эдмундовичем Дзержинским и ещё целой группой товарищей. Я положил рисунок на стол перед Лениным.

— Что это, герб?.. Интересно посмотреть! — И он, наклонясь над столом, принялся разглядывать рисунок.

Все окружили Владимира Ильича и вместе с ним разглядывали проект герба.

На красном фоне сияли лучи восходящего солнца, обрамлённые снопами пшеницы, внутри них перекрещивались серп и молот, а из перевязи снопов вверх, к солнечным лучам, был направлен меч.

— Интересно! — сказал Владимир Ильич.— Идея есть, но зачем же меч? — И он посмотрел на нас всех.— Мы бьёмся, мы воюем и будем воевать, пока не закрепим диктатуру пролетариата и пока не выгоним из нашей страны и белогвардейцев и интервентов. Но насилие не может главенствовать у нас. Завоевания нам не нужны. Завоевательная политика нам чужда. Мы не нападаем, а отбиваемся от врагов, война наша оборонительная, и меч не наша эмблема. Мы должны крепко держать его к руках, чтобы защищать наше пролетарское государство до тех пор, пока у нас есть враги, пока на нас нападают, пока нам угрожают, но это не значит, что так будет всегда... Когда будет провозглашено и осуществлено братство народов во всём мире, меч нам не будет нужен... Из герба нашего социалистического государства мы должны удалить меч...— И Владимир Ильич тонко очинённым карандашом перечеркнул меч на рисунке.— А в остальном герб хорош. Давайте утвердим проект, а потом посмотрим и ещё раз обсудим в Совнаркоме. Надо это сделать поскорей...

И он поставил на рисунке свои инициалы.

Я передал проект герба художнику Андрееву, находившемуся в кабинете Ленина. Он в то время лепил Владимира Ильича, тихонько сидя на диване. Андреев перерисовал герб, сделал всё как-то рельефней, выразительней и, конечно, удалил меч.

Этот проект герба Российской Советской Федеративной Социалистической Республики, исправленный по замечаниям Владимира Ильича, и был утверждён 19 июля 1918 года.

В гербе Советского Союза тоже есть и серп, и молот, и золотые снопы в лучах восходящего солнца. Под этими счастливыми символами мира и труда живёт советский народ, с ними он идёт в коммунизм.

★

В ЛЕСУ

Гурген Борян

Ещё объят ночною тьмой,
Спит Арчасар в молчании.
Но гаснет месяц над горой,
Бледнеет звёзд сияние.

Над спящим лесом тишь плывёт,
Молчат деревья сонные,
И лишь в ущелии поёт
Река неугомонная.

Застыли в небе облака,
Кустарник не колышется,
Но под горой бежит река,
И тихо песня слышится.

Скажи, о чём она поёт,
Куда бежит, проворная,
Зачем волной о камень бьёт
Родная речка горная?

Она твердит: — Довольно спать!
Взгляните: ночь кончается!
Довольно спать, пора вставать,
Уж солнце поднимается!

— Тш-тш-тш,— шепнул камыш,—
А ну-ка, кто там дразнится?
Ель проворчала: — Что не спишь,
Куда бежишь, проказница?

— Ты что не спишь? Молчи...
Молчи...—
Дубы листвой захлопали.
Но вдруг отозвались ручьи
И встрепенулись тополи.

И речка, вспугивая сов,
В безудержном веселье
Навстречу сотням голосов
Бежала по ущелью.

И нарастал неясный гул.
Окончилось молчание.
А лес проснулся и вздохнул,
Встречая утро раннее.

Перевёл с армянского
Лев Гинзбург.

Родники

(Продолжение)

Нина Емельянова

Рисунки А. Кокорина

Дуняшино горе

Прошло немного времени, каких-нибудь несколько дней, с тех пор, как я встретила Кондратьева. И вот случились события, которые, словно чертой, отделили первые, немного смутные детские годы. Меня окружали всё те же люди, но теперь я видела их яснее. Произошло это так.

Я играла на дворе, когда высокая молодая женщина взошла на крыльцо и крепко постучала в нашу дверь. И тут, вдруг заметив меня, она сказала так, будто мы с ней виделись много раз и очень часто:

— Здравствуй, племянница Саша, тебе дедушка Никита кланяется. Мама дома?

В это время дверь открылась, мы вошли, и женщина откинула со лба лёгкий шарф. Она поцеловалась с мамой и оказалась Варей, дочерью дедушки Никиты Васильевича и моей тёткой. Она приехала к маме и просила её съездить с ней вместе к Лизавете Сергеевне:

— Одна я не сразу найду их. А мне очень нужно передать одну вещь.

— Ну, что же, поедем, только подожди, Варя, сперва пообедаем.

За обедом тётя Варя рассказывала о дедушке Никите Васильевиче, называла его отцом, и мне почему-то странно было, что он и дедушка и отец. О матери своей она сказала, что здоровье её всё такое же плохое, но она без рукоделия минуты не сидит: всё что-нибудь шьёт или вяжет.

Мне случалось оставаться одной дома, но в такую хорошую погоду, как сегодня, не хотелось сидеть в комнате. Я спросила маму, можно ли мне пойти играть в большом саду за нашим домом.

— Можно. Но если пойдёшь туда, запри дверь и ключ отдай Даниле, чтобы не потерять.

Когда они уходили, я слышала, как тётя Варя сказала:

— Бедная Ксения себе места не находит с тех пор, как взяли Степана Саввича.

Это я хорошо расслышала, но сразу не догадалась, что значит взять человека. Можно было взрослому взять куда-нибудь с собой маленького ребёнка: взять в церковь, взять в Нескучный сад, взять в гости. А большого как?

В этот день забежал Митя, и так как услышанное почему-то беспокоило меня, я сказала ему, что дядю Стёпу куда-то «взяли», но только я не поняла, куда.

— Эх ты! — объяснил он с высоты своего девятилетнего возраста.— Взяли — это взяли и есть.

— Куда?

— Да в тюрьму посадили,— ответил Митя.— Разве мало народа сажают?

Это было уже понятно.

— А Дуняша? А Ксения? — спросила я.

— Дуняша, небось, плачет, а мать её, наверное, побежала узнавать, куда отвезли мужа: в Таганскую или в Бутырскую, а то ещё куда-нибудь. Это всегда так жёны бегают узнавать про мужей.

Спокойствие Мити меня поразило.

— Что же ты так говоришь? Разве ты Дуняшу не жалеешь?

— Жалею. А что же мне, плакать о ней, что ли? У нас (он так и сказал: «у нас») не плачут, а как в семье горе, пойдут, денег снесут, поглядят, в чём самая нужда. А плакать — это...— Он пренебрежительно махнул рукой.

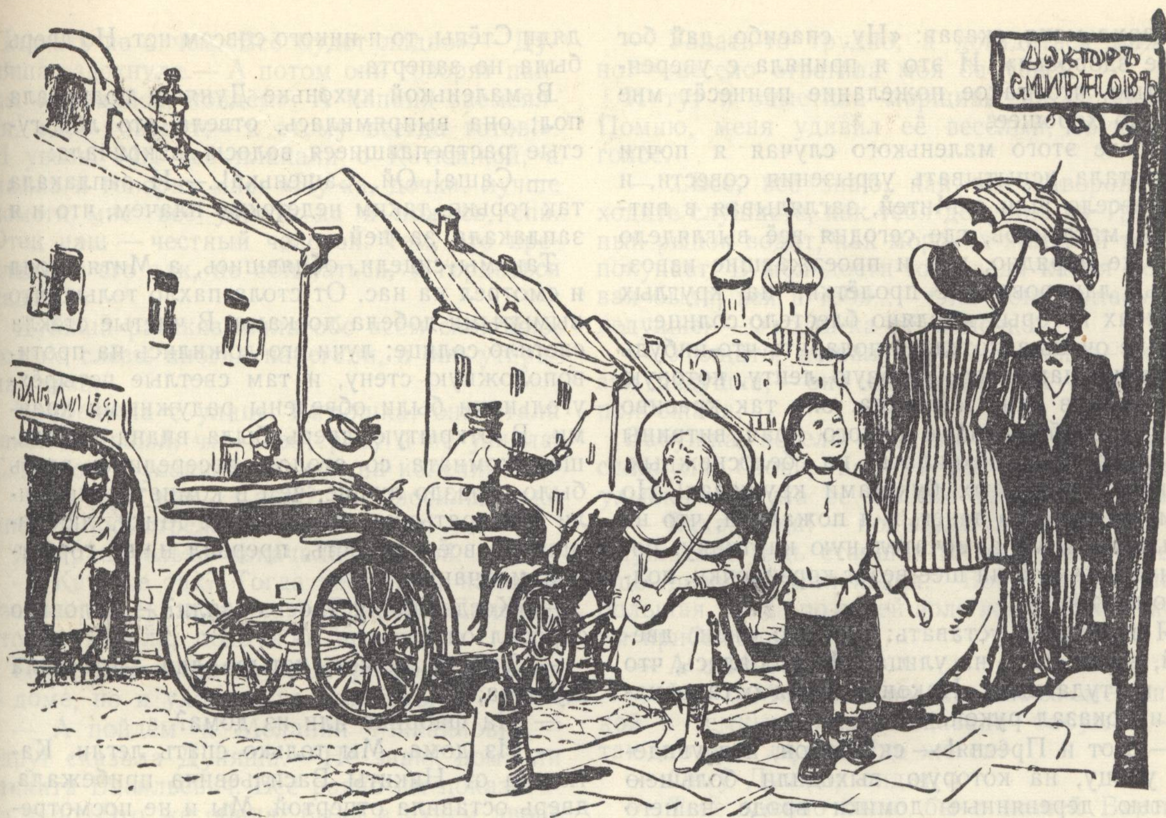
Мне представился такой же «угол», как был у Ксении после увольнения Кондратьева с фабрики, и там за столом, покрытым потёртой клеёнкой, сидит Дуняша, одна-одинёшенька, держит на коленях Катюшку, и большие её голубые глаза смотрят задумчиво и печально. Как бы хорошо было, если бы я могла пойти к ней, спросить, как они теперь будут жить! Да вот беда: далеко до Пресни.

— Митя,— спросила я,— до Пресни очень далеко?

Митюшка посмотрел на меня, выпятив немного губу, и присвистнул:

— Рукой подать! Вот как далеко. А что?

— А ты не врёшь? — У меня всё-таки было сомнение в том, что до Пресни «рукой подать».

Мы весело шли с Митей, заглядывая в витрины магазинов.

— Чего я буду врать? На Красной площади бывала?

Я кивнула головой.

— Оттуда по Моховой, потом по Никитской, всё прямо и прямо: вот тебе и Пресня.

А ты до Кондратьевых дорогу найдёшь?

— А то... Я у них, может, раз пять с Петром Иванычем бывал. Идти, что ли, хочешь? Так пойдём.

Дело решилось так скоро и просто, что раздумывать было нечего. Мама ушла надолго, отец придёт только вечером. Конечно, одной мне идти нельзя, на улицу мне можно выходить только с кем-нибудь из взрослых. Но Митя же знает дорогу! И потом мы не гулять идём, а проведать подружку, у которой случилось горе. Мы скоро вернёмся.

Всё-таки на душе у меня было неспокойно, и при одной мысли, что мама очень рассердится, сердце словно летело куда-то. Вот ведь Митя ходит один по улицам, и Дуняша ходит, и никто им ничего не говорит! Я закрыла дверь на замок, как всегда, уходя, делала мама, ключ отнесла Даниле и сказала, что мама велела отдать, мы с ней уходим.

— Постой, постой,— сказал Данила,— ведь Аграфена Васильевна с час, как ушла.

И мне велела догонять, мы с Митюшкой пойдём,— беспечно солгала я, поражаясь про себя, как быстро один неправильный поступок влечёт за собой другой. Моё путешествие к Дуняше с какой-то одной стороны казалось мне правильным и неправильным — с другой. Э!.. Что там думать! После разберёмся.

Мы вышли с Митюшкой из ворот. Вид и даже самый воздух улицы показались мне совсем другими: необычайно резко выступали стены домов, камни мостовой, доски заборов с кругленькими сучками в них. Всё было так выпукло и нарядно, словно обведено тонкими чёрными линиями.

Сначала мне казалось, что все встречные смотрят на меня и думают: «Вот девочка пошла одна, не спросившись у мамы». Но когда один старичок спросил меня: «Девочка, как пройти на Пятницкую?»,— я поняла, что моё путешествие в глазах других людей — дело самое обычное, и мне очень польстило обращение ко мне взрослого человека. Зная Пятницкую, я постаралась дать ему совершенно исчерпывающие указания, и он побла-

годарил меня, сказав: «Ну, спасибо, дай бог тебе здоровья». И это я приняла с уверенностью, что такое пожелание принесёт мне только хорошее.

После этого маленького случая я почти перестала испытывать угрызения совести, и мы весело шли с Митей, заглядывая в витрины магазинов, где сегодня всё выглядело так же нарядно, как и проезжавшие извозчичьи лакированные пролётки, на круглых изгибах которых масляно блестело солнце.

Мне очень захотелось подарить что-нибудь Дуняше, например, розовую ленту, которую я видела в окне магазина: она так красиво была переброшена с одного края витрины до другого и покоилась на белоснежных, пышно сложенных букетами кружевах! Но у меня не было денег, и я пожалела, что не взяла из дома замечательную картинку: собачка с лентой на шее везёт корзиночку, полную цветов.

Я начинала уставать: столько окон, дверей, ворот было на улицах! И я боялась, что мы не туда идём. Наконец Митя остановился и показал рукой.

— Вот и Пресня! — сказал он, и я увидела улицу, на которую выходили большею частью деревянные домики вроде нашего флигеля с маленькими палисадниками перед ними. Окна первых этажей везде были со ставнями. Мы прошли мимо каменного двухэтажного дома, где в нижнем этаже помещалась пивная лавка, а рядом на железной вывеске был изображён блестящий и чёрный сапог и написано: «Чекалин — военный сапожник». Мне казалось, что нам долго ещё идти, как Митя неожиданно повернул во двор и остановился перед маленьким флигельком, по стене которого высоко вились листья любимого маминого цветка ипомеи.

— Тут и живут Кондратьевы,— сказал он.

Так уютно и хорошо было в этом дворе, что я оглядела его, прежде чем войти. Чисто-чисто выметенный двор; две толстые раскидистые липы росли между флигельком и большим оштукатуренным домом с крыльцом на улицу. Под липами были вкопаны в землю столик на одной ноге и две скамеечки. На верёвке, протянутой от липы к углу дома, ветерок развевал выстиранное детское бельишко.

— А вот там Никита Васильевич живёт,— показал Митя на два окна этого дома, выходившие во двор.— Эту половину хозяин всю квартирантам сдаёт. И флигель тоже.

Поднявшись на крылечко флигеля, мы постучали. Никто не отозвался, и сердце у меня упало: мне как-то казалось, что раз нет дяди Стёпы, то и никого совсем нет. Но дверь была не заперта.

В маленькой кухоньке Дуняша подметала пол; она выпрямилась, отвела ото лба густые растрепавшиеся волосы, закричала:

— Саша! Ой, Сашенька!..— И заплакала так горько, таким недетским плачем, что и я заплакала за ней.

Так мы сидели, обнявшись, а Митя стоял и смотрел на нас. От стола пахло только что вымытыми добела досками. В чистые стёкла светило солнце; лучи его ложились на противоположную стену, и там светлые четырёхугольники были обведены радужными краями. В открытую дверь была видна небольшая комната со столом посередине; здесь было гораздо лучше, чем в комнате, где жили Кондратьевы на фабрике. Митя, любивший во всём ясность, прервал наше горестное молчание.

— Когда папку твоего взяли? — деловито спросил он.

— Три, а может, четыре дня,— ответила Дуняша.

— На фабрике или из дома?

— Из дома. Мы только спать легли. Катюшка от Никиты Васильевича прибежала, дверь оставила отпертой. Мы и не посмотрели. Вдруг стучат, и сразу же слышу, кто-то открыл дверь. Вошли околоточный и двое полицейских или жандармов, что ли. «Вставай!» — говорят папке. Он встал, быстро одёжу на себя накинул, а полицейский подошёл и щупает у него по карманам. Мамка вскочила, испугалась; сразу не поймёт, кто, откуда. А папка ей: «Засвети, Ксеня, лампу и не беспокойся». Потом полицейские сбросили одеяло, матрац, вытащили из-под кровати папкин сундучок с книгами, всё из него стали выбрасывать. Каждую книжечку поглядят; один отложит, другой рукой махнёт: дескать, не нужно...

— Ну и как? Что-нибудь нашли? — спросил Митюшка. Он присел на подоконник, и его рыжеватые волосы засветились на солнце.— У нас в казармах чуть не каждую ночь обыски, да не находят!

— Не нашли ничего,— сказала Дуняша.— Папка спокойно так сидел с краю на кровати. Один полицейский ему сказал: «Ничего, доищемся». А папка ответил: «Ищите, ищите, я чего сам не положил, того никогда не ищу».

— А Ксения? — вырвалось у меня.

— Мамка тоже сидела на табуретке, всё глядела за ними, куда лезут да что перебирают. Мы с Катюшкой заплакали, а папка сказал: «Что же это вы, дочки, вздумали?

Плакать не о чем. Всё будет ладно».— Дуняша вздохнула.— А потом они говорят папке: «Одевайся, пойдём». А папаня засмеялся. «Я,— говорит,— к этому всегда готов!». И увели. Мы всё плакали с Катюшкой, а мамка и говорит мне: «Ну-ка, дочка, лучше помоги мне всё убрать да и ложись, спи. Отец наш — честный человек. Тем, что преследуют его так, не обижаться, а гордиться надо».

Дуняша рассказывала обо всём спокойно, только слёзы иногда набегали, и она утирала глаза.

Прибежала с улицы Катюшка; она стала такой большой, что я её сразу и не узнала. С трудом я усадила её себе на колени.

— А ты как, Саша? Отпросилась ко мне? — посмотрела на меня Дуня.

Я отрицательно покачала головой.

— Как же так? Тогда тебе идти надо! — озабоченно сказала она.— Спасибо, Санечка, что приходила, подружка дорогая!

По правде сказать, меня тревожила мысль о доме, но и уходить не хотелось.

— А пойдём к Мелании Михайловне,— вдруг сказала Дуняша.— Не знаю, дома ли Никита Васильевич. Всё равно им показаться надо. Это же обида: была в ихнем дворе и не зашла.

Дедушка Никита Васильевич стругал в кухне какую-то доску и очень обрадовался мне.

— Самая дорогая гостья пришла! — сказал он, гладя меня по голове. Против ожидания он почти совсем не беспокоился, что я ушла из дому без спроса: — Ничего, Сашенька, беда, конечно, есть в том, что не сказалась. Но уж раз сделано, тужить нечего, а надо поправлять! Погостишь полчасика, да я вас с Митей ещё и на конке прокачу! Пойдём-ка, голубка, к бабке Малаше.

Мы вошли в небольшую переднюю, где стоял сундук, застеленный сшитой из пёстрых лоскутков покрышкой. Лоскуты в ней были так искусно вырезаны и подобраны, что казалось, цветистая затейливая ткань нарядно развернулась перед нами. Открыв маленькую дверь, дедушка пропустил меня вперёд, и я увидела совсем ещё не старую, как мне показалось, темноволосую женщину, сидевшую на кровати в подушках. Несколько лет она только немного могла вставать с постели: у неё болели ноги, одна она не могла выходить из дому. Она отложила в сторону какое-то вязание и ласково обернулась ко мне.

— Вот кто к нам пришёл, Малаша,— сказал дедушка.— Узнаёшь?

— Узнать-то трудно, а догадаться можно! — весело ответила моя бабушка.

И тут я заметила морщины на её лице. Помню, меня удивил её весёлый, звучный голос.

— ...Всё, всё знаю, как вы жаворонков ходите слушаете, как тебя дедушка на Трубный рынок водит, как морских жителей тебе покупает. В молодости-то я ведь какая резвая была, вся в тебя...— Она повернулась к дедушке: — Угости-ка её яблочком.

— Угощать, пожалуй, её не стоит,— сказал дедушка,— она самовольно к Дуняше прибежала.

Бабушка хотела сделать строгое лицо, сдвинула брови, но тут же неудержимая улыбка тронула её полные красивые губы.

— Беда, беда! — покачала она головой.— Слушаться ведь старших-то надо, на то ты ещё девочка маленькая. Вот вырастешь большая, тогда по своей воле живи. С кем же ты прибежала?

— А с Митей.

— Ну, с Митей,— серьёзно, но со смешинкой в тёмных глазах сказала бабушка,— так это ещё ладно. Где же он?

— Он у Дуняши сидит.

— Тебе можно было бы с нашей Варей придти. Она бы тебя и привела. И мама бы отпустила. Ну, да уж ладно: давай грех пополам!

Рассказать, как в комнате Мелании Михайловны собрались Митя, Дуняша, Катюшка, как мы ели яблоки и играли в старые, растрёпанные карты с бабушкой в «пьяницы» и в «носы»,— значит заглянуть в безмятежный и добрый час детства. Наконец дедушка Никита Васильевич скомандовал собираться, и, расцеловавшись с Дуняшей и вовсе позабыв спросить её, как же они с матерью теперь живут, мы пошли к конке.

Дома меня встретила мама. Трудно сказать, какого приёма я ожидала. Не думала же я, что меня ударят или поставят в угол, но всё-таки было страшно.

— Где ты была? — спросила мама строго.

— Ходила к Дуняше на Пресню.— Я побоялась сказать, что ходила с Митей: на обратном пути он только дошёл с нами до ворот фабрики и отправился домой.

— Ну так и иди туда, откуда пришла. Раз ты у меня не спрашиваешься, ты мне не нужна.

Но мама-то была мне нужна! Я громко заревела, и в это время вошёл дедушка Никита Васильевич.

— Ты уж прости её, Грунечка, она больше не будет,— миролюбиво сказал он.

— Не люблю потатчиков! — отрезала мама.— Раз она не слушается, пусть и отвечает за это. Хорошо, что Данила догадался, куда они с Митей пошли.

И вдруг мне стало так горько, так обидно!

— А Клавдичка бы мне ничего не сказала,— крикнула я,— она бы меня не ругала за то, что я пошла!

— Почему ты знаешь? И Клавдичка бы ругала,— уже не так уверенно сказала мама.

— Нет, я знаю, что не ругала бы: дядю Стёпу в тюрьму посадили...

Мама остановилась передо мной.

— Откуда это тебе известно?

— Я слышала, как тётя Варя тебе рассказывала.

— А тебе нечего было слушать. Детям не обо всём надо знать.

И тут я вспомнила, что главное-то — спросить у Дуняши, как они теперь живут,— вылетело у меня из головы.

— А почему мне не надо знать, что у Дуняши горе? — упрямо сказала я.

— Ну, ответьте ей, Никита Васильевич, я не могу,— махнула рукой мама и отвернулась к окну.

Тут вошёл отец.

— Что у вас случилось? — спросил он.

Мама стала рассказывать, жалуясь на меня и желая, чтобы отец тоже счёл меня виноватой.

— Ты сердишься, я понимаю,— сказала я,— но раз мы с Дуняшей подруги, мне надо было к ней пойти. Что ж бы я её издали жалела, и всё?

Отец молча взглянул на маму.

— Да ведь что, Грунечка,— дедушка Никита Васильевич сгрёб рукой большую свою бороду,— нет греха в том, что Саша побежала подружку утешить. А что не спросилась, прости уже её за это.

И тут мама, которая так решительно назвала дедушку потатчиком и только что жаловалась отцу, вдруг сказала:

— Ну вот что, Саша, только для дедушки Никиты Васильевича я тебя прощаю. Благодари дедушку.

Я кинулась к дедушке, запуталась в его бороде, чмокнула куда-то в щёку, потом подошла к маме, не зная, что делать. Она сама нагнулась и поцеловала меня в наклонённую голову, а я крепко обняла её за шею и почему-то снова заплакала.

Когда потом я с лёгким сердцем уселась около отца, он обернулся ко мне:

— Надо всегда подойти и сказать мне с мамой, что ты хочешь сделать. Если это хорошо, тебя никто не остановит.

Проводы Баумана

Со времени описываемых мною событий прошло много лет, и поэтому теперь мне кажется, что они происходили очень близко одно за другим; на самом же деле события эти разделялись неделями и даже месяцами друг от друга.

Стояла поздняя осень, холодная, тревожная... На лицах Ксении и машиной мамы, когда они к нам приходят, теперь всегда видно беспокойство, и разговаривают они о том, что наступает трудное время.

Но однажды я не узнала Ксении. Её похудевшее, усталое лицо сияло радостью. Она показалась мне девочкой: такое ясное выражение счастья было в её глазах.

— Стёпа мой пришёл,— сказала она, застенчиво улыбаясь,— выпустили!

— Вот какая радость! — ответила мама.— Когда же?

— На той неделе... Ху-до-ой!

— Ну, теперь, Ксения, пусть он немного отдохнёт дома.

Ксения удивлённо взглянула на маму и рассмеялась, махнув рукой.

— Да разве его удержишь дома? — воскликнула она.— Нипочём не удержишь. Сколько людей в нём нуждаются: то один за ним придёт, то другой!.. Ничего, мы и поскучаем, лишь бы живой, здоровый был. Время-то ведь какое! Слыхали? Казанка и Ярославская забастовали первыми, а за ними Рязано-Уральская, Курская — все дороги стали...

Время действительно было особенное. Ксения рассказывала маме, что на Морозовской и Прохоровской ткацких фабриках — везде рабочие бастуют.

А через несколько дней и наши фабричные снова высыпали днём из ткацкой и красильной. Они шли густой толпой по фабричному двору; слышались голоса: «Долой царя! Да здравствует революция!».

Вернулся отец и сказал матери:

— Наши бросили работу.

На фабрике остановилась вся работа, и во дворе как будто опустело... По всей Москве происходило что-то большое, не очень мне понятное; течение обыкновенной жизни нарушилось. Стоял октябрь месяц.

Дядя Пётр вошёл в переднюю, отряхнул пальто, покрытое мелкими дождевыми капельками, и остановился на пороге в комнату, держа шапку в руках.

Отец писал, сидя за столом; он обернулся:

— Что же ты, Пётр? Входи, чай горячий.

Дядя Пётр стоял молча.

— Ты не заболел ли? — спросил отец. Он встал и всмотрелся. — Или устал?

— Бауман... убит, — тихо ответил дядя Пётр.

— Что ты?! Как же это так случилось? Где?

— Сегодня. Недалеко от Технического училища.

Подошла мама, взяла шапку из его рук, повесила на отдушник только что вытопленной печки. Дядя Пётр снял пальто, бросил его на спинку стула, подошёл и сел к столу, потирая красные, озябшие руки. Отец сидел перед ним, не спрашивая ни о чём, и всё-таки казалось, что он спрашивает.

— Так всё нелепо произошло, — сказал дядя Пётр, глядя на отца. — Такой революционер погиб... В Техническом училище, где помещается Московский комитет большевиков, был митинг. Потом огромная масса народа вместе с Бауманом двинулась к Таганской тюрьме освобождать заключённых. Предательское нападение из-за угла... Черносотенец ударил Баумана чем-то железным по голове. И — насмерть.

Он долго молчал. Так и сидели они все трое за столом и молчали. Потом дядя Пётр сказал:

— Необыкновенно честный был человек! Ты его знал?.. Видел? — спросила мама.

— А как же! Знал и видел.

Я сидела у печки на маленькой скамеечке и, вероятно, чувствуя необычность появления дяди Петра, не решалась, как всегда весело, подойти к нему, а только смотрела. Удивительно, какое худое лицо у дяди Петра, щёки у него впалые, влажные от дождя, желтоватые усы опускаются вниз на губы... Он повернулся и посмотрел на меня.

— Вот, девочка, какие дела, — сказал он. — А ты что так смотришь?

Я встала и подошла к нему.

— У взрослых, брат ты мой, бывают

По мостовой двигается колонна рабочих.

трудные дела. Не только в сказках отправляются люди за живой водой, и сколько всего трудного происходит с ними в пути...— Он встал и, подойдя к печке, прислонился, всей спиной вбирая её тепло.— Когда-нибудь мы с тобой об этом потолкуем, а сейчас иди-ка ты спать.

Но хотя дядя Пётр говорил как будто спокойно, голос и лицо его не могли обмануть даже восьмилетнюю девочку, какой я была тогда. Убили человека, который называется «революционер». Дядя Пётр жалеет его. И отец жалеет этого человека. Опять случилось что-то в той неизвестной мне жизни, которая текла за стенами нашего дома, но властно входила внутрь его и горячо задевала его обитателей.

На другой день утром я провожала отца до конторы. Рабочие сегодня не торопились заходить в двери фабрики. Они приостанавливались во дворе, как будто ожидая чего-то. Так бывало в дни получек и в тот памятный день, когда все рабочие нашей фабрики бросили работу и вышли на улицу. Но сегодня они ничего не требовали от фабричных хозяев, даже не обращали своих лиц к конторе.

В строгом порядке, без толкотни, они стали выходить за ворота, и никто из конторы не останавливал их. При самом проходе через сторожку над головами идущих впереди ткачей вдруг взметнулось красное знамя. Небольшое, оно развернулось на ветру и двинулось вперёд.

Вместе с рабочими пошли мой отец и многие из конторских служащих. Перед этим дядя Пётр спросил у мамы:

— Ты пойдёшь с нами?

— Я? Я пошла бы,— нерешительно сказала мама.— Но... я даже и не знаю, кто такой был Бауман. Что я значу во всём этом?

— Ты так думаешь? Неверно. Каждый человек много значит.

Больше он ничего не сказал и быстро вышел.

И вот наступила какая-то особенная тишина. В нашем доме тихо, и за окнами не слышно говора и шагов, может быть, потому, что окна уже вставлены и замазаны на зиму. Но когда я выхожу на крыльцо в драповом пальтишке и в калошах и свежий запах холодного дня поздней осени охватывает меня, я с недоумением замечаю, что широкий фабричный двор тоже совершенно опустел и затих.

Даже Данила-дворник не ходит с метлой, присматриваясь, откуда ему удобнее приступить к делу, а просто стоит у ворот.

Вокруг меня так тихо, что мне как будто чего-то недостаёт...

С лёгким шелестом пролетает ворона, плавно опускается на ровную широкую поверхность двора, подскакивает, глядя на меня чёрным глазком. Никого нет во дворе, никого!

И вдруг я замечаю, что тишина, наступившая во дворе, идёт от фабричного корпуса: нынче во дворе не слышно привычного шума фабрики, который всегда доносится в открытую дверь и только в праздник смолкает. Но сегодня не праздник, а вот фабрика не работает.

Накинув на плечи большой платок, мама выходит на крыльцо. Она стоит, прислушиваясь и глядя перед собой. Потом говорит мне:

— Саша! Ты хочешь пойти со мной на улицу?

— Хочу, хочу! — Мне кажется, что и мне самой хотелось сейчас именно на улицу.

— Ну, так одевайся потеплее, и пойдём. Надень платок под пальтишко.

Мы выходим из ворот, и улица с редкими прохожими сегодня как будто стелется перед нами, мягко увлекая нас идти по ней куда-то вперёд. Мы проходим один переулок, другой, и вот перед нами широкая улица. Это Большая Серпуховка; в одну сторону, налево, она ведёт к московским окраинам, куда мы не раз ходили гулять с дедушкой Никитой Васильевичем, а в другую — к самому красивому месту Москвы, на Красную площадь и на Театральную, где стоит Большой театр.

Улицы сегодня не такие, как всегда. Обычно на улицах люди спешат по своим делам в разные стороны. Но переулки, по которым мы сначала шли с мамой, были странно пустыми. На Серпуховке же много людей шло в одну сторону — направо.

Мы с мамой повернули туда же, и скоро улица Пятницкая открылась перед нами. И сразу с Серпуховской площади на неё стала выходить колонна рабочих, похожая на ту, которая утром вышла с нашего двора. Прохожие останавливаются и поджидают. Они стоят на тротуарах и смотрят, как по мостовой движется колонна рабочих; впереди два человека несут большой венок, над головами людей кое-где поднимаются красные флаги с чёрной полосой внизу.

Мамины шаги становятся медленнее и нерешительнее...

— Саша,— говорит она,— вот мы и погуляли с тобой. Не пора ли нам возвращаться?

— Пойдём подальше,— прошу я, и мама, как будто она только и ждала, чтобы я её попросила, сразу уступает.

— Ну, так и быть, ещё немножко! — говорит она.

Впереди нас люди идут группами, то быстро, то останавливаясь и снова уходя вперёд. Большинство прохожих — женщины, мужчины, подростки — переходит на мостовую и старается не отставать от колонны; все идут в одну сторону, к центру. Туда же пошли и мы с мамой.

Среди идущих очень разно одетых людей было много рабочих, наверно, больше всего рабочих в такой же одежде и шапках, как ходят наши ткачи. Но были и люди, одетые в пальто и шапки, как мой отец и дядя Пётр; были и очень хорошо одетые люди — в меховых шапках и шляпах, с нераскрытыми зонтами в руках: осенний день был сырой и холодный. Шёл даже священник в чёрной рясе и шляпе с поднятыми с боков полями.

И вдруг на углу одного переулка все приостанавливаются, оттуда на Пятницкую вливается новая колонна людей. Они идут стройно, подняв над головами красные знамёна с траурной полосой, неся венки, обвитые крепом, и чем ближе они подходят, тем сильнее нарастает необыкновенно торжественная песня. Сотни голосов поднимаются над толпой, от песни мне становится горячо на сердце, хочется идти вперёд, не останавливаясь, сделать что-нибудь хорошее, самое хорошее на свете.

Но мама решительно останавливается.

— Дальше мы не пойдём! — говорит она.

— Почему?

— Там везде очень много народа, как бы тебя не затолкали,— отвечает мама, как будто её страшит идти вместе с таким множеством людей.

— Ну, тогда постоим тут немножко,— упрашиваю я.

И мы стоим. Долго стоим, пока не проходит из переулка мимо нас вся длинная колонна. Я провожаю её глазами; люди уходят всё дальше и дальше, вот уже не различишь их друг от друга. На некоторое время около нас становится совсем просторно.

Мама то оглядывается, то всматривается вперёд. Похоже, что она потеряла кого-то.

— Мама,— спрашиваю я,— ты кого ищешь?

— Неужели все прошли? — говорит она с тревогой.— И мы с тобой отстали?

Значит, ей хочется идти вперёд! Её пугает сейчас то, что мы стоим одни, ей хочется к тем людям.

— Если мы быстро пойдём, мы догоним их,— говорю я.

Мама о чём-то думает, потом крепко берёт меня за руку:

— Да, дочка, давай догоним их, не будем отставать больше. Хорошо?

Я с радостью срываюсь с места и шагаю, крепко ставя ноги в калошах на гладкий влажный асфальт тротуара, мне приятна быстрота нашего движения вперёд. Я спешу так, что мама тянет меня назад.

— Тише,— останавливает она,— я не могу так скоро.

Действительно, она запыхалась, щёки её покраснели, глаза под мягкими её широкими бровями, в которых волоски лежат так гладко, блестят оживлением; она мне ужасно нравится такой.

Мы чуть-чуть замедляем шаги, и я уже беспокоюсь: нет, не догнать нам ушедших вперёд людей с красивыми венками и с яркими красными флагами... Но тут же мы слышим за собой знакомый мотив. Я разбираю слова: «...в царство свободы дорогу...» — и, оглядываясь, вижу снова такую же плотную массу людей, и кажется, она заполняет всю улицу. Впереди, нагнув головы, две женщины в чёрных платках несут большой венок, и встречный ветер отвевает в сторону красные с чёрным ленты. Они идут скорее, чем мы, обгоняют нас. Я жадно смотрю на всё кругом, но связать это вместе не могу.

— Мама,— спрашиваю я,— куда идут все люди?

— Все люди? — Мама как-то нерешительно, стесняясь, отвечает: — Сегодня хоронят одного... хорошего человека. Вот люди и хотят проводить его, показать, что они знают, какой он был...

Неизвестно как, но об этом я уже догадывалась сама.

— Это того человека, какого убили?

Мама взглянула вопросительно:

— Ну раз ты поняла... да, которого убили.

— А кто его убил?

— Злой человек.

Но в это время идущий рядом с нами усатый худощавый человек в холодном пальто неодобрительно взглянул на нас с мамой.

— Хороших людей много бывает,— строго сказал он маме,— однако за гробом их не пойдут тысячи рабочих...

Он повернулся ко мне и посмотрел на меня вниз с высоты своего большого роста:

— Нынче провожают Баумана Николая Эрнестовича, вот кого; запомни, девочка! Его знали и уважали, потому что он жил не для

себя только, как многие живут, а боролся за хорошую жизнь для всех рабочих, для всего народа. И не злой человек его убил,— взглянул он на маму,— как вы дочке сказали, а... предатель! — он поднял палец вверх и пояснил: — Предатели — отбросы человечества.

Мне хочется спрашивать ещё, но перед нами показался мост через канаву у Балчуга. Мы шли уже в густом потоке людей, и мама беспокойно оглядывалась. Она боялась, чтобы нас не задавили, но как только делалось тесно, кто-нибудь отодвигался и становилось просторнее.

— Сам народ соблюдает порядок,— сказал наш спутник.— Посмотрите, ни одного городового не видно.

— Ну, теперь уже некуда возвращаться,— сказала мама,— будь что будет! — И я поняла, что маму не переставало что-то тревожить.

Так мы шли и шли вперёд.

С Москворецкого моста мы увидели, что по набережным по обеим сторонам Москвы-реки тоже движутся рабочие колонны. Сзади нас снова слышится торжественный хор голосов. Мы приостанавливаемся и, оглянувшись, видим, как, заполняя всю улицу, течёт стройная масса людей, и голоса их соединяются в мощную, всё заполняющую песню:

«Вы жертвою пали в борьбе роковой...»

— Это что они поют?

— Ты слушай, мы потом поговорим.— По руке мамы, взявшей снова мою руку, я угадываю душевное волнение, может быть, она снова колеблется: идти или не идти,— но она идёт, и звуки обнимают нас со всех сторон и ведут нас.

Чем ближе мы подходили к середине Красной площади, тем меньше мне было видно вперёд или назад: вокруг были люди гораздо более высокие, чем я, и они загораживали то, что хотелось видеть. И я и мама устали и остановились около Торговых рядов. Здесь мы могли только слышать голоса людей да видеть осеннее, серое небо и облака, которые неслись куда-то над нами, беспокойно перемещаясь и низко нависая над тысячами медленно идущих вперёд людей.

Донёсся чистый звук какой-то трубы, другой, третий; люди стали говорить, что процессия показалась; они становились на цыпочки, стараясь увидеть. В это время как будто стало свободнее, и все устремились вперёд. На какую-то минуту перед нами открылось пространство. И стало видно, как среди тысяч голов медленно двигается траурная процессия и поднятый на плечах гроб, накрытый красным знаменем.

Пресня первая покрылась баррикадами.

Декабрьское восстание

...Осенью 1905 года вся Россия была охвачена событиями, страшными для царского правительства. Начавшись с сентябрьской забастовки печатников в Москве, революционное движение нарастало с каждым днём. К печатникам присоединились булочники, трамвайщики, железнодорожники, рабочие машиностроительных заводов, ткацких фабрик; стачка охватила рабочих крупных городов и самых различных профессий. Это была уже общая политическая забастовка. Большевики звали рабочий класс к решительным боям против царя, готовили вооружённое восстание. Этой же осенью крестьяне поднялись против помещиков, жгли и громили барские усадьбы.

Остановились поезда на всех железных дорогах страны, перестали работать железнодорожные мастерские, прекратилась работа почты и телеграфа. Октябрьская политическая забастовка стала всероссийской. Рабочие руки перестали трудиться, и жизнь огромной страны, движимая ими, замерла. Ленин писал: «Страна замерла перед бурей».

И буря грянула в декабре, когда рабочий класс перешёл в открытое наступление и вступил в бой с полицией и царскими войсками. В Москве и во многих крупных городах создавались Советы рабочих депутатов, которые руководили борьбой рабочих.

Главной крепостью восстания в Москве была Пресня, боевыми дружинниками здесь руководили большевики. И Пресня первая покрылась баррикадами...

Лёг первый снег, и на ровной его поверхности не видно, как в прошлые зимы, ярких пятен вылитой краски, брошенных шпулек, чистых следов людей. Одни мастера иногда проходят на фабрику, и лишь изредка приезжает в контору хозяин.

Эта зима чем-то не похожа на прежние, хотя и наступили такие же морозные зимние дни. Главное, что во дворе давно уже не слышно шума работающей фабрики. По целым дням не видно никого из девочек и мою «учительницу», Марию Степановну, её мама отдала в школу учиться шить. Черноглазая Маня будет портнихой.

Дуняша тоже не приходит с Пресни. Мама говорит, что конка не ходит, а пешком по морозу идти далеко: простудится.

Данила, как всегда неторопливо, прибирается около ворот и конторы. Когда я в морозный день выхожу погулять, он поглядывает на меня и говорит:

— Отдувайся, а то щёки замёрзнут! Грей их изнутри тёплым воздухом.— И сам смешно надувает свои щёки, чтобы показать мне, как это надо делать.— Нынче одна гуляешь?

— Одна. Почему-то никого из наших ребят не видно.

— Холодно! — отвечает Данила.— Это из тёплой комнаты хорошо на мороз, а как дома печка не топлена, тогда как?

Печка у нас топлена, но и у нас многого нет; мама теперь зажигает маленькую лампочку и переносит её из комнат в кухню или зажигает там свечку, лампадку, потому что керосин покупать очень трудно. И говорит, чтобы, умываясь, мы не лили зря воду: воду теперь носят издалека.

Отец сейчас целые дни проводит дома, но на скрипке он играет редко. Зато он учит меня складывать и вычитать цифры. Приходит и дядя Пётр.

— Почему рабочие не стали работать? — спрашиваю я дядю Петра.

— Потому, девочка,— отвечает он,— что они хотят добиться лучшей жизни, а тогда работать по-другому.

Добиваться им, видно, нелегко. Во дворе я встречаю серые, изнурённые лица людей, и с каждым днём они становятся истощённее, но когда люди разговаривают между собой, в голосах их нет уныния.

Зимним вечером на фабричном дворе ветер метёт снег, забивает стекло фонаря у ворот, и свет его тускло ложится на заметённое снегом крыльцо конторы. Мне кажется, эти холодные зимние ветры появляются целой компанией: один из них шумит и воет в трубе, другой свистит по земле и несёт позёмку. Так они перекликаются между собой.

Мама боязливо подходит к окну и слушает.

— Ты что слушаешь? — спрашиваю я.

— Ветер очень сильный,— отвечает мама.

Я давно слышу какой-то неравномерный далёкий гул. Иногда это похоже на гром, но грома зимой не бывает. Днём со двора гул был слышен сильнее, сейчас он доносится глухо. Лицо у матери тревожное, глаза блестят, она волнуется. Я понимаю, что она не хочет пугать меня. Но я и сама знаю, что это и есть «стреляют».

Отец стоит у открытой форточки, прислушиваясь к далёким залпам.

— Это у вокзалов, наверно...— говорит он.— А вот это в стороне Сухаревки. Пресню от нас меньше слышно.

Когда к нам заходит дядя Пётр, мама спрашивает его:

— Ты знаешь, Петя, что там делается?

— Царские войска стреляют по рабочим,— отвечает он.— Вот что там делается. Около Ваганьковского кладбища поставили пушки, бьют всю ночь... Дружинники — боевые дружины рабочих — отстаивают баррикады и, конечно, тоже стреляют; идёт бой.

Выходит, что царь и его войска опять стреляют по рабочим! Значит, царь — такой жестокий враг рабочих... В моей голове зарождается какая-то неясная ещё мысль:

— Дядя Пётр, а что такое баррикады?

Дядя Пётр начинает объяснять: чтобы обороняться от царских войск, рабочие всюду строят укрепления, снимают с петель ворота, разбирают заборы, выносят из домов ящики, бочки, мебель и всё это вытаскивают на улицу и перегораживают её высоким забором. Это и называется — баррикада.

— Ну, об этом ей не надо рассказывать,— остановила его мама.

— А почему? Надо говорить обо всём, чтобы человек понимал жизнь. Сколько раз спорю с вами, и всё без толку.— Дядя Пётр говорит досадливо, даже со злом.— Вы её учите слушаться старших, говорить правду, быть честным человеком, то есть таким, который не ворует, не лжёт, не обманывает. Главную же черту честного человека — иметь убеждения и бороться за них — вы упускаете. А без этого все ваши высокие добродетели ничего не стоят...

Иногда дядя не приходил подолгу, и по каким-то неуловимым признакам, может быть, по следам усталости на его лице, я узнавала, что там у рабочих положение трудное.

— Неужели подавят? — спросил его однажды отец.

— Вероятно. Рабочие борются геройски, но накануне боя жандармы арестовали Московский комитет большевиков. Нашим приходится обороняться, а это всегда труднее. Правительство же всё подтягивает войска из Петербурга в Москву. Большое упущение, что Николаевская дорога осталась в руках правительства.

Однажды вечером красно засветилось небо, со двора было видно зарево.

— Пресня горит,— сказал Данила.

Пресня! И Дуняша, и дедушка Никита Васильевич, и Катюшка, и Ксения — все там, на Пресне! Я побежала к маме, плача, и долго не могла успокоиться.

Мне страшно за них всех, и тёмные декабрьские ночи, полные опасности, навсегда врезываются мне в память.

...В окошко стучат, и мама идёт открывать дверь. Входит дядя Пётр, заметённый снегом, иззябший. Он снимает пальто и стряхивает с воротника и с усов намёрзшие ледяшки.

— Саня в конторе? — спрашивает он и, не дожидаясь ответа: — Я только что оттуда! — говорит он.

«Оттуда» — это значит, что дядя Пётр был на Пресне, там, где стреляют и где живут дедушка и Кондратьевы.

— Отца у нас в полицию вызвали,— отвечает мама.— Боюсь...

— Бояться не надо. Никакого основания нет за него бояться. У вас тут ещё тихо.

— А там...

— Там большие бои. И большие жертвы. Кондратьев ранен и, кажется, сильно. Руководил боевой дружиной.

— Ой! — мама поднимает руку к лицу. Глаза её широко открыты, и вдруг слёзы — одна, другая — скатываются по щеке.

— Его сюда привезут,— говорит дядя Пётр,— там спрятать трудно; обнаружат — расстреляют на месте.

— Куда же сюда? — нерешительно спрашивает мама.

— Ну... куда-нибудь,— отвечает дядя Пётр. Он садится к тёплой печке, берёт со стола налитый матерью стакан чаю и, обхватив его обеими руками, долго не выпускает.

— Стойко держатся! — горячо говорит он.— Сотни баррикад, не преувеличиваю... Вся Пресня покрыта баррикадами. И — представьте себе — драгуны и войска, привезённые из Петербурга, часто не выдерживают против наших дружинников.

— Страшно! — говорит мама и вздрагивает: в окно снова стучат. Из коридора она возвращается вместе с отцом, вопросительно заглядывая в его лицо.

— Пустяки, только предупредили,— говорит он, здороваясь с дядей Петром.

И сразу же возникает движение во дворе: кто-то подъехал к нашей двери. Не раздеваясь, отец проходит в кухоньку и откидывает крючок двери. Дверь распахивается, белый холодный воздух течёт по полу. За дверью видны тёмные фигуры. Два человека входят в кухню, навстречу им из комнаты, худой, высокий, выходит дядя Пётр.

— Куда нести? — спрашивают его вошедшие.

Дядя Пётр переводит глаза на мою мать. Она стоит у притолоки, бледная и растерянная, не решаясь на что-то. Вдруг лицо её краснеет до слёз.

— Сюда! — говорит она, указывая на дверь в комнату.

— ...Дальше, дальше несите, в спальню...— шепчет мать.

Осторожно, заходя спиной вперёд, большой, широкий человек в полушубке пятится, таща что-то тяжёлое, другой, обхватив чьи-то ноги, помогает ему, и вместе они вносят бледного, неподвижного человека.

— ...Дальше, дальше несите, в спальню...— шепчет мать.

Я вижу землисто-серое знакомое лицо Кондратьева с закрытыми глазами, широкие брови и руку. Рука поднимается, нащупывает что-то на груди,— значит, человек жив...

Ночью меня разбудил гулкий стук в ворота. По двору к рабочим общежитиям с зажжёнными фонарями пробежали полицейские. Они искали скрывшегося дружинника. К нам они не зашли.

Трудное время

Сколько времени пробыл у нас Кондратьев, я не помню. Дверь в спальню, где он лежал, была закрыта, и только отец осторожно входил туда. На вопросы мамы отец сначала отвечал: «Всё так же»,— а потом сказал, что Кондратьев «пришёл в себя» и ему лучше, но всё-таки трогать его с места без доктора опасно.

Мне было удивительно, что ни Ксения, ни Дуняша не навещают больного дядю Степана. Лежал бы мой отец так хоть бы на другом конце города, думала я, всё равно я убежала бы к нему!

Однажды утром я проснулась со счастливым чувством ясной и полной радости; ещё в полусне я поднималась куда-то высоко-высоко, казалось, ещё немного, и я всё увижу сверху, потому что я лечу надо всем, хотя тут же почувствовала подушку под головой и окончательно проснулась. Но что-то особенно счастливое оставалось: отец играл на скрипке так, как я давно не слышала.

Я оделась и быстро подошла к двери в спальню, где был сейчас отец. Мне хотелось приоткрыть дверь, но пока отец играл, я боялась ему помешать: мне было жаль прерывать его. И потом я не знала, можно ли мне войти, не обеспокою ли я дядю Стёпу.

Я словно видела, как, протянув смычком высокий, чистый звук, отец отвёл руку, и сейчас же послышался шелест: он перевернул страницу нотной тетради. И снова заиграл.

То, что отец играл при Кондратьеве, не удивило меня: я помнила, как дядя Стёпа любил слушать его игру на скрипке. Я отошла от двери и уселась против печки, около которой были положены крупные берёзовые дрова; от них пахло свежим влажным деревом. Белая береста, покрытая, как рисунком, зелёным красивым лишайником, местами завёртывалась трубочкой. Было очень интересно отдирать её и рассматривать. Я этим и занялась.

Вдруг в дверь кухни сильно застучали, игра на скрипке сразу оборвалась. Отец вышел из спальни, прикрыв за собою дверь, но уже навстречу ему из кухни быстро входил какой-то важный полицейский, его бледное одутловатое лицо выражало недовольство. За ним почти вбежал юркий человек с чёрной бородкой. Мама, сдерживая волнение, остановилась сзади них на пороге.

— Что вам угодно? — спросил отец.

— Нам? — переспросил полицейский, подходя к столу и прямо глядя на отца, в то время как чернобородый обводил взглядом комнату.— Видите ли, у полиции есть сведения, что бывший рабочий вашей фабрики, по фамилии Кондратьев, выступавший в рядах бунтовщиков во время беспорядков на Пресне, будучи ранен двадцатого декабря, был привезён сюда, на фабрику, и тут спрятан.

Полицейский говорил, внушительно, раздельно произнося слова густым негромким голосом; при этом он не отрывал глаз от нахмуренного лба моего отца, точно стараясь прочитать что-то в его лице.

— ...Что вам известно по этому поводу? — Я даже вздрогнула — так повысил он голос при этих словах.

— По этому поводу мне совершенно ничего не известно,— спокойно ответил отец.

— Ну как же так, неизвестно? — Полицейский развёл ладони в стороны, показывая как бы крайнюю степень удивления.— Вы должны бы знать, что Кондратьев скрывается именно здесь! В то время, когда он работал на фабрике, вы, по нашим сведениям, весьма хорошо к нему относились.

— Да, он был прекрасный ткач и считался у нас человеком с большими способностями.

— Нам его способности тоже давно известны,— усмехнулся полицейский.— Не туда только они направлены.

— А тут у вас кто живёт? — спросил чернобородый, подскочив к двери в спальню.

— Я думаю, разговор наш ни к чему не приведёт,— сказал отец с явной неприязнью.— Я ничем не могу быть вам полезен.

Чернобородый в это время продолжал осматривать комнату, глаза его так и перебегали с одного предмета на другой. Услышав слова отца, он быстро повернулся к нему с вопросом:

— И даже если мы сами укажем вам, где скрывается Кондратьев? — Он подскочил к двери в спальню.— А тут у вас кто живёт? — и быстро открыл дверь.

— Ай! — крикнула я и рванулась с места: мне представилось, что эти люди сейчас схватят Кондратьева. Я заплакала и кинулась к маме. Она притянула меня к себе.

— Как вы смеете врываться в чужой дом? — крикнула она гневно.

— Груня, не мешай! — остановил её отец.— Лучше уведи Сашу: видишь, она испугалась.

И тут произошло такое удивительное, чего я даже не поняла сразу. Вслед за чернобородым полицейский вбежал в спальню, но отец не пошёл за ними, он продолжал стоять у стола. И сразу же в спальне двинули стулом, что-то упало, послышались ругательства, и полицейский в сопровождении чернобородого прошёл мимо нас обратно в кухню; я слышала, как они говорили что-то отцу, но всё это не доходило до моего сознания. Хлопнула дверь, они ушли.

Вместе с мамой мы вошли в спальню. Кондратьева в ней не было. На столе стоял раскрытый футляр, и рядом лежала скрипка. На пюпитре были развёрнуты ноты. Опрокинутый стул валялся у двери.

— Опоздали! — сказал отец; только теперь стало видно, как сильно он возбуждён.— Как удачно всё вышло! Во-время товарищи перевезли Степана Саввича. Понимаешь, девочка, зачем приходили эти люди?

Он говорил это так, будто я всё знаю про Кондратьева, и, слыша его по-особенному обращённые ко мне слова, ничего, в сущности, не зная, кто и когда перевёз Кондратьева, я действительно поняла в этот день многое такое, что не сумела бы объяснить словами...

Вот сейчас отец, которому я всегда верила, при мне сказал неправду этим чужим людям, хотя учил меня всегда быть правдивой. Но эта его неправда была совсем другая, чем обычная ложь человека, желающего выгородить себя.

В это время на тихой улице послышался топот, как будто мчалось множество коней. Отец подошёл к окну, но стёкла сплошь замёрзли, он хотел открыть форточку и остановился: какие-то гулкие звуки хлестнули вдоль улицы.

— Что это? — спросила мама с тревогой.— Около нас стреляют. Что же это делается!

Неизвестно, как у меня сложилось безошибочное впечатление, что для рабочих всё повёртывается плохо и что дяде Стёпе именно теперь было бы опасно оставаться у нас.

Когда на улице затихло, отец вышел на крыльцо, я выскочила за ним.

— Кто это проскакал? — спросил он дворника.

— Казаков пригнали! — ответил Данила.— Дело-то, видать, идёт к концу.

— Не стой раздетая, иди домой! — приказал отец.

Уже из комнаты я услышала снова такой же топот по улице и выстрелы.

...Большая и трудная борьба рабочих на этот раз терпела поражение: вооружённые восстания в Москве и во многих городах повсюду жестоко подавлялись царским правительством. На Пресне догорали здания, зажжённые царской артиллерией. Полиция разбирала и жгла баррикады, жандармы ходили по домам с обысками, бросали в тюрьмы сотни рабочих, расстреливали руководителей боёв... Но волна революции опустилась лишь на время с тем, чтобы породить новую, более мощную волну,— так в то время писали большевики в листовках для рабочих.

И вот снова на фабричном дворе собираются рабочие, снова приезжает хозяин и проходит в контору. Туда одного за другим вызывают ткачей, красильщиков, слесарей — фабрика начинает работать.

Из конторы выходит управляющий и, заложив руки за спину и насмешливо покачиваясь, говорит:

— Ну что, надоело прогулы устраивать? Бастовать, видно, хватит? — И, указывая на стоящих во дворе ткачей, спрашивает у мастера: — Что-то вон тот мне знаком... Не из коноводов? — и, не дожидаясь ответа, возвращается в контору.

Ткачи неторопливо идут к дверям фабричного корпуса, прислушиваясь к голосу в конторе.

— Ругается! — говорит кто-то уверенно. — Ишь, кричит: «Молчать!». Придёт время, мы не так ещё тебе крикнем.

И скрываются в дверях ткацкой.

(Окончание в следующем номере.)

А у вас?

Н. Александрова

В Ленинграде была конференция вожатых. Там рассказывали про интересные дела в отрядах. А я слушала и всё вспоминала один отряд из города Ногинска — отряд, в котором пионерам было так скучно, что они не могли припомнить ни одного интересного сбора, не помнили, пели ли они когда-нибудь вместе песни, ходили ли отрядом в лес. «Вот кому бы надо рассказать про хорошие дела ленинградских ребят», — подумала я и стала записывать всё, что рассказывали вожатые. Записала, как ребята купили барабан, как ездили на паровозе со «своей бригадой», как сделали домино из «фантиков», как написали по-немецки письмо пионерам в Берлин, — и я поняла, что есть во всей этой интересной пионерской жизни один важный секрет. Его надо знать всем ребятам, которые скучают в отрядах и ждут, что кто-то придёт и развеселит их. Вот какой это секрет: всё дело в руках самих пионеров!

БЕЙ, БАРАБАН!

Не было у дружины своего барабана. Старый разорвался, а на новый не было денег. А жить без барабана плохо: ни по улицам как следует пройти пионерским строем, ни сбор начать задорной барабанной дробью... Думали-думали ребята, как им быть. И вдруг однажды услышали по радио: «Граждане, собирайте и сдавайте старые флаконы...» Ребята обрадовались:

— Вот хорошо! И государству польза, и мы на вырученные деньги барабан купим!

Стали собирать. Тысячу флаконов набрали. Жаль только, не все приняли. Многие оказались без пробок, с трещинками. Но ребята и этими флаконами обошлись по-хозяйски: одни отобрали для кабинета физики, а из других, самых маленьких, понаделали игрушек на ёлку. Разрисовали, раскрасили, подвесили на ниточках — и они так блестели, сверкали, что вся ёлка стала нарядной.

За те флаконы, которые сдали в палатку утильсырья, ребята получили триста рублей. Пошли на эти деньги покупать барабан. Всех барабанщиков дружины взяли с собой: надо же выбрать самый лучший!

Продавщица сначала рассердилась:

— Ну, что это вы все барабаны пробуете! Какой шум в магазине подняли!

Но когда вожатая рассказала ей, как ребята собирали флаконы и как теперь вся школа ждёт нового барабана, продавщица сама стала помогать ребятам. Она, оказывается, тоже, когда была пионеркой, умела выбивать на барабане и «зорьку» и «тревогу».

Вышли ребята из магазина и пошли с барабанным боем к школе по набережной Обводного канала. Идут и барабанят. Так, с «боем», и в школу вошли... Бей, барабан!

ПРО ДВУХ ТУРИСТОВ

Учились в школе тысяча двести ребят. А туристов из них было только двое — Юра Соур и Лёша Осташевский. Оба они были пятиклассниками, и оба занимались во Дворце пионеров в туристской секции. Другие ребята, бывало, сидят в воскресенье дома и глядят с тоской в окно на знакомые места или во дворе целый день мяч гоняют, а эти, что ни воскресенье, непременно видят что-нибудь новое, незнакомое. То на лыжах, то пешком — во мно-

гих местах под Ленинградом побывали. И откуда ни вернутся, ребятам рассказывают: «Вот что мы видели, вот где были».

Даже ребятам из старших классов иногда становилось завидно: малыши, пятиклассники, а вон какие путешествия совершают!

Юра с Лёшей и решили организовать в школе туристский кружок.

Принесли свои компасы, рюкзаки,— одним словом, всё снаряжение туриста; вспомнили, как их самих учили, и начали занятия. Сначала только шестеро ребят было в кружке. Многие не очень-то доверяли таким юным инструкторам. Но постепенно всё изменилось, и в школе началось увлечение туризмом. Куда только не ходили ребята, где только не побывали!.. Как настоящие бойцы, шагали они и в снег и в дождь...

А началась боевая закалка сотен ребят в этой школе с увлечения двух пионеров, у которых было простое и верное правило:

— Научился сам — научи других!

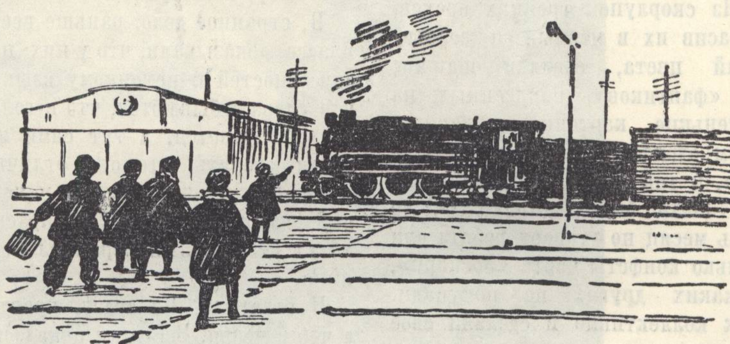
НАШ ПАРОВОЗ, ЛЕТИ ВПЕРЁД!

Учились ребята в своей школе, учились и ничего другого не видели. Только один раз на экскурсию в какой-то музей сходили. А жизнь-то вокруг них широкая, богатая... Даже просто по улицам пройдёшь, и то видно: там мост строят, там из депо, совсем как новенькие, паровозы после ремонта выходят... И обидно стало ребятам, что ничего-то они не знают про свой родной город.

«Комсомольцы — беспокойные сердца» — так назвали ребята свой пионерский сбор. Они решили познакомиться с комсомольцами своего района, побывать у них на производстве, поглядеть, как они работают...

Везде ребят встретили хорошо: и в Горном институте, и на заводе металлоизделий, и в паровозном депо. Всюду им сказали:

— Глядите, ребята, во все глаза. Если что непонятно, спрашивайте!

И они глядели, спрашивали, а на металлозаводе, в цехе игрушек, даже сами проверяли готовые игрушки. Ребята целый час сидели на месте контролёров, каждую игрушку как следует проверяли, смотрели внимательно, нет ли какого-нибудь брака. Нет, всё было точно сделано.

— Ни одной бракованной игрушки у наших комсомольцев не бывает! — объяснили им.— Вот как работают!

В паровозном депо машинист сказал ребятам:

— Приходите, ребята, завтра к пяти часам. Наша бригада в рейс пойдёт, так я вас с собой возьму!

Занятия в школе только в три часа кончаются, до депо ехать далеко. «Опоздаем»,— волнуются ребята. Ехали с пересадкой, на двух трамваях. Но от конечной трамвайной остановки до депо всё равно ещё далеко. Хорошо, что попался ребятам по дороге грузовик. Упросили шофёра подвезти их.

— Ладно, только живо влезайте!

Помчались ребята на грузовике. Прибежали в депо, а там уж вся бригада в сборе. И паровоз стоит, огромный, чёрный, с красной звездой. Поднялись ребята по узкой лесенке вслед за машинистом.

— Ну, поехали!

Вот это было путешествие! Как только выехали из депо, паровоз стал набирать скорость, замелькали дома, посёлки, леса... Разве из окна вагона увидишь, как взял паровоз гору, как пошёл под уклон? А отсюда, из будки машиниста, ребята всё видели, будто сами вели состав.

А потом побывали на комсомольском собрании в депо. Там выступали машинисты и кочегары. И как же они критиковали друг друга! Ребята просто были поражены. Досталось и той бригаде, с которой они на паровозе ездили. А ведь это была самая лучшая бригада! Ребята расстроились и обиделись за своих друзей. Подумаешь, смазочного много истратили... Но их знакомый машинист — его-то и критиковали — не обиделся.

— Ничего, ребята. Это же нам только на пользу,— сказал он.

Сколько потом было обо всём этом разговоров на сборе! Две суб-

боты подряд собирались ребята, а всё же не успели рассказать и обсудить всё, что увидели. Такая огромная жизнь открылась перед ними.

ДОМИНО ИЗ «ФАНТИКОВ»

Устроили в одной школе конкурс на лучшую настольную игру. Мало было до этого игр в пионерской комнате: домино да шашки. А тут сразу появилось много игр. Даже маленькие, второклассники, игру придумали: вырезали из журналов красивые цветные фотографии и рисунки, разрезали их на кусочки, перемешали и сложили в коробку. Попробуй-ка теперь подобрать один кусочек к другому, чтобы вышел целый рисунок! Этой игрой и взрослые ребята увлеклись.

Из скорлупок грецких орехов, окрасив их в чёрный и золотистый цвета, сделали шашки; из «фантиков», наклеенных на маленькие картонки, — домино. Всем отрядом собирали «фантики», и так как «фантики» должны были быть одинаковые, то весь месяц по уговору ребята ели только конфеты сорта «Зоопарк», никаких других не покупали. Так коллективно и сделали своё домино.

Много и других игр смастерили и придумали.

ПИСЬМО ИЗ БЕРЛИНА

Пришло в школу письмо из Берлина. Прислали его немецкие пионеры. Написано письмо было по-русски.

Прочитали в школе письмо и решили:

— Надо и нам ответить немецким пионерам на их родном языке.

И вот — случайно это вышло или нарочно кто так сделал — только попало письмо немецких пионеров в тот самый пятый класс, где хуже всего было с немецким языком.

Вожатая говорит пятиклассникам:

— А может быть, письмо в какой-нибудь другой класс передать? Напишете вы с ошибками, плохо... Только школу нашу опозорите...

Ребята на дыбы:

— Как так? Почему?

— Мы и сами отлично можем выучить немецкий язык.

Вожатая говорит:

— Ну, пожалуйста!

И, странное дело, раньше все в классе доказывали, что у них нет способностей к немецкому языку, что слова забываются, что в голове всё путается, а тут сами же стали уверять, что они отлично понимают и очень любят немецкий язык и вообще прекрасно могут ответить пионерам из Берлина.

И ответили. Не сразу, правда, а через месяц. Всё-таки понадобилось время, пришлось подзаняться немецким. Зато написали так, что ни одной ошибки учительница в письме не нашла.

И сейчас ребята охотно занимаются немецким языком: интересно им вести переписку с друзьями из Берлина.

ВЕСНОЙ В ЛЕСУ

Пошли ребята в лес, хотелось им увидеть, какие звери там живут, какие происшествия бывают в лесу. А дело было уж весной. Тут ручей вскрылся, там снег потемнел и появились проталинки. Перед небольшим овражком ребята остановились. Нужно перейти на другую сторону, а на дне оврага бушует ручей. Как перейти?

— Давайте перекинем какое-нибудь бревно,— предложил кто-то, — и перейдём!

— Ой, я не перейду! — испуганно вскрикнула одна девочка. — У меня голова закружится...

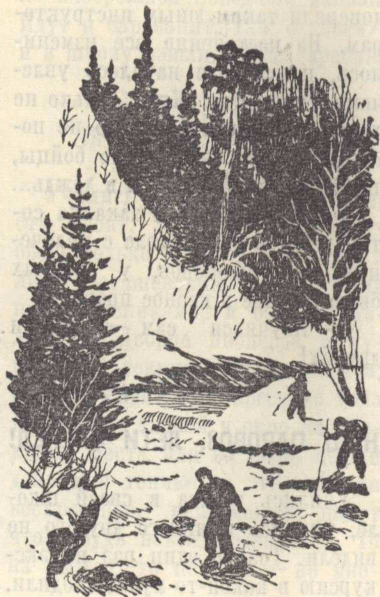
— Эх ты! — усмехнулись ребята.— А как же в зале, на уроке физкультуры, ходила по буму? Ведь то же самое!

Подтащили упавшее дерево, перебросили его через ручей и один за другим перешли.

С этого и начали всё сравнивать... Взбираются в гору, цепляясь за ветки,— похоже на «шведскую стенку»; через пень прыгают, как через «козла». А в одном месте пришлось ребятам по камням перебираться через ручей. Оступиться страшно: сразу намочишь ноги в ледяной воде. Тут снова кто-то сказал:

— А помните, как мы на уроке физкультуры по покрышкам волейбольных мячей прыгали? Помните? С одной на другую, с одной на другую... И здесь то же: с камня на камень...

А весна таких понаделала препятствий, что ребята и впрямь почувствовали себя отважными путешественниками.

«МЫ ПОЙДЕМ ДРУГИМ ПУТЕМ» **П. Белоусов.**

(В. И. Ленин с матерью после казни брата Александра в 1887 году).

В. И. ЛЕНИН С ДЕТВОРОЙ.

А. Варламов.

ГРАНАТА

Е. Рубцова

Рисунки А. Малеинова.

СЛОВА ПЕСНИ

Летним вечером на большой зелёной поляне, окружённой высокими соснами и малинником, отряд молодых альпинистов остановился на ночлег. Они прошли сюда долиной Баксана из горного лагеря, раскинувшего свои палатки в ущелье Адыл-Су.

До рассвета они должны начать траверс Большого Когутая, тёмными зубцами вырезавшегося на вечернем небе. Конечно, Когутай — не бог весть какой великан: есть немало гор и выше и грознее. Но всё же надо подняться к одной из этих чёрных вершин, по острому зубчатому гребню пройти от неё ко второй и совершить спуск новым путём, не тем, каким пришли. Это — серьёзное испытание для молодых альпинистов. Они не без волнения ждут завтрашнего дня.

Уже окончилась весёлая суета по устройству бивуака, уже языки пламени охватили вывороченный пень вековой сосны, и сухие корни судорожно скрючиваются на огне. Уже вскипает пузырьками чай, и дежурный кулинар, присев на корточки, вскрывает банки консервов.

В ожидании ужина молодёжь собралась у костра. Вокруг погружённой в сумерки поляны, над могучими соснами поднимались горы. Лиловели снега на чёрных скалах стройной и строгой Накра-Тау; влево от неё, за крутым изломом своего северного гребня, Донгуз-Орун поднимал голову в тяжёлой ледяной шапке, а на северо-западе мягким розовым светом светилась двуглавая вершина Эльбруса. Солнце для неё ещё не зашло.

Притихнув, все смотрели, как меркнут отблески зари на вечных снегах. Потом Эльбрус погас. Кто-то негромко запел песню. Её подхватили. Они узнали эту песню сразу по приезде; быстрее, чем узнали друг друга. Они полюбили её, потому что в ней пелось

о мужестве, о людях, которые сражались с фашистами.

...Нам в боях родными стали горы,
Скалы Накры, Эльбруса снега;
Дан приказ — недолги были сборы
На разведку, в логово врага.
Помнишь, товарищ, вой ночной пурги,
Помнишь, как кричали нам в лицо враги,
Помнишь, как ответил рёвом автомат,
Помнишь, как вернулись мы с тобой
в отряд?..

Эльбрус, Накра-Тау. Вот же они!.. И все вдруг почувствовали, что эта песня не просто песня, а жизнь, что за каждым её словом скрыты какие-то настоящие события и люди.

...На огне трещат сухие ветки,
В котелке вскипает крепкий чай.
Ты пришёл усталый из разведки,
Много пил и столько же молчал,
Синими, замёрзшими руками
Протирал вспотевший автомат...

Мягко звучат голоса, и сосны вторят им, качая головами. Наверно, вот так же шумели сосны и тогда, когда всё это было!

...Помнишь, товарищ, вечные снега,
Стройный лес Баксана, блиндажи врага,
Помнишь гранату и записку в ней
На скалистом гребне для грядущих дней...

Песня растёт и, допетая до конца, смолкает.

— А ведь это непонятно,— внезапно прерывает тишину девичий голос.— Всё остальное понятно, всё видишь ясно, а этого не видишь; если бы, например, тут было, как они бросили гранату в блиндаж к фашистам...

— Зачем же бросать! Разведчику нужна скрытность,— лениво отзывается кто-то.

— Ну, положим, всякое бывает,— вступает в спор сразу несколько голосов.— Может, их обнаружили, или, может, они в засаду попали...

— Но записка? При чём же тогда записка? — настаивает девушка.— Яков Григорьевич, вы не знаете случайно?

— Это вы про баксанскую гранату? — выйдя из задумчивости, отзывается Яков Григорьевич Аркин, мастер спорта, один из инструкторов отряда.— Знаю. И даже не совсем случайно... Посмотрите туда! — Он протягивает руку к Донгуз-Оруну.— Следуйте взглядом по гребню. Прошли крутой излом? Выше... Ещё... Тут начинается выемка, её не видно отсюда. А за ней — взлёт. Чёрный и крутой взлёт к вершине. Его, впрочем, тоже не видно. Так вот, как раз здесь, недалеко от места, где гребень начинает понижаться, есть маленькая площадка, вся в обломках камней. У одного из них, ближе к южному краю площадки, лежит и граната и записка в ней.

— Вы её видели?

— Мы её нашли.

Двадцать пар глаз, освещённых золотистыми отблесками костра, устремлены к говорящему.

— Яков Григорьевич, расскажите!

НА СКАЛИСТОМ ГРЕБНЕ

Это было в 1946 году. Экспедиция по испытанию нового альпинистского снаряжения вышла из Адыл-Су и после ночёвки на поляне у подножия Донгуз-Оруна начала восхождение к его вершине.

Они шли на эту вершину с особым чувством. Вспомните: дело происходило в первый послевоенный год. Многие воевали в этих горах, траверсировали эти склоны зимой в ночной тьме, в любую погоду, чтобы подойти к врагу с той стороны, с которой подойти труднее и с которой он не ждёт никого.

И вот война окончена, и снова единственный противник перед ними — трудная, упрямая, суровая природа. Только к этому счастливому волнению примешивалась печаль о тех, кого уже нет, о тех, кто никогда больше не пойдёт на штурм горных вершин: о погибших товарищах...

Начался подъём на Донгуз-Орун. Уже остался позади нижний склон. Экспедиция — на гребне, и его крутая извилина уходит вверх... Выбрали площадку для первого привала. Вдруг один из альпинистов крикнул:

— Яков Григорьевич, идите сюда! Тут граната.

Осмотрели гранату. Она была разряжена. Рукоятка легко вынулась из стакана, и в нём оказалась записка. Несколько неровных, в спешке нацарапанных строк, а под ними — два имени. Два знакомых имени: Андрей Грязнов и Люба Коротаева. И показалось, будто они сами встретили друзей на гребне. Две высокие сильные фигуры в маскхалатах, с тяжёлыми рюкзаками за спиной, с автоматами на шее. И куда-то исчезло мирное летнее утро, надвинулась ночь, засвистела позёмка, и двое, по пояс в снегу, снова пробивались к маленькой площадке на гребне Донгуз-Оруна.

В коротких, скупых строках записки ничего не было об этом. И всё же она говорила голосами Андрея и Любы.

Они всегда начеку. Если переднего обнаружат, задний откроет стрельбу, отвлекая вражеский огонь на себя.

ДЛЯ ГРЯДУЩИХ ДНЕЙ

1942 год. Советская Армия героически защищает Кавказ. Гитлеровские полчища прорвались сюда через донские и новороссийские степи. Весь массив седого Эльбруса в их руках. Фашисты и в Нальчике, столице Кабарды. Между Эльбрусом и Главным Хребтом, в лабиринте горных ущелий, там, где Терскол сливается с Донгузом и даёт начало шумному, пенистому Баксану, укрепились стрелки немецкой горно-стрелковой дивизии «Эдельвейс».

Наши части — по ту сторону Главного Хребта, в Сванетии. На перевалах — наши заставы, готовые стоять насмерть, отражая врага. В расположении полка, выдвинутого к переднему краю, на южном склоне Накра-Тау — маленький домик, на этом участке фронта известный под названием «Ташкент». Название пошло от позывных маленькой рации обитателей домика, семёрки разведчиков-альпинистов.

Разведчики всегда выходили на задание, когда начинало темнеть. Подъём на три тысячи метров к перевалу Донгуз. Дальше — мимо нашей заставы вниз, на ту сторону хребта, в расположение неприятеля. Спуск по глубокому снегу к последнему перегибу склона, с которого видна и опушка Баксанского леса и вражеские блиндажи, выдвинутые сюда, на опушку. Чуть выше этого перегиба — «Северная палатка»: хижина без окон, сложенная из необтёсанных камней неведомо кем и когда.

Здесь — короткая передышка и последний «перекур» под защитой каменных стен. Дальше курить не придётся. В горах далеко видно. Даже слабый огонёк спички может демаскировать разведчика... От «Северной палатки» они расходятся.

Так было и в эту ночь. Ника Персиянинов, Гоги Сулаквилидзе, Резо Чебукиани, Алёша Немчинов и Саша Сергеев свернули налево, чтобы подняться на гребень Чегета и там разделиться ещё раз. Андрей Грязнов и Люба Коротаева пошли направо, к северному гребню Донгуз-Оруна.

На снегу человек в маскхалате уже за сотню шагов невидим. Простившись у «Северной палатки», все исчезли в темноте. Пробивая телом траншею в глубоком снегу, Андрей и Люба двигались по склону Накры на восток и немного вверх, туда, где чернел скальный участок. На скалах иной раз труднее, зато не остаётся следа, который может выдать тебя.

Час, два часа проходят в борьбе со снегом. И всё же, пока под ними ровный, хотя и не

очень пологий склон, дело идёт не так уж плохо. Но вот они дошли до огромного каменного вала — морены, оставленной здесь древним ледником. Беспорядочное, дикое нагромождение больших и маленьких валунов покрыто толстым слоем снега. Ступишь шаг — и проваливаешься с головой в расселину между камнями. Без помощи товарища не сразу и выберешься, а тут минуты на счету.

Внизу темнели сосны Баксана, а на той стороне ущелья — разведчики знали — шла дорога.

Шаг за шагом, наощупь, то и дело попадая в невидимые ямы-ловушки, они одолевают морену. Наконец добрались до скал. Здесь надо ступать осторожней, чтоб не сорвался камень из-под ноги. Ведь на Баксане «эдельвейсы». Это хитрый, опасный враг. Он знает горы. Грохот камня, небольшая лавина скажут ему то, чего не понял бы житель степей.

Андрей идёт первым; Люба,— сохраняя дистанцию в сотню метров. Сейчас, на войне, они редко ходят связкой. Только в самых крайних случаях, когда надо по всем правилам альпинистской техники форсировать отвесную скалу.

Они всегда начеку. Если переднего обнаружат, задний откроет стрельбу, отвлекая вражеский огонь на себя, чтобы товарищ мог отходить. Так, по-новому, действует закон альпинистской связки, закон охранения и дружбы.

Но сейчас всё тихо, и они идут вперёд... Снова участок глубокого снега, снова бесшумная, молчаливая борьба за каждый шаг, за каждый метр пути. Вот наконец и склон, ведущий к гребню. Начинается подъём. Сначала пологий, склон становится круче и круче. Они берут его «в лоб».

Траверсировать склон, двигаться не прямо вверх, а наискось, было бы легче. Но склон лавиноопасен. В сущности, сейчас — в декабре — все склоны лавиноопасны. Двигаясь наискосок, уменьшаешь крутизну пути, но при этом «подрезаешь» рыхлое, тяжёлое одеяло снега и можешь вызвать лавину. Возможно, она и не заденет тебя, пройдёт стороной. Но лавины обычно сходят днём. Просто так, без всякой причины, ночью они не рождаются. По грохоту и гулу обрушившегося снега враг поймёт, что здесь кто-то прошёл. Поэтому Андрей и Люба взбираются «в лоб».

Рюкзаки с пятидневным запасом пищи, со спальными мешками для ночёвок на снегу, автоматы, диски, гранаты почти двухпудовым грузом тянут вниз. Мороз обжигает лицо. И снег, всё снег, и снова снег, сковывающий движения, стеной встающий на пути.

Они движутся на пределе человеческих сил. Кажется, что вот ещё один шаг, а дальше — упасть и лежать на снегу без движения. Но за этим шагом будет ещё один, и ещё один, и ещё, и они знают, что будут идти, потому что нужно дойти.

Вот наконец и гребень. Ветер, резко ударивший в лицо, сказал им об этом раньше, чем они увидели громаду Эльбруса сгустком темноты на тёмном небе.

Они дошли. В мирное время их восхождение зимой на гребень Донгуз-Оруна считалось бы большой спортивной победой. Но сейчас они не думали об этом. Они просто думали о том, что дошли наконец. И думали о том, что больше, кажется, нет сил. И упали

на снег и несколько минут лежали, стараясь отдышаться.

Потом выбрали площадку, нагромоздили камней позади себя. Камни маскируют: без них на заснеженной линии гребня на светлом фоне неба за несколько километров видно движение человека.

Внизу темнели сосны Баксана, а на той стороне ущелья — разведчики знали — шла дорога. Она будет хорошо видна отсюда, когда станет светло...

Лежать и смотреть, часами не двигаясь с места, не разводя костра, не зажигая папиросы. Мёрзлые консервы, шоколад, сон на снегу в мороз и ветер, ни глотка горячего.

Они отдыхают по очереди, и пока один спит чутким, сторожким сном, другой дежурит с полевым биноклем в застывших от холода руках.

Искусство видеть — оружие разведчика. Вот по дороге прошли шесть солдат и скрылись за скалой, свернув на тропинку. Через полчаса шесть солдат прошли в обратном направлении. Незначительное событие как будто. Но Андрею и Любе оно говорит о многом. Это смена караула. Значит, в том направлении, за скалой, у неприятеля шесть постов. Сейчас восемь утра. Если последить дальше, можно узнать, через какие промежутки времени и в какие часы сменяются постовые. Шесть солдат проходят в полдень, потом — в четыре. В восемь вечера их не видно; видны отсветы карманных фонариков на дороге. Негнущиеся от холода пальцы делают пометку в блокноте: «6 п. 8-12-4-8».

...Ослик с перемётными сумками поднимается по тропинке в гору. Обыкновенный ослик, такой добродушный и мирный. Но что делать ему там, наверху? Тропинка ведёт к Хотю-Тау и больше никуда. Альпинисты знают: на Хотю-Тау — ни жилья, ни людей. И незачем этому солдату гнать туда осла с грузом, вот уже второй раз за день, если там не устроен один из опорных пунктов.

...Два гитлеровца тащат ивовую корзину с термосами. Время обеда. Куда они направляются? Внимание... Это дорога на Старый Кругозор. Второй опорный пункт найден. Потом Андрей и Люба обнаруживают третий, у Приюта одиннадцати.

...По дороге из Нальчика движение сильнее, чем вчера и позавчера. За день прошло пять бронетранспортёров. Два с людьми, остальные с какими-то ящиками, вроде снарядных. Видно, что-то там готовится.

Солдат с минным рюкзаком за спиной прошёл, согнувшись под тяжестью мин, и выдал наблюдательному глазу место, где установлен миномёт. Всё это важно. Всё это очень нужно! Пометки растут в числе, испещряют белые листки блокнота.

Так проходят сутки, вторые, четвёртые на скалистом гребне. Враг здесь, рядом. В любую минуту он может их обнаружить. А им в напряжении солдатских будней кажется, что главная беда, главная трудность — холод. Холод невыносим, до смерти надоело мёрзнуть. И они мечтают о крохотном домике по ту сторону хребта, о комнате, где по стенам — нары в три этажа, а посредине — раскалённая жестяная печурка. «Ташкент»! Там можно громко смеяться и разговаривать; там можно петь песни, которые здесь же, все вместе, сложили... Но больше, чем о «Ташкенте», больше, чем о тепле, мечтают они о том времени, когда людям можно будет просто придти сюда и подняться на этот гребень, чтобы восходить дальше, к вершине Донгуза...

Пятый день подходит к концу. Уже солнце скрылось за гребни Большого Когутая. Уже в сумерках синими стали снега. Уже зажглись первые звёзды. Только двуглавая вершина Эльбруса светится мягким розовым светом.

— Значит, оттуда ещё видно солнце,— сказала Люба.

И оба смотрели, как бледнеют и гаснут купола Эльбруса...

— Слушай, Люба, знаешь что? Давай оставим здесь записку, как когда-то оставляли, взяв вершину. Кончится война, по горам будут ходить не в разведку, а на восхождения. Найдут и прочтут её.

— Оставим,— сказала Люба,— для грядущих дней!

Они вырвали листок из блокнота. В сгущающейся темноте нацарапали несколько слов. Развинтив гранату, вложили туда листок и прикопали снегом у камня, ближе к южному краю площадки.

Эльбрус погас. Скрытно оставив позицию, они стали спускаться.

Но записка? Что же в ней было?

А там было просто сказано, что 2 декабря 1942 года при выполнении задания командования бойцы-разведчики Андрей Грязнов и Любовь Коротаева в зимних условиях совершили подъём на северный гребень Донгуз-Оруна.

КУТУЗОВСКИЕ ЮННАТЫ

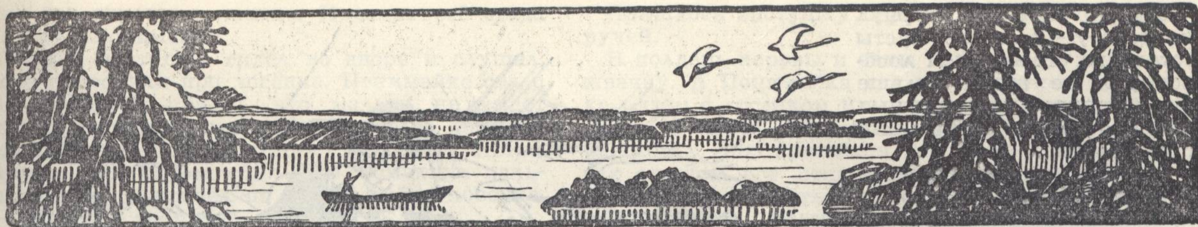
Пришла весна. На полях в разгаре посевная. В этом году наши колхозы и совхозы сеют много кукурузы. Обширные поля будут отданы под кукурузу даже в тех местах, где она пока ещё не очень распространена.

Кукуруза — замечательное растение. У неё не только зёрна богаты питательными веществами, но и початки, на которых тесными рядками сидят эти зёрна. А из её высоких зелёных стеблей и листьев делают силос, и с гектара кукурузы получается очень много силоса, куда больше, чем из других растений. Выходит, что кукуруза вся используется в хозяйстве. К тому же кукуруза, если её правильно сеять и хорошо выращивать, если над ней как следует потрудиться, приносит огромные урожаи. А это очень важно. Ведь сейчас Коммунистическая партия Советского Союза поставила перед народом большую задачу: как можно шире развивать животноводство. Вот тут-то и нужна кукуруза. Чем больше будет кукурузных полей, тем больше будет в колхозах высокоудойных коров, жирных свиней, гусей, кур, уток.

Могут ли ребята помочь старшим? Могут ли и они принять участие в огромном, всенародном деле?

Конечно! Вот на фотографии юннаты Кутузовской школы. Они давно уже занимаются выращиванием кукурузы, учатся получать большие урожаи на своих делянках. Они передали своему колхозу хорошие гибридные семена для посева и сами ухаживали за посевом на целом гектаре колхозного поля.

Вы, ребята, можете делать то же, а можете помогать и по-иному. Например, посеять на пришкольном участке различные сорта кукурузы и проверить, какой сорт даст больше зелёной массы, какой даст початки крупнее, у какого много початков успеет развиться до молочно-восковой спелости. А узнав это, сообщить результаты правлению колхоза и районному агроному. Конечно, чтобы ваш совет был правильным, чтобы ваш опыт принёс пользу, надо хорошо ухаживать за своими школьными посевами, надо и полоть кукурузу, и подкармливать её, и, не полагаясь на работу ветра, самим вести добавочное опыление. Словом, всё делать по правилам науки.

Херта Куусинен (литературный псевдоним Херта Элина) — член политбюро ЦК компартии Финляндии, генеральный секретарь Демократического союза народа Финляндии, депутат сейма.

Дорогие советские дети — читатели «Пионера»!

Когда я писала сказку «Понимайка и лось», то никак не могла подумать, что вы будете её читать! Наоборот, я считала, что её никто не будет читать, потому что писалась она в камере фашистской тюрьмы. Время было жестокое, 1942 год. Была война. Всем было трудно и тяжело. Я думала в первую очередь о финских детях. Думала, что найдутся среди них мальчики и девочки, которые знают о пути к лучшей, мирной жизни, о пути в Страну Доброй Воли. Такие дети есть. Они знают правду о Советском Союзе. Они рассказывают эту правду и другим детям. И каждый, кто узнает эту правду, уже никогда не пойдёт на войну против Советского Союза.

Так я думала, и мои думы превратились в сказки. Мне было запрещено писать. Но что делать: тюремные власти запрещали, а сердце велело писать.

Если бы я сейчас могла снова написать эту сказку, то она звучала бы бодрее, веселее. Теперь ведь не только Советский Союз, но и народный Китай и страны народной демократии входят в общую Страну Доброй Воли. Теперь во всех частях света, во всех странах мира, как и у нас в Финляндии, много, много людей, борющихся за мир между народами. Пастушок Понимайка не одинок. С ним все юные пионеры Финляндии.

Когда вы прочтёте сказку, вы узнаете, где и как родился пастушонок Понимайка. В его лице я хочу передать всем детям Советского Союза самый тёплый, самый сердечный привет от юных пионеров Финляндии, от всех детей, которые в условиях капитализма ищут путь в Страну Доброй Воли.

Hertta Kuusinen-
Hertta Elina

ПОНИМАЙКА И ЛОСЬ

СКАЗКА

Херта Элина

Рисунки М. Алексеева и Н. Строгановой.

ЛОСЕНОК

Жил на свете маленький лосёнок. Он был такой маленький, что и бегать-то ещё не умел как следует. Лосиха-мать кормила его, лизала, а лось-отец играл с ним, оберегал его.

И вдруг случилась беда. Пришёл в лес злой охотник и убил большого лося-отца. Лосиху-мать тоже убил. А лосёнка взвалил себе на спину, схватил его за слабые ножки и понёс домой.

Маленький лосёнок тихонько стонал на спине у злого охотника. Он никак не мог понять: почему же его мать не бежит за ним? И почему отец не защищает его, почему не бьёт охотника своими большими рогами?

«Спят они, что ли? — думал маленький лосёнок.— Но если спят, то почему у матери открыты глаза? Прежде она никогда не спала так. Прежде чуть шевельнёшься — она уже и проснётся, уже и вскочит! А сейчас лежит, смотрит и почему-то не слышит, как я плачу и зову её...»

Лось и лосиха неподвижно лежали в кустах на растущей между камнями траве.

Вскоре охотник свернул на дорогу — высокие кусты встали по сторонам. И лосёнок уже не видел больше ни могучих неподвижных рогов отца, ни печальных глаз матери...

Охотник принёс лосёнка в свою богатую усадьбу и пустил его на скотный двор. Тут все, кто жил на скотном дворе, — коровы, лошади, овцы, свиньи, куры, собаки — собрались вокруг испуганного лосёнка. Лосёнок лежал на земле и дрожал. Лосёнку казалось, что ему снится страшный сон: он ведь никогда ещё не видел домашних животных! Ему хотелось отогнать от себя этот сон, он встряхивался и то открывал глаза, то закрывал. Но ничего не помогало. Закроет глаза — ещё слышнее, как вокруг него и мычат, и кудахчут, и кричат, и шушукаются... У лосёнка так закружилась голова, что он даже понять не мог, что они все говорят.

А говорили вот что.

— Му-у, — сказала корова с колокольчиком, — он почти как настоящий телёнок. Но чего-то недостаёт.

— Или что-то лишнее! И-ги-ги-и! — проржал молодой шалун-жеребёнок.

— Бя-я, шерсть не видна-а!.. — проблеяли овцы.

— Где шпоры? Где гребень? — прокукарекал петух. — Ни гребешка, ни шпор!

И куры тотчас принялись хвалить своего петуха:

— Вот смотри, вот смотри! Какой же наш петух умный!

— Какой-то лесной бродяга! — проворчал старый пёс. — Совсем не умеет вести себя. Не может даже хвостом помахать, когда входит в дом!

Только свиньи не вмешивались в разговор: их самих постоянно осмеивали. Но маленькие поросята тихонько повизгивали и повторяли то, что их мамаша-свинья шепнула другой мамаше-свинье:

— Слишком тощ! Слишком тощ!

В доме хозяин и хозяйка в это время советовались: сейчас зарезать лосёнка или дать ему подрасти? Посоветовались и пришли к тому же мнению, что и мамаша-свинья: лосёнок слишком тощ, пускай подрастёт немного. Хозяйка приказала работнице покормить лосёнка. Работница налила в бадейку молока, принесла на скотный двор, поставила её перед лосёнком и ушла. А лосёнок смотрел на бадейку и ничего не понимал. Он ведь никогда ещё не пил из бадейки!

Животные поговорили-поговорили, да и разошлись по своим делам. Около лосёнка остался только маленький пастушок Юмми, что значит Понимайка. А прозвали пастушка Понимайкой потому, что он понимал язык всех животных.

Если бы Понимайка был старый, с длинной бородой, все считали бы его колдуном. Но Понимайка был всего-навсего маленьким сиротой. Хозяева сказали:

— Раз он так хорошо понимает животных, пускай будет пастухом!

Так вот и стал Понимайка пастушком.

Сначала ему трудно было справляться со стадом. Большому быку хотелось забодать его. Коровы и лошади глядели на него, как на обыкновенного пастуха. Да ещё такой маленький да слабый этот пастушок, чего же его бояться? Можно и боднуть, можно и лягнуть — отомстить за недобрые дела прежних пастухов.

Но Понимайка всех заставил полюбить себя. Как только большой бык начал реветь и рыть копытом землю, Понимайка запел ему песенку. Он пел о том, каким маленьким и хорошеньким бычком был когда-то этот большой бык. Как нежно мать-корова облизывала его и как весело он тогда резвился в поле: так бегал и прыгал, что трава перемешивалась с землёй под его острыми копытцами.

— И все-то, все любили тогда маленького бычка! — пел Понимайка.

А большой бык стоял, слушал и ревел. Он совсем забыл, что хотел забодать своего пастушка.

С тех пор, как только завидит бык Понимайку, так и вспомнит своё детство и сразу весело запрыгает по полю. Ему кажется, что он снова маленький бычок. И большой бык вместе с телятами бежит лизать пастушку руку.

Понимайка умел каждому сделать что-нибудь приятное. Кому рассказывал весёлую сказку,

кому пел грустную песню... И скоро всё стадо полюбило Понимайку.

Сегодня пастушок сидел во дворе и слушал, что тут говорили про лосёнка. Понимайке стало жалко его. Он увидел, что малыш не умеет пить из бадейки. Понимайка приласкал лосёнка, похлопал тихонько по спине, погладил. Потом уселся с ним рядом, обнял его, обмакнул пальцы в молоко и провёл по сухим губам лосёнка.

— Ма-ма! — закричал лосёнок.

Он вспомнил свою мать и заплакал. Но тут же почувствовал, что ему очень хочется есть. Только не нравилось ему коровье молоко — такое оно было невкусное!

Однако пастушок ласково пригнул его голову к бадейке и сказал:

— Пей, лосёнок, пей! Тебе надо подрасти и окрепнуть. А если ты будешь такой слабенький, то как же ты убежишь обратно в лес?

Так и научился лосёнок пить коровье молоко. На ночь Понимайка отвёл лосёнка на сеновал. Там они улеглись рядом на сене. Понимайка положил голову на тёплую спину лосёнка и сладко уснул. Давно уже не было у него такой мягкой подушки!

ВЕСТЬ ЖАВОРОНКА

— Солнышко встаёт! Все поднимайтесь! Кто спит ещё-о? — хорохорился петух на рассвете.

Пастушок слез с сеновала, сходил в дом, взял кусок хлеба и погнал стадо в лес. И лосёнка взял с собой.

Ножки у лосёнка были ещё слабые, он никак не мог поспеть за другими. И Понимайка часто останавливал стадо, чтобы лосёнок мог отдохнуть. Встретился на пути ручеёк — что делать лосёнку? Не может он перепрыгнуть! Тогда пастушок взял его на руки и перенёс на другой берег.

Тут заблеяли два маленьких ягнёнка: а как же им быть? Но пастушок сказал:

— Дяаря и Яаря! Вам уже четыре недели — вы и сами перейдёте. А лосёнок ведь совсем ещё слабенький. Когда он подрастёт немножко, тогда мы все вместе будем играть на пастбище.

Храбрый чёрный Яаря прыгнул через ручей, да так, что даже белую Дяарю забрызгал водой. А Дяаря никак не решалась прыгнуть. Чуть ступила копытцем в воду, так сразу и заплакала:

— Не перейду! Не перейду! Видишь же, что не перейду!

Пришлось пастушку перенести и Дяарю через ручей.

В полдень коровы и овцы отдыхали и жевали жвачку. А Понимайка сел на солнечном бугорке рядом с лосёнком и вынул свой кусок хлеба. Пока он жевал чёрствый кусок, лосёнок ему рассказал, как пришёл в лес злой охотник и как он убил его отца — большого лося — и его добрую лосиху-мать.

Понимайка, услышав это, сразу перестал есть. Он пронзительно свистнул, и тотчас в ответ ему раздался такой же свист. Через минуту прилетел жаворонок и сел пастушку на колено.

— Жаворонок, слетай в лес, — сказал Понимайка. — Разыщи там густой березняк и каменистый откос. Потом вернись и расскажи: там ли ещё отец и мать нашего лосёнка.

Жаворонок взвился и полетел в лес.

Вот уже день пошёл к вечеру и солнце начало опускаться к холмам. Понимайка стал собирать своё стадо домой, а от жаворонка всё ещё не было ни слуху, ни духу.

Лосёнок за этот долгий солнечный день очень окреп. Он даже научился щипать траву. На обратном пути он уже сам перепрыгивал через ручьи. Они с чёрным Яарей даже наперегонки прыгали. Беленькой Дяаре тоже очень хотелось прыгать вместе с ними через ручьи, но разве за ними угонишься? Пусть уж лучше пастушок переносит её на руках. А то ещё прыгнешь, да не перепрыгнешь — на смех только!

Стадо тихо брело домой. Жаворонка всё не было. Вот уж и половину пути прошли. Ветер колыхал луговую траву, а Понимайка пел свою лучшую песенку, чтобы стадо дружнее шло за ним. И вдруг с небесной высоты донеслось:

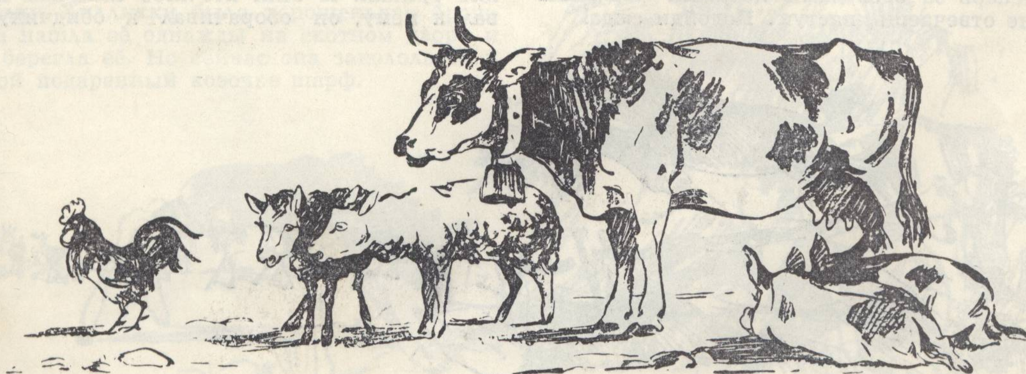
— Юмми-Понимайка! Понимайка!

Это прилетел жаворонок. Он спустился к пастушку, сел ему на руку и начал рассказывать.

— Нашёл я березняк, нашёл и каменистый откос. Но ни лосихи-матери, ни лося-отца не нашёл. Охотник, хозяин вашей усадьбы, их тоже не нашёл. Он и сейчас ещё бродит в глухом лесу, всё их разыскивает. И такой он ходит злой! Всё говорит: «Вот ужо вернусь домой, так сорву зло хоть на лосёнке». Будь настороже, будь настороже!..

Все в стаде удивились и испугались. Одно дело — подшутить над глупым лосёнком. Но разве можно обижать его? Ведь он ещё совсем маленький и беспомощный!

— Что теперь будем делать? — сказал Понимайка и обнял лосёнка за шею. — Как мне

спасти тебя от злого хозяина? Я не дам ему убить тебя!

— Оставь его в лесу, оставь в лесу,— посоветовал стоявший поблизости баран.

— Послушай его,— сказала корова с колокольчиком.— Хоть раз, да придумал баран что-то умное!

Остальные тоже поддержали барана. И всё стадо повернуло и пошло искать, куда бы спрятать лосёнка. Особенно старались овцы: ведь этот умный совет дал баран, а не кто-нибудь!

— Здесь! Здесь! — блеяли они у каждой ёлки.

Но тёлка Хилликки нашла самое лучшее место — песчаную пещеру.

Общими силами натаскали в пещеру травы — тут лосёнку и постель, тут и еда. А шалун-жеребёнок Пирьо сбегал в поле, схватил охапку душистого клевера и тоже притащил в пещеру. Пирьо был очень доволен: и лосёнку услужил и показал другим лошадям, как он ловко прыгает через изгородь.

* * *

Стадо направлялось к дому, старательно позвякивая колокольчиками. Животные шли и беседовали о том, как отлично подшутили они над хозяином.

А в усадьбе уже дожидались коров женщины с подойниками. Они бранили пастуха и удивлялись, что это стадо не идёт так долго.

— Заблудился ты, что ли, или медведь побывал в стаде? — спросила хозяйка у пастушка.

— Не заблудился, и медведя не было,— ответил Понимайка.— Мы слушали жаворонка, потому и задержались немножко.

— Вот глупый пастух! — засмеялись женщины.

А хозяйка оттаскала Понимайку за волосы и сказала, что оставляет его без ужина. Но Понимайка этому только обрадовался: не пойдёт ужинать, значит, избежит встречи с хозяином. А не встретится с хозяином, значит, хозяин не спросит у него про лосёнка. Пастушок был очень голоден, и хозяйка очень больно отодрала его за волосы. Но что из того? Можно и потерпеть за маленького сиротинку. И Понимайка молча отправился на сеновал.

В это время во двор вошёл хозяин-охотник, он только что вернулся из лесу. Понимайка хотел незаметно прошмыгнуть мимо, но хозяин остановил его.

— Эй, пастух! — крикнул он.— Где лосёнок? Большие лоси притворились убитыми, а теперь куда-то скрылись! Я обещал гостям жаркое из лося — и жаркое будет на столе! Лосёнок поплатится теперь за весь свой лосиный род!.. Ты что ж не отвечаешь, пастух? Подойди сюда!

Понимайка подошёл к хозяину — а что же ещё ему оставалось делать? — и тихо ответил:

— Лосёнок остался в лесу.

— Так ты и его упустил?! — закричал хозяин и начал бить мальчика.

Кто знает, сколько времени он бил бы его и тряс, если бы сам не был голодный и усталый. Он отпустил пастушка, но сказал:

— Погоди, я тебе ещё припомню это!

Понимайка забрался на сеновал, бросился на сено и заплакал. Здесь он мог плакать, но злому хозяину он ни за что бы не показал своих слёз. Мальчик плакал, пока не уснул. И не было у него даже вчерашней мягкой, как шёлк, подушки, которая колыхалась вместе с его дыханием. Сухие стебли царапали ему щёки и утирали слёзы. И только одна мысль утешала Понимайку: лосёнок был в безопасности.

С этих пор жизнь Понимайки стала ещё тяжелее. Хозяин ненавидел мальчика, да и хозяйка недолюбливала его. Кормили его кое-как, тумаки то и дело градом сыпались на него.

А лосёнок каждое утро встречал стадо на пастбище. Вечером он провожал своих друзей до половины дороги, а сам опять уходил в песчаную пещеру.

Когда лосёнок подрос, то он стал смелее. Он решался уже подходить почти к самому дому. Часто Понимайка взбирался ему на спину, и они неслись, как на крыльях.

Сначала все в стаде полюбили лосёнка. Но потом ему начали завидовать. Все видели, что Понимайка очень привязался к лосёнку. К тому же лосёнок рос быстро, ягнята остались далеко позади, им не нравилось, что на лося приходится смотреть, задрав голову. Корова с колокольчиком наконец поняла, чего не хватало у лося.

— Никакой пользы не будет от этого животного в хозяйстве,— сказала она,— ни молока, ни шерсти — ничего. Вся его жизнь — пустые хлопоты и беготня.

Догадался теперь и жеребёнок Пирьо, что было лишним у лося: рога, которые уже начали показываться на лбу. Если бы эти рога, по крайней мере, были простыми, но Пирьо слышал, что они будут ветвистыми.

И старый конь Хуму присоединился к общему мнению:

— Ну, в молодости ещё можно шалить от нечего делать. Но мне кажется, что из него никогда не получится никакого толка.

И когда подвёртывался удобный случай, то один, то другой понемногу щипали и лягали лосёнка. Но лосёнок не обращал внимания на лёгкие тумаки. А если кто-либо слишком приставал к нему, он оборачивал к обидчику свои

острые рожки, и большие глаза его сердито сверкали. Тогда задиры оставляли его в покое.

Но всё это было бы ничего... Хуже всего было то, что в доме начали поговаривать о лосёнке. То ли кто-нибудь из завистливых молодых бычков намекнул собакам, что лосёнок приходит на пастбище, то ли собаки сами пронюхали — только пастушок заметил, что старый пёс — сторож дома — постоянно ходит за ним по пятам, принюхивается и скулит, словно чует зверя. К счастью, днём этот пёс был привязан и не мог сбегать на пастбище. А то бы он обязательно увидел лосёнка.

ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ КОЗЫ ИММИККИ

В дремучем лесу, недалеко от усадьбы, жил большой чёрный медведь. Медведь договорился с хозяином, что будет охранять его стадо от волков. А за это хозяин должен каждый год отдавать ему лучшее животное из стада.

Так и повелось. Каждый год медведь брал из стада то овцу, то корову, то молодую козу... Так дошла однажды очередь и до тёлки Хилликки.

Понимайке было очень жалко отдавать медведю Хилликки, вот он и задумал обмануть злого медведя. Медведь пришёл за тёлкой, а Понимайка запел ему песенку про медовые соты.

— За большим камнем, в кустах, — так пел Понимайка, — висят соты, а в сотах — полно мёду!..

Медведь полез за камень искать соты. Сунул он морду в кусты, а оттуда как вылетит целый рой пчёл да как облепит глаза медведю!

Пока медведь отбивался от пчёл, Понимайка спрятал своё стадо за густым буреломом. Медведь пришёл обратно, а стада нет. Он бегал взад и вперёд, ревел во всё горло — нет стада. Тогда раздосадованный медведь пригрозил:

— Ладно! Я ещё вернусь к вам! Только не один, а с целой стаей волков!

И ушёл в лес.

* * *

Вскоре наступил день рождения козочки Иммикки. Животные тоже с удовольствием справляют свои дни рождения. Они украсили козочку венком, отвели её на самый лучший луг и танцевали вокруг неё.

Все приносили Иммикки подарки. Жеребёнок Пирьо повесил ей на левый рог маленький колокольчик, хотя он очень дорожил этим колокольчиком — ведь он получил его от бабушки.

Овцы нащипали шерсти из своей шубы и сваляли из неё мягкий шарф, да такой пушистый и лёгкий, какого человеку никогда не связать.

У тёлки Хилликки была хорошенькая брошка, она нашла её однажды на скотном дворе и очень берегла её. Но сейчас она заколола этой брошкой подаренный козочке шарф.

Только у лосёнка ничего не было. Он взобрался на высокую скалу, где росли дикие розы, и принёс целый куст. И вот Иммикки всю украсили розами — от рогов до кончика хвоста.

И всё же самый замечательный подарок преподнёс Понимайка. Он подарил козочке свои единственные чулки, которые зимой спасали его от холода. Чулки были белые. Пастушок отрезал у них пятки и натянул на задние ноги Иммикки — он-то не забывал о чёрном медведе. Медведь всегда является в такие праздничные дни и хватает свою добычу за поджилки, чтобы она не могла убежать.

Иммикки грустно улыбнулась Понимайке и всему стаду:

— Спасибо вам всем! И особенно тебе, Понимайка. Я знаю, что ты хочешь спасти меня от медведя, но боюсь, что твои чулки не защитят меня. У меня так тяжело на сердце: как бы медведь и вправду не пришёл сегодня!

В это время с опушки леса раздался страшный рёв и хохот. Все так увлеклись подарками, что никому и в голову не пришло оглянуться вокруг. А это и в самом деле был медведь!

— Ловко! — зарычал он. — Именинница уже совсем наряжена. Никогда в жизни не видел я такого зверя!

Медведь хохотал так, что бурая шуба его поднялась дыбом и высокая трава вокруг него заколыхалась.

Иммикки и правда смешно выглядела в своём шерстяном шарфе, в чулках, с колокольчиком, с брошкой и розами. Но никому, кроме медведя, уже не хотелось смеяться.

Тогда Понимайка повернулся к медведю и сказал, будто ничуть его не боялся:

— А что ты насмехаешься? У нас праздник, день рождения. Иди к нам, угощенья и для тебя хватит!

— Напрасно стараешься! — проревел медведь сквозь смех. — Один раз ты меня уже обманул,

но второй раз не собьёшь с толку! Козу и тёлку сюда, да побыстрей!

И медведь, переваливаясь с боку на бок, двинулся к козе.

Но тут словно сама дорога встала перед ним на дыбы. К медведю вдруг подскочил лось и так ловко ударил его своими маленькими крепкими рожками, что медведь полетел вверх тормашками.

Однако он тотчас вскочил на ноги.

— Берегись, мальчишка! — рявкнул он грозно.

И ударил бы лосёнка, может, и убил бы, но между ними встал Понимайка.

— Был когда-то медведь маленький, послушный. Танцевал он, играл, мамочкин сынуша...— запел Понимайка дрожащим голосом.

Но медведь перебил его:

— Прекрати свою болтовню, я её уже слышал. Одно животное в год — моя законная доля. Но вы один раз обманули меня, и, значит, теперь я возьму двоих сразу. Но я могу вам сделать уступку: вторым может быть лосёнок. И хозяин будет этим доволен и я. Марш в дорогу, коза и лось! Идите добром, а то волков позову!

— Идите с медведем,— вздохнув, посоветовал Понимайка,— а я провожу вас.

Так и пошли. Впереди, высоко подняв голову, шёл лосёнок. За ним шагала украшенная розами Иммикки, и ноги у неё подкашивались от страха. Рядом с козочкой шёл Понимайка. И всё стадо брело за ними до самого леса. Понимайка пел прощальную песню. Песня эта была бодрая: пастушок обещал, что они снова вернутся к своим друзьям. Но кто же мог этому поверить? Ведь следом за Понимайкой ковылял большой чёрный медведь!

И вот они все исчезли в чаще мрачного леса, а стадо осталось на опушке.

Долго вёл медведь по глухому лесу лося, козу и Понимайку. Но вот подошли они к высокой скале. Медведь пошёл вокруг скалы, а Понимайка отстал. Медведь не обратил на него внимания: зачем тащить Понимайку в свою берлогу?

«От людей — одна неприятность,— подумал он,— пусть идёт своей дорогой».

А Понимайке только того и нужно было. Он живо взобрался на скалу и нашёл там огромный камень. Одному-то Понимайке с этим камнем не справиться бы, но он свистнул тихонько, и к нему на помощь прискакали белки, прибежали всякие лесные зверюшки. Они все вместе подкатили камень к самому обрыву и стали ждать.

Вот и медведь идёт, гонит козу и лося... И только показался он под скалой, Понимайка и его помощники налегли разом и столкнули камень. Камень с грохотом сорвался с отвесной скалы. Медведь поднял голову: что за шум? Но тут лось боднул его в спину, и камень грохнулся прямо на голову медведю. Медведь и не встал больше.

И всё было бы хорошо, да вот осколком камня по пути крепко ушибло ногу Иммикки. Нога, пожалуй, совсем переломилась бы, если бы не чулок Понимайки. Понимайка оторвал кусок от своей рубахи и перевязал ногу Иммикки. А Иммикки вовсе и не жаловалась на боль, так она была рада своему освобождению.

— Идите-ка вы с лосем вперёд,— сказала Иммикки,— я и одна найду дорогу домой. Зачем же мне вас задерживать!

Иммикки после всего, что ей пришлось пережить, стала совсем храброй и самостоятельной козой. И было похоже на то, что она в своей жизни больше никогда и ничего не будет бояться.

Понимайка опасался, что стадо в сумерках не найдёт дорогу домой. Он сел верхом на лося и поскакал к пастбищу. Иммикки бодро хромала за ними, позванивая колокольчиком.

А стадо так и стояло на месте, на опушке леса. Все ждали и не знали, что же им теперь делать.

— Понимайка едет! Понимайка едет! — вдруг закричала Дяаря.

И как же обрадовалось всё стадо, когда Понимайка верхом на лосе показался на опушке леса!

Было уже почти совсем темно, когда тронулись домой. Но едва выбрались на дорогу к дому, как за поворотом замелькали огни. Шумно, с факелами в руках, с шестами и с граблями шли им навстречу все мужчины из усадьбы. Впереди шёл хозяин с ружьём за спиной.

— Смотрите,— закричал хозяин,— ведь это и есть убежавший лось, а на спине у него обманщик-пастух!

Он схватил ружьё и прицелился в лося.

— Поворачивай к лесу! — крикнул Понимайка лосю.

Лось повернулся и умчался в лес. И пастушка своего унёс с собою. Пуля охотника только отбила у лосёнка самый кончик рога. Несколько маленьких жеребят и телят побежали было за Понимайкой в лес, но их догнали и вернули назад.

ГДЕ БОЛЬШИЕ ЛОСИ?

Когда лосёнок наконец устал и остановился, Понимайка спрыгнул на землю, сел на кочку и стал думать, что делать дальше.

— Пойдём искать твоих родителей,— сказал он лосёнку.— Я слышал, что есть такой чудесный край, где все живут в мире и согласии. Может быть, твои отец и мать ушли туда?

Лосёнок обрадовался. Он бы давно убежал искать их, да жалко было оставить Понимайку.

Лось и пастушок переночевали на мшистой кочке, а на рассвете тронулись в путь. Они решили сначала сходить на то место, где лежали большие лоси. Может быть, там найдутся следы, а по следам они найдут лосей.

Мальчик и лосёнок шли долго-долго. Они очень устали. Наконец они увидели вдали густой березняк и каменистый откос. Здесь остались тогда большие лоси. Но лосёнок не сразу узнал это место — так здесь всё переменилось. Там, где отец-лось отскочил назад от пули охотника, сверкал родник. А где лосиха-мать лежала у камня, мерцали листья серебристой ивы.

Понимайка и лосёнок бросились к роднику. Как освежала эта вода! А красивая серебристая ива покачивалась над ними.

Пока друзья сидели у ручья и смотрели на иву, ветер становился всё сильнее и сильнее. Вот уже он превратился в бурю. Лес трещал и шумел, а у Понимайки и лосёнка не было никакого укрытия, кроме березняка да этой нежной серебристой ивы.

— Смотри, смотри! — вдруг закричал Понимайка.— Видишь, как плывут по воде белые пушинки ивы? Они плывут по ручью. Но в ту же сторону летят они и по воздуху, против ветра, против бури. Лось, нам надо идти в ту сторону, куда несутся они!

Понимайка и лось встали и пошли по берегу ручья в ту сторону, куда летели пушинки. Они шли против ветра, а пушинки летели впереди, и ручей журчал и звал их вперёд и вперёд. Иногда ручей совсем пропадал под кустами и дёрном. Но пушинки вели мальчика и лося, и ручей появлялся снова. Они шли за ручьём, через тёмные леса, через высокие горы, через заброшенные поля, через топкие болота и густые кустарники...

Постепенно ручей превратился в широкую реку. А ветер стал попутным и неистово подгонял их вперёд. Но наступили сумерки, и друзья наши всё чаще стали натыкаться на сучья и стволы деревьев. И, кто знает, смогли ли бы они идти дальше, если бы не увидели тихую бухточку. В бухточке стоял челнок, а в челноке — полно белых пушинок. Это сюда они летели и сюда вели Понимайку и лосёнка. И друзья поняли, что этот челнок дожидается их.

Понимайка лёг на дно челнока, устланное пухом: он очень устал. Но сначала он сделал парус — натянул свою куртку на рога лося. Так продолжали они свой путь — вода несла их, а ветер надувал парус, помогал воде.

Вдруг лось сбросил парус.

— Берись за руль! — крикнул он.— Мы летим на скалу!

И в самом деле: огромный каменный утёс встал перед ними. А река уходила куда-то прямо под скалу.

Понимайка живо схватил кормовое весло. Чёлн свернул и с треском врезался в берег.

Понимайка и лось выпрыгнули на землю и стали осматривать скалу. И они увидели, что перед ними стена, сложенная из огромных каменных глыб.

— Неужели это конец нашего пути? — спросил Понимайка.

Но лось ответил:

— Вовсе нет. Видишь, пушинки летят дальше и зовут нас. Надо или перелезть через эту стену, или разнести её вдребезги.

Эта угроза показалась Понимайке смешной: лось был такой маленький рядом со стеною!

Но в это время в небе сверкнула молния и ударила в каменную стену. Она зашаталась, затрещала, и Понимайка увидел, что она вовсе не такая уж крепкая. Тут и лось ударил в стену своими маленькими рожками, и каменные

взобрался жёлтый месяц, и река среди скал засверкала серебристой полосой.

Вдруг позади послышался шум и грохот: обломки камней срывались вниз под тяжёлыми лапами. Это медведи гнались за лосем и Понимайкой. Ненависть придавала зверям силу и ловкость, они нагоняли пастушка и лосёнка. Вот они с рёвом лезут на стену, вот они уже близко, вот сейчас схватят Понимайку... Но Понимайка вскочил на спину лося, и лось понёс его. Медведи хватали лося за ноги, царапали ему бока. А лось мчался вперёд и вперёд по краю обрыва.

— Прыгай на ту сторону! — шепнул Понимайка в ухо лосю.

И лось прыгнул. Понимайка схватился за его рога и закрыл глаза от страха: перепрыгнет лось или они оба упадут в бездну?

Но лось перепрыгнул.

А медведи остались на той стороне. Сорвались ли они в пропасть, погнавшись за беглецами, или они ещё долго в ярости бегали по камням — этого лось и Понимайка так и не узнали. Наступил рассвет. Пастушок спустился на землю и благодарно обнял своего верного друга.

плиты закачались, расступились, и в щели между ними хлынула вода. Тогда и Понимайка начал бить и раскачивать каменные глыбы. Эти глыбы шатались и падали в воду, поднимая до самых облаков пенные брызги. Понимайка не утерпел и снова запел, и голос его сливался с бурей. Ему казалось, что они вдвоём с лосем сейчас свалят стену. Но нет: двоим свалить её было всё-таки не под силу.

Понимайка и лось стали думать, как бы перелезть через неё. Лось первый начал перепрыгивать с уступа на уступ. Понимайка — за ним. А тем временем буря утихла, и ясный закат засиял над землёй.

Но некогда было любоваться закатом! Надо было идти всё вперёд и вперёд и вверх. А каменные глыбы вставали перед ними, крутые и острые.

Закат погас, стало темно. Но вскоре на небо

В СТРАНЕ ДОБРОЙ ВОЛИ

Солнечные лучи поднялись высоко-высоко. Понимайка огляделся кругом — такой красоты он ещё не видел никогда в жизни. Река разлилась здесь большим озером. Берега этого озера пышно зеленели. На островах цвели яркие цветы. А вдали виднелись высокие синие горы и большие леса.

Медленно всходило солнце. И вдруг там, где сиял огненный солнечный круг, Понимайка увидел на зелёном холме двух красивых лосей. Они казались огромными и как будто сами светились.

Понимайка снова вскочил на спину своего лося.

Лось прыгнул и перелетел, словно птица, на зелёный холм. Перед ним стояли его отец и мать. Они оба бросились навстречу лосёнку.

— Наконец-то пришли! — радостно крикнул лось-отец.

А лосиха-мать нежно лизнула своего сына.

— Здравствуй, сынок! — сказала она.— Здравствуй и ты, храбрый пастух. Пойдёмте в рощу, там ждут наши друзья.

В роще было много лосей — и старых, и молодых, и больших, и маленьких. Собралось там и ещё много разных животных. И Понимайка заметил, что все они были друзьями между собою.

Понимайка заметил также, что его здесь, оказывается, тоже ждали. Белки притащили ему орехов, пчёлы принесли мёду, птицы прилетели с маленькими красными яблоками в клювах. А жаворонок пел и рассказывал всей роще о приключениях лося и Понимайки.

Понимайка поел вместе с лосёнком. Напился чудесной воды из той реки, которая привела их сюда. Потом его отвели к тёплому источнику купаться. Одежду его аккуратно свернули и положили в дупло — на случай, если пастушок захочет вернуться в свой родной край. Но Понимайка смеялся: да разве когда-нибудь захочется вернуться туда, где ему так плохо жилось!

А вода в источнике и в самом деле была тёплая, над ней стоял пар. Понимайка сначала попробовал её ногой, потом вошёл в источник по самую шею. А потом перебежал из источника в озеро и долго купался там.

* * *

В Стране Доброй Воли Понимайка жил так же счастливо, как и все. Где только мог, он помогал своим друзьям. Тут убирал хворост из леса, чтобы молодым деревцам было свободнее расти, там очищал источники. Он играл и пел и был всегда весел. И его друг лосёнок каждый день навещал своего пастушка.

Однажды Понимайка спросил у лося-отца и лосихи-матери:

— А кто же здесь хозяин?

— Мы все хозяева,— ответили лоси.— Никто не имеет права ни убивать нас, ни бить, ни держать на привязи. Люди, которые живут здесь, всегда хорошо относятся к нам. И пастухов здесь не разрешается бить. Таков закон этой страны.

Понимайка заметил, что и к его другу-лосёнку и к нему самому здесь все относились с особым уважением.

Жаворонок объяснил:

— Это потому, что вы первые проложили путь через каменную стену-скалу. А эту стену нагромоздили медведи, чтобы закрыть дорогу в этот счастливый край.

Иногда Понимайка спрашивал себя:

«Почему этот край так прекрасен? Потому ли, что небо здесь выше, воздух чище, вода прозрачней, лес приветливей, земля нежней и щедрей? Потому ли, что здесь нет ни жадных волков, ни свирепых медведей и злые охотники не убивают мирных животных? И никто не притесняет мирных людей, никто ничего не отнимает у другого, а все помогают друг другу!»

Весело и счастливо проходили дни. Иногда Понимайка вспоминал своих ягнят. Что-то они сейчас делают? Не случилось ли с ними чего? Как поживают там его телята и жеребята?..

И чем дальше, тем чаще вспоминал о них Понимайка. И, наконец, так захотелось пастушку повидать их, что он решил возвратиться домой. Конечно, никто не мешал ему вернуться.

— Если старое пастбище зовёт тебя,— сказали ему лосиха-мать и лось-отец,— то иди. Нам тяжело смотреть в твои печальные глаза. Но в любое время, когда захочешь, приходи к нам назад и приводи своих друзей. Мы всегда будем тебе рады!..

НА СТАРОМ ПАСТБИЩЕ

Понимайка достал из дупла свою одежду. Стал надевать. Что такое? Куртка не сходится, рукава длиной чуть пониже локтя, штаны по колено, а между рубашкой и штанами сверкает голое коричневое тело. Вот как он вырос, пока жил в этом чудесном краю!

Понимайка посмотрелся вместо зеркала в пруд и рассмеялся: ну и наряд у него! Приглядевшись, Понимайка увидел, что он и сам очень переменился. Он возмужал, мускулы у него

окрепли, глаза смотрели светло и смело и на плечи падали длинные кудри. Как он придет к своему стаду? Разве он может теперь снова стать прежним покорным и робким пастушком?

«Я приду теперь такой смелый и сильный,— подумал он,— что ни издевательства, ни презрение уже не одолеют меня!»

Понимайка распрощался со всеми друзьями и взобрался на спину большому орлу. Орёл с шумом взмыл в воздух и унёс Понимайку из счастливого края.

Когда они перелетали через стену-скалу, Понимайка заметил, что там, на каменной гряде, было неспокойно. Медведи и волки подкатывали новые глыбы камня. Они старались сделать эту каменную стену ещё прочнее и выше.

Орёл перенёс Понимайку через стену, а сам тут же улетел обратно.

Пастушок нашёл своих прежних друзей на старых пастбищах. Но что стало здесь? Пастбища огорожены, полуголодное стадо бродит по загону... А новый пастух ушёл куда-то по своим делам.

Никто в стаде не узнал Понимайку. Да и Понимайка не сразу узнал своих прежних любимцев. Старая корова с колокольчиком, полуслепая, блуждала по загону. Белая ярочка Дяаря стала большой овцой. Понимайка обрадовался, увидев её:

— Милая малютка Дяаря, какая же ты стала большая!

Но Дяаря ответила холодно:

— Здравствуй, незнакомец! Только я не малютка Дяаря. Я овца Дяаря. И все вот эти белые, как снег, и чёрные, как уголь, ягнята — мои дети.

Понимайка переходил от одного животного к другому и спрашивал у каждого:

— Неужели вы не узнаёте меня? Я — Юмми-Понимайка, ваш друг!

И он начал петь, чтобы животные вспомнили его. Но голос его изменился: он стал глубже и мужественней, а песни стали смелыми.

— Странно,— сказала Хилликки. Она уже была тучной и важной тётушкой коровой.— Раньше Понимайка пел о том, какие мы были хорошенькие и милые в детстве, и о том, как хорошо у нас на пастбище... Если это Понимайка, то почему же он поёт о каких-то неведомых краях, о какой-то стене, которую надо разрушить? Выдумки какие-то... Не так ли, бабушка?

И корова с колокольчиком ответила «так», хотя сама ничего и не слышала.

И вот в стаде стали говорить, что это пришёл не настоящий Понимайка. Старые животные отгоняли молодых от него, потому что молодым очень нравились его песни. А песни эти звали и манили уйти за Понимайкой. Тучные коровы и отяжелевшие кони учили жеребят и телят лягать и бодать своего бывшего пастуха. А одна подлая свинья вот до чего додумалась: плюхнулась в большую лужу и забрызгала грязью Понимайке глаза. Другим свиньям это очень понравилось, и они тоже начали шлёпаться в лужу, чтобы обрызгать Понимайку. А тут ещё появился новый пастух с длинным кнутом. Что же оставалось делать Понимайке? Опечаленный, он повернулся и пошёл один по дороге.

Но не успел он пройти и нескольких шагов, как услышал сзади тихий звон. Кто же это бежал за ним? Да это Иммикки, постаревшая белая коза Иммикки! Праздничных нарядов уже не было на ней, только колокольчик всё ещё болтался на рогах.

— Ухожу с тобой,— сказала она.— Ведь мне тоже не поверили, когда я рассказывала о том, как мы победили медведя. Но ты, Понимайка, не огорчайся: есть и такие, которые верят. А их немало. Слух о тебе и о лосе уже идёт повсюду, и ты не думай, что песни твои пропадают впустую.

Так вот и начал Понимайка ходить с пастбища на пастбище со своими новыми, смелыми песнями. Бывал он и в хижинах и в усадьбах. В одних местах его хорошо принимали, а в других поспешно прогоняли прочь. Лучше всего ему было в лесу, среди маленьких лесных животных. Но там ему приходилось опасаться хищных зверей.

Везде Понимайка пел свои песни о счастливой земле. Тем, кто слышал эти песни, казалось, будто они сами побывали в тех светлых и мирных местах. «Отчего же и наша родина не может стать такой же прекрасной, как тот край, где побывал пастушок?»,— думали они. А пастушок шёл дальше, и старая верная коза Иммикки шагала вслед за ним.

Понимайка и сейчас ходит по дорогам своей родины. Он ищет тех, кто поверит ему, и зовёт их разрушать каменную стену, которая загородила путь в счастливую землю — Страну Доброй Воли. Пусть все тёмные леса и все медвежьи углы станут такой же светлой и счастливой землёй, как та, которая цветёт за каменной стеною!

И многие уже идут на его призыв, хотя он всех ещё и не знает. Но с каждым днём их становится всё больше и больше, и скоро их будет так много, что даже самые большие волки и медведи не справятся с ними.

Перевёл с финского **Л. Гоголь.**
Литературная редакция **Л. Воронковой.**

ЮНЫЕ СТРОИТЕЛИ. А. Гуревич, И. Юхно.

ШПАРГАЛКА.

В. Ладыженский.

Кастаньеты

Рассказ Иосифа Дика. Рисунки Ф. Лемкуля.

В этот весенний, солнечный денёк, когда на всех перекрёстках продавали мимозу и во всех скверах щебетали воробьи, ученик 7-го класса Саша Капустин шёл домой мрачнее тучи. Если бы он знал, что сегодня с ним случится такое несчастье, он бы и носа не показывал на улицу и в окно бы даже не смотрел. Пятнадцать минут тому назад он поссорился с Леной.

А как всё хорошо начиналось! Впервые он увидел её первого сентября в своём классе, но три четверти подряд не обращал на неё абсолютно никакого внимания. Девчонка как девчонка: косички торчат и ещё слегка заикается. А когда заикается, ресницами хлопает. Ещё считают, что хорошо знает алгебру. Вот и все приметы.

Но вот совсем недавно Саша попал на вечер школьной самодеятельности. В физкультурном зале было душно, жарко, но зато очень весело. Все мальчики и девочки из их класса шутили, смеялись. И Саша тоже попробовал острить. Один раз ему удалось вызвать смех у ребят, но во второй — он смеялся только один. Это обстоятельство его немножко огорчило, и он замолчал. А когда замолк, настроение почему-то испортилось. Он уж хотел было выйти из зала в коридор, но в этот момент была объявлена аргентинская народная песня, и на сцене вдруг появилась Лена. Она была в красном платье, и на руках у неё были блестящие браслеты. Саша замер от удивления. Вот чудо — Лена запела не то по-испански, не то по-итальянски! А потом она незаметно отплыла от рояля и, поводя над головой руками, пошла по сцене в танце.

— Ну и молодец Ленка! — восторженно прошептала рядом с Сашей Лилька — соседка Лены по парте.— Эх, жалко только, кастаньет не достала!

— А зачем они ей? — спросил Саша.

— Как зачем? Для огня! — ответила Лилька и посмотрела на Сашу так презрительно, будто он ничего не понимал в искусстве.

Но Саша очень хорошо разбирался в искусстве.

После вечера он подождал Лену, пока она оденется в раздевалке, и незаметно проводил её, окружённую подругами, до дому. Она шла в синей шапочке с помпоном и в

заячьей шубке, и Саше очень хотелось, чтобы все её приятельницы провалились сквозь землю.

На следующий день он начал с простого. Взял да и ответил алгебру на двойку.

— Непонятно, что с тобой произошло,— сказала Нина Алексеевна, занося отметку в журнал.— Ты ведь до сих пор разбирался в примерах. Подготовься, спрошу через день.

— Ладно, — ответил Саша, — подготовлюсь.

Но и через день Саша опять заработал двойку.

— Что это значит, Капустин? — удивлённо спросила Нина Алексеевна.— Может быть, тебе стоит с кем-нибудь позаниматься?

— Стоит, — ответил Саша и замер: «Кого назовёт?»

— Ну, тогда я считаю, что Лена должна взять над тобой шефство. Хорошо?

— А может быть, кого-нибудь из мальчишек? — для приличия отказался Саша.

— Что это за капризы? — строго сказала Нина Алексеевна.— Лена больше всех подходит. И, пожалуйста, с этого дня не отлынивай.

После уроков Лена сама попросила Сашу остаться в классе, и они сели вдвоём за парту. Саша долго ломал голову над примерами, но так их и не решил.

— Очки носишь, а не понимаешь простых вещей,— с укоризной сказала Лена.

«Опять эти очки!» — огорчённо вздохнул про себя Саша. И решил, что Лена дружить с ним, конечно, не будет. Он был худ, рыжеват, да и к тому же из-за очков его глаза казались вытаращенными.
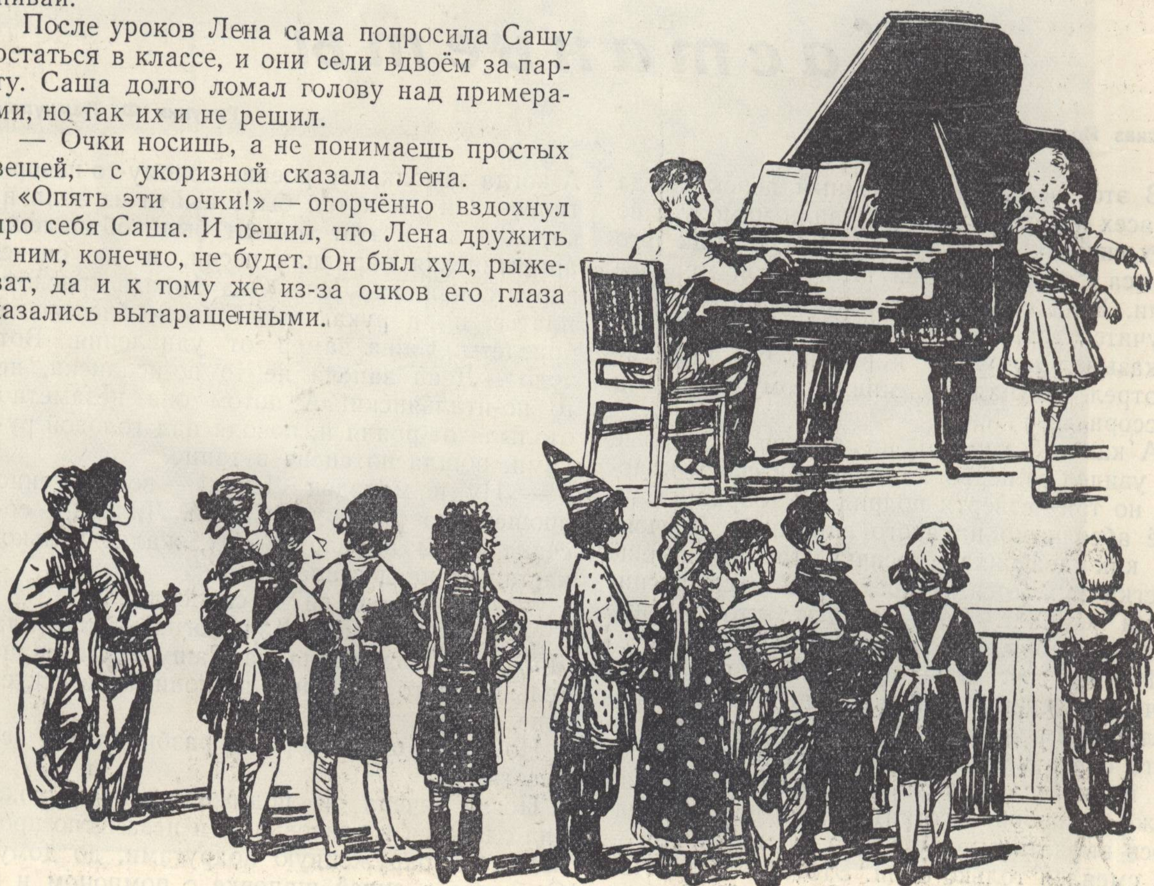
Потом они разговорились о вечере. И вскоре Саша признался, что незаметно после вечера провожал Лену домой.

Ну, а потом он решил помочь достать кастаньеты. Правда, это — дело нелёгкое, но он постарается, потому что он очень любит настоящее искусство.

У Саши почему-то запотели очки, и он, глядя на Лену, видел перед собой только расплывшееся лицо в розовом тумане. А снять очки он не мог. У него от дужки на носу была фиолетовая вмятина.

С этого дня они стали заниматься почти каждый день. А по воскресеньям ходили в кино на детские сеансы, на художественные выставки и на каток.

Эти дни для Саши были самыми счастливыми. Он мечтал о том, как они вдвоём с Леной окончат школу, поступят на биологический факультет и будут ездить в научные экспедиции. А в путешествиях придётся преодолевать трудности и опасности. И может быть, даже придётся спасать Леночку от диких зверей...

Но вот Саша пришёл сегодня к Лене и пригласил её к себе на день рождения. Он с трепетом ждал, что она откажется, но она, вдруг покраснев, сказала: «Хорошо!» — и быстро села за пианино. И вдруг Саша ляпнул:

— Я вас безумно люблю!

Это вышло совершенно непроизвольно. Саша даже сам не ожидал от себя такого.

— Почему ты так сказал? Как тебе не стыдно? — тихо спросила Лена и закрыла лицо руками.

В комнату каждую минуту могла войти мама Лены, которая была на кухне, и Саша, быстро схватив шапку, выбежал на улицу.

«Дурак! Дурак! Оскорбил! — думал он.— Начитался разных книжек!..»

Саша понимал, что теперь с Леной ему уже не заниматься алгеброй. Она его, конечно, презирает. Но как бы с ней опять помириться?

И вдруг его озарило: кастаньеты! Надо немедленно достать кастаньеты! Из-под земли, а достать! Ведь это её мечта!

Саша долго не раздумывал. Он сразу зашёл в магазин «Музыка».

Под стеклом на прилавке лежали кастаньеты, но не те. Это были оркестровые, двухпарные, похожие на деревянные ложки, а нужны были танцевальные, такие, чтобы умещались в кулаке. Продавец сказал, что концертные кастаньеты продали три года тому назад и сейчас их больше не выпускают. Где достать, неизвестно.

В отчаянии Саша вышел из магазина. Последняя надежда исчезла. Но неужели во всей Москве нельзя достать кастаньет — таких маленьких и невзрачных, но очень и очень нужных?! И тут он вспомнил, что у них есть один знакомый, дядя Митя. Он работает настройщиком роялей. И, кажется, в музыкальной мастерской на Ярославском шоссе.

Саша поехал туда.

По узенькой комнате ходил со скрипкой в руках маленький человек с выпученными глазами. Это был директор. На скучных фанерных стенах висели гитары, балалайки, баяны. В углу, будто поставленный за провинность, торчал без струн контрабас.

— Здравствуйте,— тихо сказал Саша.— Скажите, а дядя Митя здесь?

— Какой дядя Митя? — уставился директор. — Катков? Он давно уже у нас не работает.

— А где он теперь?

— Не знаю. А что случилось?

— Да я так пришёл, навестить,— ответил Саша, не зная, уходить ли ему отсюда или спросить о кастаньетах. И он громко вздохнул:

— Эх, жалко!..

— Кого?

— Да вот кастаньеты нигде не могу достать.

— Кастаньеты? А вам сколько штук надо? — Голос у директора стал деловым, и все инструменты, будто недовольные его тоном, глухо загудели.— А наряд у вас выписан? Деньги надо будет переводить на текущий счёт.

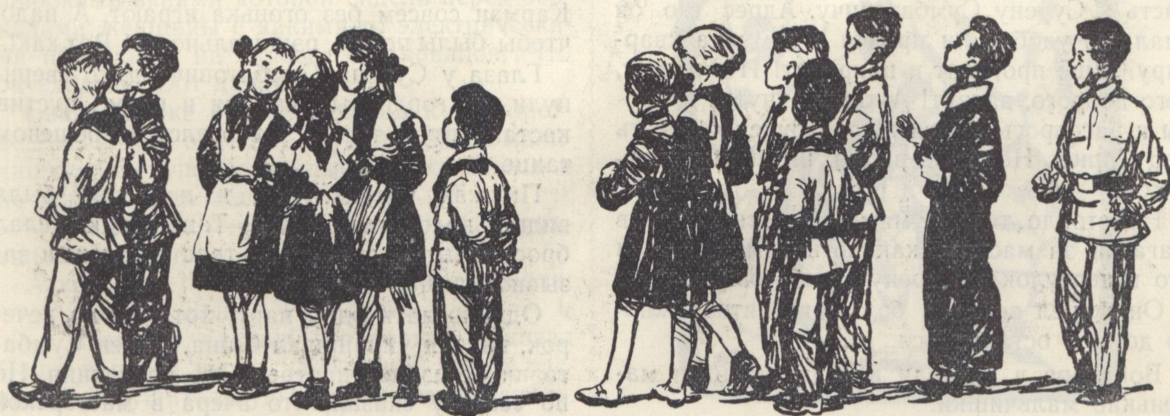
— Мне бы всего две штучки,— неуверенно промолвил Саша.— Для... хореографического кружка.

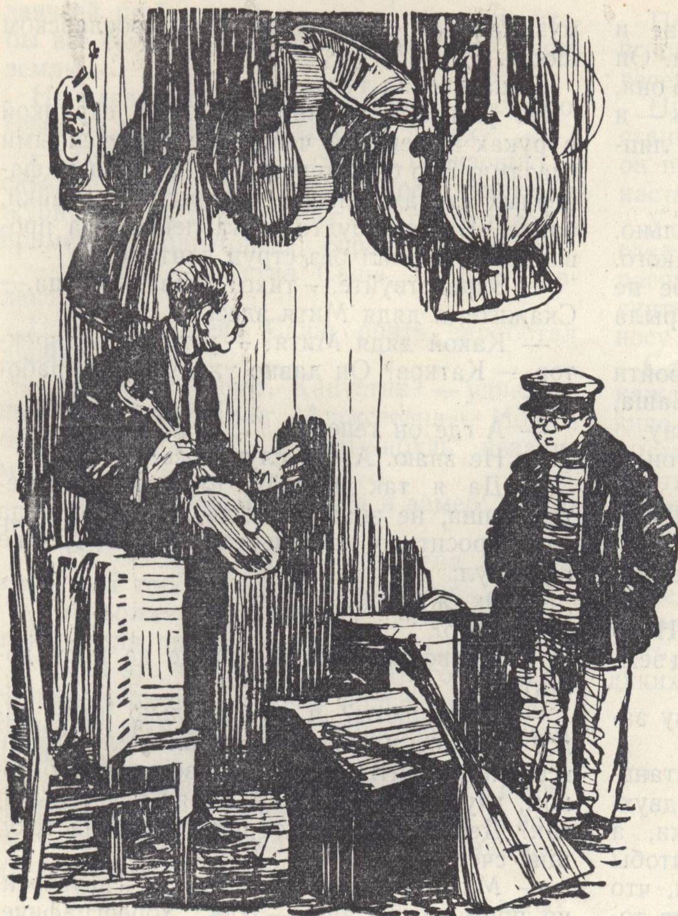
— Хорошо. Принесите из школы официальный запрос.

Когда Саша уходил, в тёмном коридорчике его остановил какой-то человек, весь осыпанный опилками.

— Мальчик, — сказал он, — я всё слышал через стенку, а тебе литавры не нужны?

— Нет.

— Ну, смотри! — вздохнул мастер.— А то они у меня тут валяются. А насчёт кастаньет, так это надо в Большой театр, к танцмейстеру Сурену Сумбатовичу. У него их целая коллекция.

И тут же объяснил, как найти танцмейстера.

Саша занимался во вторую смену и всё утро, сидя дома, думал о том, как ему попасть к Сурену Сумбатовичу. Адрес его он знал, но удобно ли придти к нему на квартиру? Ещё прогонит и накричит! И в школу, чего доброго, заявит! А там начнутся вопросы и расспросы, и вся школа будет хохотать над Сашей. Нет, так, видно, ничего не получится.

Но стоило только маме послать Сашу в магазин за маслом, как ноги сами понесли его в переулок к Сурену Сумбатовичу.

Он вошёл во двор большого пятиэтажного дома и остановился.

Во дворе в чехарду играли какие-то маленькие мальчишки.

— Эй, ребята! — подойдя к ним, спросил Саша. — А где тут живёт Сурен Сумбатович?

— А для чего он вам? — отозвался маленький черноглазый мальчуган.

— Нужен.

— Очень?

— Очень!

— Ну, пойдёмте, я вас провожу. Папа, наверно, уже проснулся.

Вот так встреча — попал на сына! Саша готов был удрать за ворота, но, решив, что тогда ребята могут подумать, что он какой-нибудь шпион, двинулся за сыном танцмейстера.

Его встретил черноволосый человек с синими, небритыми щеками. Он был запахнут в серый длиннополый пиджак с поднятым воротником, надетый прямо на голое тело.

Саша сбивчиво рассказал ему о своих поисках.

— А вы тоже танцуете?— поинтересовался Сурен Сумбатович.

— Нет, это нужно для бала.

Танцмейстер завёл Сашу на кухню — в комнате ещё спали, — а сам, шлёпая туфлями, побежал к себе. Вернулся он, неся в полах пиджака штук двадцать кастаньет, притворил дверь и с шумом высыпал их на подоконник.

— Вот эты, бэлые,— из слоновой косты,— заговорил он с акцентом,— а эты — из самшыта. А вот эты мнэ подарыл испанский танцовщик Хозэ-Марыя-Хуан дэл Чэлэныто. Бог, а нэ танцор!

Сурен Сумбатович взял пару и надел на большие пальцы рук.

— А мэжду прочим,— сказал он,— наши артысты не умэют ыми пользоваться. Вот Кармэн совсем без огонька играют. А надо, чтобы былы порыв, рэшительность! Вот как!..

Глаза у Сурена Сумбатовича дико сверкнули, он гордо выпрямился и вдруг, пустив кастаньетную трель, завертелся в бешеном танце.

Пиджак распахнулся, из-под него была видна волосатая грудь. Танцовщик делал броски, выпады, манерно тряс плечами и зазывно улыбался.

Однако дать одну пару, хотя бы на вечерок, как ни упрашивал Саша, Сурен Сумбатович отказался наотрез. Это коллекция. Но по секрету сказал, что вчера в мастерской

на Ярославском шоссе он испытывал десять опытных кастаньет, надо туда пойти...

— Я уже там был,— вздохнув, ответил Саша.— Не дают.

— Для школы должны дать!

— А мне для... знакомой,— признался Саша.

— Ах, вот оно в чём дэло! — улыбнулся танцовщик.— Тэпэр понятно, почэму вы у мэня с утра...

Саша снял очки и стал их протирать.

Сурен Сумбатович зашёл в комнату и написал записку в мастерскую...

Наконец-то! Наконец-то! Кастаньеты Саше вручал сам директор. И бесплатно! Об этом, оказывается, позаботился Сурен Сумбатович.

— Танцуйте!—улыбаясь, сказал директор, и вокруг него на стенах радостно загудели инструменты.— Если бы не ваши умоляющие глаза, ни за что бы не дал.

И впрямь Саше хотелось танцевать! Добился!

Выйдя на улицу, Саша нацепил кастаньеты на большие пальцы и радостно потряс ими в воздухе. Ему захотелось немедленно пойти к Лене и тут же передать ей этот дорогой подарок.

Вдруг Саше почему-то стало очень грустно. Он ещё не понимал, отчего у него испортилось настроение, но уже догадывался, что делает что-то не то. Он оскорбил Лену, а теперь, значит, этим подарком хочет её задобрить?

Саша сжал кастаньеты в кулаке так, что они заскрипели, и, подойдя к первому встречному мальчишке, молча сунул их ему в руку.

Мальчишка ошалело посмотрел на Сашу и бросился в ближайшую подворотню.

«Ну и пусть!» — подумал Саша и, не оглядываясь, зашагал вдоль тротуара. Он прошёл продовольственный магазин, аптеку и вдруг около дамской парикмахерской, за широкими окнами которой сидели перед зеркалами женщины с какими-то электрическими проводами на голове, остановился. Что он сделал?! Вот дурак!..

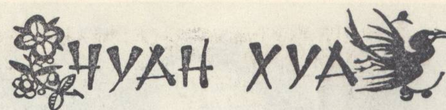
Саша тут же бросился назад к подворотне... и... — уф, отлегло! — увидел здесь мальчишку. Он тупо разглядывал кастаньеты и не догадывался ими щёлкнуть.

— Дай сюда! — сказал Саша.— Не умеешь пользоваться, не бери!..

А когда он пришёл домой, мама сказала:

— Звонила Лена... Ты алгебру сделал?

— Сделал, сделал! — радостно сказал Саша и перед носом удивлённой мамы рассыпал оглушительную кастаньетную дробь.

Новый год в Китае — самый любимый и радостный праздник; празднуют его ранней весной, перед весенним севом. По древнему обычаю к Новому году китайцы украшают свои жилища специально приготовленными к этому времени нянь хуа, мейхуа и чуан хуа. Нянь хуа — это праздничные картины-лубки. Мейхуа —это нежные бледнорозовые цветы; на юге Китая они распускаются как раз ко времени праздника, а на севере их тщательно выращивают в комнате. Чуан хуа — это узоры, вырезанные из бумаги; вы видите их на обложке журнала и на этой странице. Чуан хуа в переводе на русский язык значит «оконные цветы», ими украшают к Новому году окна. Окна своих домов китайцы обычно не застекляют, а затягивают белой тонкой бумагой. На эту бумагу и наклеиваются разноцветные чуан хуа.

Они очень разнообразны и часто сложны по рисунку. Они изображают трудовой народ и героев древних легенд, праздничные шествия и цветы, зверей и сказочные чудища.

Художественные вырезки из бумаги иногда преподносят в подарок, тогда они получают особый смысл: это добрые пожелания.

По преданию, рыба карп, поднимаясь вверх по течению Хуанхэ, превращается в мудрого дракона, поэтому изображение карпа дарят тем, кому желают успеха в ученье.

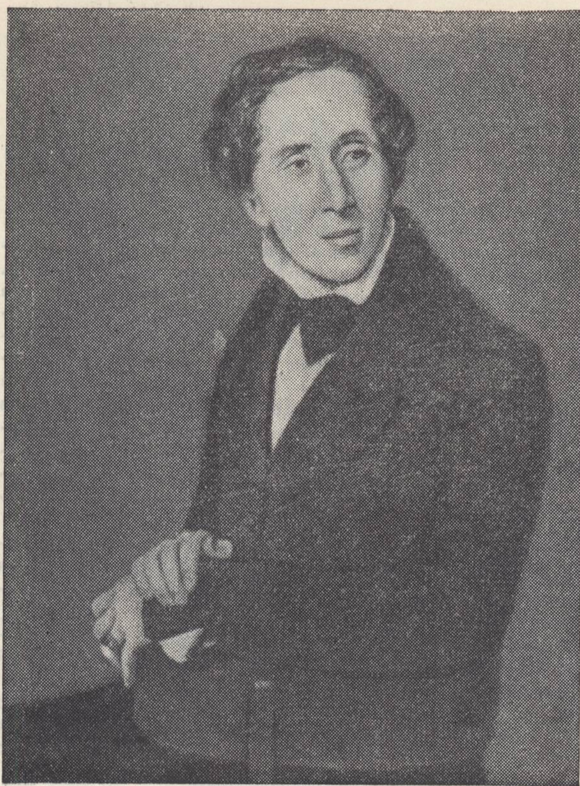
А рисунок летучей мыши означает пожелание счастья. Это связано с особенностями китайской письменности. В Китае письменность иероглифическая: каждое понятие, каждый предмет изображается особым значком. Некоторые из этих значков — совсем разные по смыслу — называются одинаково. Иероглиф счастья — «фу», и иероглиф летучей мыши тоже произносится «фу». Поэтому изображение летучей мыши принято считать пожеланием счастья.

Чуан хуа вырезают ножницами или небольшими ножичками по предварительно сделанному рисунку.

Китайские ребята увлекаются этим искусством. Попробуйте и вы вырезать чуан хуа. Начните с самых несложных узоров, а потом, когда научитесь хорошо и аккуратно вырезать, попробуйте, увеличив, воспроизвести рисунки, которые мы даём в этом номере журнала, и вырежьте их.

Н. Николаева

Ганс Христиан Андерсен.

Великий сказочник

Е. Русакова

Ты идёшь по улице, где всё знакомо и привычно, и вдруг тебе кажется, что сегодня ты идёшь по ней первый раз: всё будто бы изменилось вокруг.

Вот стоит берёза за оградой сада. Ствол у неё так и светится, а на тоненьких ветках нежные, только что родившиеся листочки. Кажется, дунь на них — и улетят они, как зелёные мотыльки.

Ты смотришь на другую сторону и видишь подъёмный кран. Дом строится уже не первый день, и кран здесь тоже давно. Но сегодня он похож на гигантскую птицу с длинной-предлинной шеей. Нагнёт железную голову птица, клюнет, схватит каменный брус, поднимет его и бережно опустит рядом с другими, на самом верхнем этаже.

Небо опоясывает белый мягкий эллипс: это где-то очень высоко летит самолёт, оставляя за собой след. Ты смотришь вверх, и тебе кажется, что это ты сам стремительно несёшься в беспредельном пространстве и видишь сразу всю землю.

Эти удивительные минуты, когда всё кажется необычным, словно волшебная палочка изменила и вещи, и людей, и всё вокруг, бывают у каждого человека, но есть люди, которые всегда умеют видеть необычное в обычном, удивительное в простом и будничном, прекрасное и поэтическое даже в самом незаметном. Так видел жизнь замечательный датский писатель Ганс Христиан Андерсен.

Жил он очень давно: сто пятьдесят лет прошло с тех пор, как он родился, и восемьдесят — с тех пор, как он умер. Он написал много книг, стихов, романов, пьес. Но лучшее, что он создал,— это его сказки, которые он умел подсмотреть в простой, повседневной жизни.

— Из действительности вырастают самые чудесные сказки,— говорил он, внимательными, добрыми глазами всматриваясь в окружающее.

И тотчас всё вокруг начинало рассказывать ему свои истории: старая сломанная игла для штопки, и черепок цветочного горшка, и детская игрушка. Куст бузины вырастал из носика пузатого чайника, в груди оловянного солдатика начинало биться верное и преданное сердце, старый фонарь и селёдочная голова заводили друг с другом интересный разговор, а Оле-Лук-ойе раскрывал свой волшебный зонтик над спящими детьми.

Ты, наверное, знаешь сказку «Снежная королева». Ты помнишь, конечно, мальчика Кая.

Вот сидит он, бледный и печальный, в огромном зале ледяного дворца, где каждый звук отдаётся звенящим эхом. Сидит и складывает буквы из ледяных пластинок. Он уже давно здесь, но не может вспомнить слово, которое нужно сложить, чтобы освободиться от чар. Осколок волшебного злого зеркала попал ему в сердце, и сердце превратилось в кусок льда. Ничто не радует Кая: осколок зеркала попал ему и в глаз и мешает видеть доброе и прекрасное в жизни.

Так бы и остался Кай в плену у Снежной королевы, если бы не маленькая Герда. Босая, в стареньком платьице, обошла она полсвета. Сквозь метель и бурю пробилась в замок королевы, горячей слезой растопила ледяное сердце Кая, и он вновь стал прежним Каем — добрым, милым и весёлым.

Кажется сначала, что в этой сказке всё — фантазия. Но подумаешь над ней — и увидишь, что сквозь фантазию всюду пробивается настоящая, подлинная жизнь. Конечно, нет на свете Снежной королевы, не летают по воздуху осколки волшебного зеркала, вероятно, не существовало и Кая, но были во времена Андерсена злые, холодные люди, которые во всём видели только дурное. Есть такие люди и сейчас. А Герда? Герде Андерсен дал настоящее, большое, человеческое сердце, наделил её мужеством и смелостью, способностью горячо, самоотверженно любить. А ведь это черты, которые жили и будут всегда жить в лучших людях прошлого, настоящего и будущего. Доброе и прекрасное всегда одерживает победу над злым и тёмным — вот главная мысль сказки «Снежная королева».

Эта же мысль звучит, как песенка, и в другой сказке. Ты, конечно, её помнишь: это «Дюймовочка». Много пришлось пережить Дюймовочке, прежде чем нашла она счастье в стране эльфов. Она еле спаслась от злой, скользкой жабы, едва не замёрзла зимой, бродя между стеблями сжатой ржи, чуть было не осталась навсегда в подземелье старого жадного крота, который ненавидел солнце. Дюймовочка — такая крохотная, такая хрупкая и беззащитная — не покорилась тёмному царству жаб и кротов, ибо у неё было такое же доброе и мужественное сердце, как и у Герды.

А вот ещё одна сказка. Представь себе птичий двор, самый обыкновенный птичий двор, где расхаживают огненные петухи с сине-зелёными хвостами, гордо выступают индюки, хлопотливо роются в песке куры.

Сюда привела свой первый выводок и молодая утка. Все её утята очень милы: круглые, жёлтые, пушистые. Только один не похож на них. У него длинная-предлинная шея, чёрные голенастые ноги, и весь-то он серого, грязного цвета.

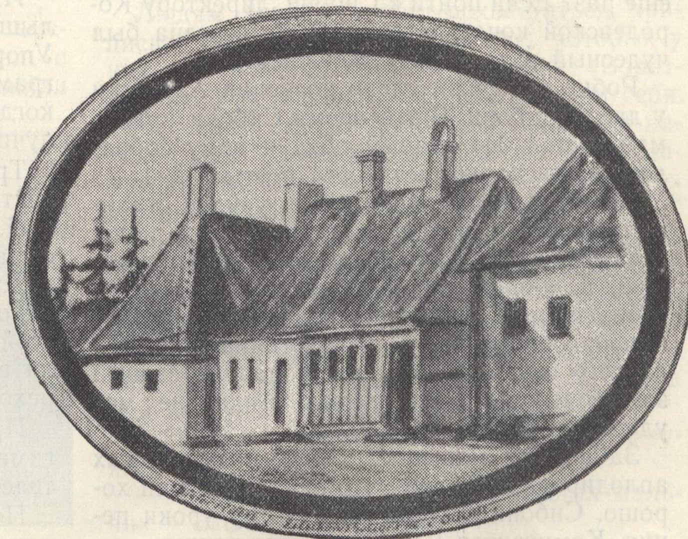
— Какой гадкий утёнок! — кричат птицы, и каждая норовит клюнуть его или ударить крылом.

Ты, конечно, узнаёшь героя сказки «Гадкий утёнок». Ты помнишь, что, несмотря на все унижения и горести, он превратился в прекрасного белого лебедя. История эта очень похожа на историю жизни самого Андерсена. Многое пришлось ему выстрадать, многое преодолеть, прежде чем он стал знаменитым писателем.

Он был сыном бедняка-сапожника, а сыну сапожника очень трудно было, как говорилось тогда, «выйти в люди». С самого детства Андерсен мечтал стать артистом и поэтом. Желание это было так сильно, что робкий и застенчивый мальчик уговорил мать отпустить его в столицу Дании Копенгаген: Ганс был уверен, что его обязательно примут на сцену Королевского театра. Было ему тогда четырнадцать лет.

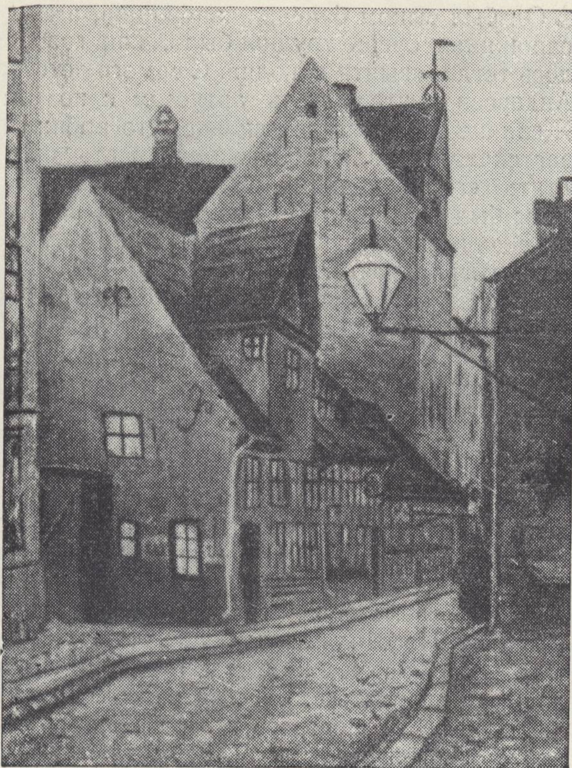
И вот 6 сентября 1819 года, с маленьким узелком в руках, с несколькими серебряными монетами в кармане, в огромных скрипучих сапогах и широкой шляпе, то и дело спускавшейся ему на нос, Ганс прибыл из родного городка Оденсе в большой, шумный Копенгаген. Мальчик никого не знал, ему негде было жить, но крепкая вера в своё призвание поддерживала его. Он, не колеблясь, пошёл к артистке Шаль — знаменитой танцовщице того времени. Ганс не сомневался, что она, испытав его, поможет ему поступить на сцену. Но Шаль сочла бедного, плохо одетого мальчика за сумасшедшего и постаралась выпроводить его. Тогда он обратился к директору Королевского театра Гольштейну, но тот сказал ему, что актёром может быть только человек образованный.

Отчаяние охватило Ганса: что делать теперь? Деньги почти иссякли, надежды рухнули. Может быть, умереть, может быть, вернуться домой?

Домик, в котором провёл своё детство Андерсен.

Печально бродил он по улицам Копенгагена, никому не нужный, одинокий. И вдруг у него мелькнула мысль: а если попытаться

Так выглядела одна из улиц Копенгагена в то время, когда Андерсен впервые приехал туда.

ещё раз? Если пойти к Сибони, директору Королевской консерватории? У Андерсена был чудесный голос, звонкий и чистый.

Робко и нерешительно позвонил Андерсен у двери Сибони. В это время Сибони принимал гостей. На званый обед к нему собрались артисты, композиторы, поэты.

Дверь открыла экономка и, увидев странного посетителя, спросила, что ему надо. Мальчик в отчаянии поведал ей свою историю, и добрая женщина рассказала о нём собравшимся. Андерсена позвали в комнату и попросили спеть и продекламировать. Он до того был взволнован и подавлен своими злоключениями, что, читая стихи, не мог удержать слёз.

Забавному мальчику в огромных сапогах аплодировали, потому что пел и читал он хорошо. Сибони обещал давать ему уроки пения. Композитор Вейзе и другие решили выплачивать ему ежемесячно небольшую сумму денег.

Андерсен был счастлив. Он был юн, жизнерадостен, верил в то, что все желают ему добра. А на самом деле жилось ему трудно.

Женщина, у которой он снимал чулан, забирала все его деньги. Одежда его износилась, на уроки он бегал в худых сапогах.

И случилась страшная беда: он простудился, и у него пропал голос. С мечтою о том, чтобы стать певцом, было покончено. Юноше пришлось переехать на другую квартиру, к бедной вдове шкипера, где он получал только чашку кофе по утрам, а на обед покупал себе крохотную сухую булочку.

Но и теперь Андерсен не терял бодрости, надежды на лучшее, веры в своё призвание. Он ухитрялся доставать книги, много читал и даже написал несколько трагедий. Одну из них — «Разбойники в Виссенберге» — он послал в дирекцию Королевского театра.

Потянулись дни ожидания, и наконец через шесть недель Андерсен получил толстый пакет; в нём лежала его рукопись и письмо, в котором говорилось, что ввиду полной безграмотности автора дирекция просит его больше не присылать своих рукописей. Вновь юноша почувствовал себя выброшенным за борт и вновь сказал себе: я добьюсь своего!

Он написал новую трагедию — «Альфсоль». На этот раз трагедия попала прямо к директору — умному и просвещённому человеку Ионасу Коллину. Он заметил в трагедии Андерсена «блещущие в ней искорки истинного таланта» и сделал для юноши то, что было всего нужнее: выхлопотал ежегодную стипендию и разрешение бесплатно учиться в гимназии города Слагельсэ.

И вот Андерсен сел за парту рядом с малышами. А ему уже было восемнадцать лет. Упорно и настойчиво постигал он тайны грамматики, географии, физики, яснее, чем когда-либо, понимая, что без знаний не получится из него писателя.

Трудно начинать учение так поздно. Директора гимназии раздражал великовозрастный ученик. Насмешки, придирки, наказания сыпались на Ганса. Не раз отчаяние охватывало его, не раз приходила мысль: не лучше ли оставить всё это? Но мужество и настойчивое желание добиться цели всегда брали верх. Андерсен продолжал учиться и переходил из класса в класс.

Прошли годы. Андерсен окончил не только гимназию, но и университет. И он стал писателем.

Повесть «Путешествие пешком от Гольменского канала до острова Амагера» была первой его книгой. Его весёлую одноактную пьесу «Любовь на Николаевой башне, или Что говорит партер» приняли на сцену театра.

Андерсен был счастлив. Он искренне радовался успеху. Но зависть и непонимание преследовали поэта. Пошли разговоры: «Андерсен тщеславен, Андерсен зазнаётся. Сын башмачника лезет в поэты!»

Однажды Андерсена пригласил на обед один из мелких датских поэтов, который к тому же был важным сановником. За обедом он похвалился, что его просили сотрудничать в одном альманахе.

— Они просили и меня,— сказал Андерсен.

— Так в этом альманахе будут участвовать все и каждый?! — надменно сказал сановник.— В таком случае им придётся обойтись без меня!

Одно за другим выходили из-под пера Андерсена новые произведения, рос его талант. Роман «Импровизатор» прочитали и оценили не только в Дании, но и за её пределами, а критика отнеслась к нему, как и к ранее вышедшим произведениям, холодно.

Такая же участь постигла два следующих романа: «О. Т.» и «Только скрипач».

Гейне, Диккенс, Лист, Мендельсон восхищались талантом Андерсена, тысячи людей в разных странах уже видели в нём прекрасного лебедя, а датская критика всё твердила: «Гадкий утёнок».

Обидно и горько было Андерсену, тяжёлая тоска охватывала его временами, но он писал, он работал. Нежные и грустные, как ландыш под зелёным листом, светлые и чистые, как горный ручей, весёлые и едкие, как искры с дымком, одна за другой рождались его чудесные сказки.

Они не стареют. Ведь мужество и смелость, любовь, дружба, верность, печаль и горе появились на земле очень давно; жили

Андерсен много путешествовал. Здесь вы видите вещи, которые он брал с собой, — они хранятся в музее Андерсена в Оденсе.

они во времена Андерсена, живут и сейчас. А ведь о них и писал в своих сказках поэт.

Не стареют сказки Андерсена ещё и потому, что в них высмеяны жадность и спесь, тупость и наглость, хвастливость и чванство,

Листок из дневника Андерсена с его рисунком.

которые родились тоже очень давно и существуют пока и в наши дни. Есть на свете люди, у которых нет ни ума, ни знаний, а ходят они надутые, важные, и все почитают их. А потом найдётся человек, который скажет: «А король-то голый!» И вспомнят люди сказку «Новое платье короля» и уже совсем подругому посмотрят на зазнайку.

Про изнеженных, не приспособленных к жизни людей у нас часто говорят: «Принцесса на горошине». А ведь это выражение тоже пошло от Андерсена, от его сказки, которая так и называется: «Принцесса на горошине».

Людям, которые любят похвастаться, приписать себе заслуги и доблести, которых у них нет, полезно прочитать сказку «Воротничок». Как в зеркале, увидят они там себя.

Чудесные сказки Андерсена покорили наконец всех. Дания стала гордиться своим замечательным сыном. Все от мала до велика знали и любили своего писателя.

Однажды в Копенгагене он проходил по улице. По противоположной стороне шла женщина с сынишкой. Увидя Андерсена, мальчик вырвал свою руку из руки матери и перебежал улицу, чтобы поздороваться с ним. Мать не разглядела, кто это, и, когда сын вернулся, сказала с укоризной:

— Как не стыдно тебе заговаривать с чужими!

— Совсем он и не чужой,— ответил мальчик.— Это наш Андерсен.

Семьдесят лет было поэту, когда он умер. Но, как он говорил, «песенка никогда не кончается, вот что самое чудесное!»

Каждый день кто-нибудь да прочтёт сказку Андерсена, улыбнётся, порадуется, погрустит вместе с ним, а потом долго будет думать о милых, мужественных и благородных героях его сказок.

ТАМ, ГДЕ ЗИМУЮТ ПТИЦЫ

РАССКАЗ

Г. Скребицкий

Рисунки В. Константинова.

В декабре я задумал поехать в заповедник на южном берегу Каспия, где зимуют наши птицы.

Когда я выехал из Москвы, уже была настоящая зима. Я глядел из окна вагона на белые, запорошённые снегом поля и леса, на замёрзшие реки, и мне не верилось, что через несколько дней я увижу свежую зелень листвы и весело плещущуюся под солнцем воду.

Через два дня пути, под Грозным, показалась незаснеженная земля, а ещё через день я приехал в Баку. Тут зимы как не бывало. Вечнозелёные растения были покрыты густой листвой, и ослепительно блестело море. Вечером я снова сел в поезд, идущий в Ленкорань, и рано утром уже подъезжал к месту своего назначения — к Порту Ильича, небольшому посёлку на берегу моря. Как только я вышел из вагона, меня встретил сотрудник заповедника препаратор Серёжа. Мы дошли с ним до пристани, сели в рыболовецкий катер и поплыли к видневшемуся вдали полуострову.

Кулики-шилоклювки.

Наш катер пересекал узкую горловину залива. Меня поразила необыкновенно спокойная гладь воды.

Вдали на воде чёрными точками виднелись стаи птиц, вероятно, уток. Я достал из сумки бинокль, взглянул и не поверил своим глазам: да это вовсе не утки, а кулики. Они спокойно расхаживали по заливу по колено в воде.

— В заливе воды почти совсем не осталось,— пояснил Серёжа.— Для катера пришлось прорыть фарватер.

Теперь я понял, почему вода в заливе не волновалась: там и волноваться-то нечему было — один ил да песок и только сверху тонкая плёнка воды.

Мы подплыли к полуострову. У берега нас ждал грузовик, и через четверть часа мы уже были в усадьбе заповедника.

Мне хотелось, не теряя времени, в этот же день отправиться в самый заповедник, который находится километрах в двадцати отсюда. Поэтому я разобрал свои вещи, наскоро закусил и, сев в машину, снова тронулся в путь.

Улит.

Мы ехали на север. Полуостров становился всё шире и шире. Справа от дороги бесконечной серой гладью лежало мелководное море, а слева расстилалась ровная, голая степь. Небо стало хмуриться. Над землёй ползли низкие облака, и в свете этого сумрачного дня окружающий пейзаж казался необыкновенно унылым.

Так мы проехали километров около пятидесяти и подъехали к низине, залитой водой. Дальше невозможно было ехать. Пришлось запереть машину и оставить её тут же, на дороге, а самим идти пешком километра три до ближайшего кордона — небольшой сторожки.

В кордоне нас встретил наблюдатель Володя. Видя моё нетерпение, он предложил мне сейчас же пойти осмотреть охраняемый им участок.

Мы дошли до узкого протока, где стоял моторный бот, завели мотор и поплыли. Вскоре проток стал расширяться, и через несколько минут наш катер вышел в широкий морской залив. Наконец-то я добрался до настоящей птичьей зимовки! Я вышел на берег и невольно залюбовался. Вся поверхность залива была покрыта птицами. Больше всего было уток. Стаи уток темнели тут и там на воде, носились над заливом и, отлетев недалеко, вновь садились на воду.

У берега, на самом мелководье, бегали тысячи разнообразных куликов. Особенно заинтересовали меня пёстрые, белые с чёрным шилоклювки. Длинный клюв у этих куликов загнут кверху; такая форма клюва помогает этим птицам добывать себе корм. Они бродили по мелководью, опустив вниз голову, и, словно изогнутым прутиком, разгребали клювом мягкий ил, добывая из него какую-то еду.

Далеко от берега на песчаных косах сидели пеликаны. А что это розовеет там вдали? Я поглядел в бинокль на эту розовую массу и, к своему изумлению, увидел, что это огромная стая розовых птиц — фламинго с длинными шеями и длинными, как у цапли, ногами. Все они толпились на одном месте и, опустив голову к воде, искали на дне еду.

Неожиданно где-то вдали прогремел выстрел, и в тот же миг все птицы подняли вверх головы и замахали большими чёрными крыльями. Неподвижное розовое пятно сразу же превратилось в пёструю чёрно-розовую ленту. Плавно извиваясь, она заколыхалась над самой водой. С громким гоготаньем фламинго отлетели на несколько десятков метров и вновь опустились на мелководье.

Больше всего было уток.

Птицы сложили свои яркочёрные на концах крылья, и снова вся стая стала нежнорозовой и неподвижной, издали похожей на освещённую солнцем груду песка.

— Как бы нам подплыть к ним поближе? — попросил я Володю.

— Не торопитесь,— спокойно ответил он.— Увидите ещё их и даже в руках подержите.

— То есть как это в руках? — не понял я.— Не нужно стрелять. Я только их поглядеть хочу.

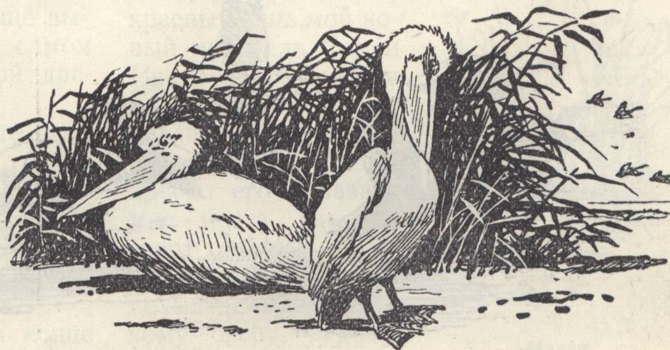
— А мы живых поймаем, окольцуем и выпустим.

Володя отправился к небольшой землянке неподалёку от нас и вытащил оттуда два мешка. В одном мешке были мотки шнура, а в другом — деревянные колышки.

Положив мешки в ботник, мы поплыли к отмелям, где кормились фламинго.

При нашем приближении птицы улетели, но это ничуть не огорчило моего спутника.

— Фламинго всегда на одних и тех же местах кормятся,— сказал он.— Завтра утром опять сюда прилетят.

На песчаных косах сидели пеликаны.

Нежнорозовые фламинго искали на дне еду.

Добравшись до отмели, мы принялись за устройство очень несложной ловушки: втыкали покрепче в дно залива колышки и привязывали к ним шнур так, что он свободно повисал в воде. А чтобы, намокнув, шнур не опустился на дно, мы прикрепили к нему поплавки из сухого тростника. Вскоре вся отмель была опутана сетью из наших шнуров.

— Ну вот всё и готово,— сказал Володя.— Завтра будем кольцевать.

Мне захотелось поглядеть, как попадутся фламинго в нашу ловушку, и я остался ночевать на отмели.

Вокруг меня были миллионы птиц, прилетевших сюда на зимовку со всех концов нашей необъятной страны. Всю ночь залив ни на секунду не умолкал: то тут, то там слышалось кряканье, гоготанье, писк. Потом в воздухе раздавался свист крыльев, и в темноте над заливом проносилась птичья стая, и снова всё успокаивалось, только изредка перекликались чутко дремавшие птицы.

Наконец стало светать. И тут я увидел такое, чего не забуду всю жизнь: из степи на залив надвигалась тёмная туча. Это возвращалась с ночной кормёжки несметная масса гусей и уток. Шум крыльев, кряканье и гоготанье заглушили все остальные звуки. Птицы летели около получаса.

Выглянуло солнце. Подул ветерок. По заливу побежала мелкая рябь, будто в нём заплескались тысячи золотых рыбок.

На мгновение, как это часто бывает перед восходом солнца, умолкли голоса птиц, и среди наступившей тишины раздались громкие мелодичные звуки: как будто над морем нестройно запели охотничьи рога. Я взглянул на восток, туда, где вставало солнце. Над самой водой, лениво махая большими крыльями, летело шесть белых лебедей.

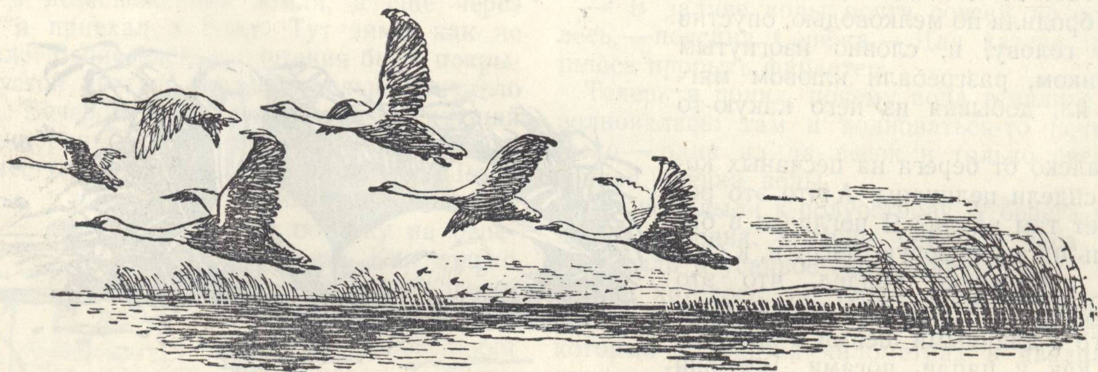
Я долго следил за полётом этих красивых птиц, пока они не скрылись в золотисто-синей морской дали.

Наблюдать за птицами было так интересно, что я даже забыл о цели своего пребывания на косе. Но мне напомнило об этом громкое гоготанье: это стая фламинго летела на своё обычное место кормёжки. Птицы подлетели к отмели и опустились на мелководье.

«А наши шнуры как будто растянуты правее. Неужели ничего не выйдет?» — со страхом подумал я.

Вдруг одна из птиц приподняла голову и неловко повела крылом, как будто ей что-то мешало. Потом она тревожно задвигалась, рванулась, пытаясь взлететь, и не смогла подняться в воздух. Фламинго забился на месте, но чем больше он вырывался из своих пут, тем больше запутывался.

Поведение попавшей в беду птицы мало обеспокоило других. Только самые ближние сначала заволновались, но, заметя, что вся стая продолжает кормиться, тоже успокоились. Наконец запутавшийся в шнурах фла-

Над самой водой, лениво махая большими крыльями, летело шесть белых лебедей.

Каравайка.

минго, видимо, устал и затих в какой-то странной позе, растопырив крылья и немного завалившись на бок.

Мне очень хотелось сейчас же распутать пленника. Но у меня не было ни лодки, ни кольца, чтобы окольцевать птицу. А главное, надо было подождать, не попадётся ли ещё кто-нибудь в нашу ловушку.

Ожидания оказались не напрасны. Не прошло и получаса, как в шнурах запутались ещё две птицы. Одна из них стала сильно биться, вырвалась и улетела. Перепуганная стая тоже поднялась в воздух, оставив на отмели двух запутавшихся фламинго.

Вскоре приплыл с кордона Володя. Я сел к нему в ботник, и мы подплыли к пойманным птицам. Их нелегко было освободить: так сильно они запутались. Наконец мы окольцевали их и выпустили.

Оказавшись на свободе, наши фламинго понеслись к своей стае, но, подлетев к ней, долго ещё не могли успокоиться и всё носились в воздухе, тревожно погогатывая.

— Ну что, нагляделись? — весело спросил меня Володя.

— Нагляделся,— отвечал я.— Какое множество у вас здесь всякой птицы!

— Да, птицы, можно сказать, миллион, куда ни погляди.— И Володя повёл рукой вокруг.— Только к весне почти все улетят.

— Но какие-нибудь птицы всё-таки останутся здесь?

— Конечно, останутся,— ответил Володя.— Мы здесь даже птенцов кольцуем. На болотах у нас небольшие деревца растут. На них всегда пропасть гнёзд бывает. И вот что интересно,— добавил он,— птицы живут там по этажам, как в высоком доме: внизу, на развилке ствола, обычно вьют свои гнёзда каравайки, повыше — колпицы, ещё выше — малые белые цапли, а уж на самом верху — бакланы. Каждая птица свой древесный этаж знает.

— А никто у вас здесь гнёзд не трогает? — спросил я.

— Очень даже трогает. Самый наш главный враг — вороны,— сказал Володя.— И яйца и птенцов таскают. А в прошлом году ещё один враг объявился.

— Кто же это?

— А вот послушайте. Было это в конце весны. Птенцы в гнёздах уже большие выросли, оперились, со дня на день вылетать начнут. И вдруг стали пропадать, да не по одному, а сразу целыми гнёздами. Ну, я и решил выследить грабителя. Было у меня шесть деревьев на примете. На трёх все гнёзда разбойник очистил, а на остальных ещё не успел. Засел я на ночь у нетронутых гнёзд. Сижу, а комары меня так и едят, так и едят, мочи нет никакой. Ни закурить, ни шевельнуться нельзя: боюсь, ну-ка «гостя» спугну. В сумерки птицы стали было на ночёвку в гнёздах устраиваться, да вдруг как загалдят, поднялись в воздух, кружатся над деревьями. Я, значит, ружьё на изготовку, затаился, гляжу во все глаза. А уже темновато, не разглядишь, что там в ветвях творится. Вижу только, будто какой-то зверь по сучьям лезет. Ну, думаю, держись, я тебя сейчас угощу! Прицелился — хлоп! Он мешком с дерева и свалился. Подбегаю: камышовый кот, здоровенный такой, с хорошую собаку будет. Еле дотащил его до кордона.— Володя покачал головой и усмехнулся: — Ох, и поели же меня тогда комары, до смерти не забуду! — закончил он.— Но зато больше никто по гнёздам не баловал. Все мои птицы чинно-благородно выросли да и разлетелись кому куда полагается.

Колпица.

* * *

На обратном пути из заповедника я побывал в городе Ленкорани. Возле Ленкорани много рыбачьих посёлков. Я остановился у рыбаков и не раз вместе с ними выезжал осматривать сети.

Однажды в воскресный день мой новый приятель Семён Иванович повёз меня на своём ботнике по разливу одной из горных речек. Я попросил его показать мне места, где зимуют птицы.

Мы проплавали целый день по широкому озеру, вернее, по разливу, затопив-

Малая белая цапля.

Баклан.

шему низины на десятки километров вокруг. Трудно было представить, что летом, когда в горах растает снег, речки пересохнут и этот огромный водоём тоже высохнет и превратится в унылую плоскую равнину.

Но теперь на озере кипела жизнь. Несметное множество лысух шныряло у берегов среди полузатопленных кустов. Когда мы подплывали слишком близко, они начинали махать короткими крыльями и быстро перебирали по воде лапками, будто бежали по ней. Оторвавшись от воды, лысухи вытягивали лапы назад так, что они были похожи на хвост. На лету эти птицы напоминают тетеревей-косачей.

А вот и ещё временные обитатели южных мест. За много тысяч километров, из далёкой холодной тундры, прилетели они зимовать на берега Каспия. Я вынул из футляра бинокль и стал рассматривать стаю больших белых птиц, плавающих вдали от берега на самом разливе. Красивые и стройные, они плавали, высоко подняв головы на длинной, совершенно прямой шее. Среди снежно-белых взрослых птиц резко выделялись своим грязновато-серым оперением молодые. Это были лебеди-кликуны. Они были совершенно спокойны и, повидимому, не обращали на нас никакого внимания. Но когда мы подплыли к ним метров на сто, лебеди сразу насторожились; ещё секунда — птицы замахали огромными крыльями и, тяжело разбежавшись по воде, полетели над самым разливом куда-то вдаль.

Лебедей на разливе было очень много, но они не подпускали нас близко, и я не мог полюбоваться ими без бинокля.

— Да ты не огорчайся, мы их перехитрим! — утешил меня Семён Иванович.

Лысуха.

Но мне в это плохо верилось, тем более, что старичок повернул ботник по направлению к посёлку.

— Когда же, Семён Иванович, мы их перехитрим, если уже домой плывём? А завтра я уезжаю.

— Ничего, у нас ещё много времени,— ответил старик.

Однако мы скоро вернулись в рыбачий посёлок, так и не подобравшись к этим осторожным птицам.

Наступил вечер, и я, к своему изумлению, увидел, что Семён Иванович куда-то опять собирается.

— Как куда? — в свою очередь, удивился он.— Я же тебе обещал лебедей показать.

Я с любопытством стал следить за тем, что он делает. А он положил в ботник весло, шест, чтобы отталкиваться на мелких местах, потом принёс и приладил на носу ботника большой фонарь. С трёх сторон внутренность фонаря была обита белой жестью, как рефлектор для лучшего отражения света, а спереди вставлено стекло. Внутрь фонаря Семён Иванович поставил керосиновую лампу.

— Ну вот и готово, садись, поплывём.

Я сел, и мы снова отправились туда, где плавали сегодня днём. Но теперь мы плыли в сплошной темноте, фонаря Семён Иванович не зажёг.

— Не к чему зря керосин жечь,— ответил на мой вопрос старик,— и так доплывём.

Кругом шуршал прошлогодний сухой камыш. Иной раз ветви кустов хлестали по лицу, для предосторожности приходилось защищать глаза рукой. Но Семён Иванович в темноте чувствовал себя так же уверенно, как и днём.

Наконец наш ботник выбрался на чистую воду разлива.

— Вот теперь и засветим огонёк,— сказал Семён Иванович, доставая спички и зажигая фонарь.

И сразу всё переменилось — темнота кругом стала ещё гуще. Зато вода, кусты и камыш впереди нас осветились неярким желтоватым колеблющимся светом. Казалось, что мы находимся под каким-то чёрным колпаком, в котором спереди вырезано круглое отверстие, и в это отверстие мы видим всё, что находится перед нами.

Семён Иванович положил весло, взял в руки шест и, неслышно отталкиваясь им, повёл ботник вдоль берега. А впереди поплыло жёлтое пятно света, выхватывая из темноты то куст, то островок камыша, то затопленные верхушки осоки.

Вдруг перед нами, почти у самой лодки, зашевелилось что-то живое. Лысуха! Она спала здесь на мелководье. Очнувшись, птица никак не могла понять, что за необычайный свет на неё надвигается. Она вертела головой, но не трогалась с места, и только

когда мы чуть не наехали на неё, рванулась вперёд и, захлопав крыльями, исчезла в темноте.

Спереди и с боков тоже послышалось хлопанье крыльев, и тёмные силуэты бегущих и летящих птиц стали проноситься перед нашим ботником.

Одна из лысух с разлёту чуть не ударилась прямо в стекло фонаря. Она задела крылом мою руку и, очевидно, потеряв равновесие, тут же шлёпнулась в воду.

— Надо дальше от берега отплывать,— сказал Семён Иванович,— а то эти черти такой шум подымут, всё дело испортят.

— Неужели мы и к лебедям подплывём так же близко? — спросил я.

— Конечно, лебедь ночью смирно сидит, хоть рукой бери. Зато днём это птица строгая, аккуратная, от человека подальше хоронится.— Старичок помолчал и вдруг добавил: — А вот убей одного, пара его так и будет около этого места кружиться. Покружится день — другой, а как уверится, что друга милого нет, сама на охотника летит: убей, мол, и меня.

— Ну, дедушка, это уж сказки,— ответил я.— Ни одна птица сама к охотнику не полетит.

— Не веришь? — сердито спросил дед.— Ничего вы нам, старикам, не верите.— И Семён Иванович обиженно умолк.

На открытой воде лысух не было, и мне даже стало жалко, что мы отъехали от берега: уж очень занятно было смотреть на ночной птичий переполох.

Но вот впереди темнеют какие-то неподвижные комочки. Мы подплываем ближе. Комочки оживают и с громким кряканьем, хлопая крыльями, исчезают в темноте. Значит, мы заехали в табун спящих уток.

«Эх, если бы было с собой ружьё!» — подумал я. И будто отвечая на мои мысли, Семён Иванович сказал:

— Раньше так с фонарём и охотились. Сколько птицы уничтожали — не сочтёшь! А теперь это строго воспрещено.

Наконец мы выбрались из табуна уток и снова поплыли по безмолвному, будто застывшему озеру.

Мы плыли так около получаса. Птиц больше не попадалось, и я совсем приуныл.

И вдруг невдалеке от нас в неярком свете фонаря стали вырисовываться неподвижные белые силуэты, как будто на чёрную гладь воды кто-то набросал огромные комья ваты.

Ботник неслышно подвигался вперёд, и в следующий миг я уже ясно увидел, что это лебеди. Большие белые птицы спокойно спали на воде, спрятав под крыло длинные шеи и головы. Мы были совсем рядом с ними.

Один из лебедей поднял голову, насторожился; вот очнулся второй, третий... Из белой массы перьев тут и там вскидывалась вверх длинная шея, и небольшая головка на ней начинала беспокойно оглядываться по сторонам.

А мы подплывали всё ближе и ближе. Переднего лебедя уже можно было достать концом шеста. Птица, нерешительно оглядываясь, медленно отплывала от надвигавшегося на неё светлого пятна. Ни ботника, ни нас лебедь не мог видеть. Фонарь был

Один из лебедей поднял голову, насторожился...

пристроен на самом носу, и свет, отражаемый жестяным рефлектором, падал только вперёд, а мы были в тени.

Один из лебедей, находившийся немного сбоку от нас, очевидно, заметил тёмный силуэт лодки. С тревожным криком захлопал он крыльями и поднялся на воздух. И в тот же миг взлетела вся стая.

Я невольно присел, боясь, как бы какой-нибудь из лебедей в суматохе не налетел на нас.

Невероятный шум от поднявшейся стаи тут же и стих. Все птицы исчезли в темноте. Только изредка доносились издали их голоса. Всё реже, всё тише...

— Видал? — взволнованно спросил Семён Иванович.

— Видал,— ответил я. И вдруг мы оба увидели на тёмной воде ещё одну белую птицу.

Она, конечно, тоже видела нас, слышала наши голоса, но не летела прочь, а, наоборот, двигалась прямо к лодке.

— Один, без пары остался,— сказал старик.— Лети, лети, голубчик, мы тебя ведь не тронем!

Птица подплывала всё ближе. Мне стало даже как-то не по себе. Вспомнилась сказка старика о лебеде, плывущем прямо к охотникам.

— Кыш ты! — не выдержал Семён Иванович и замахнулся на птицу шестом.

Но она и тут не взлетела, а только шарахнулась в сторону и громко испуганно загоготала.

— Тьфу ты, шут тебя подери! — воскликнул Семён Иванович.— Да ведь это гусак! А я-то впотьмах и не разобрал, за лебедя принял.

— Какой гусак?

— У тётки Федосьи намедни со двора улетел. Говорил ей, дурёхе, подрежь ему крылья... Не послушалась, вот он и утёк. А теперь по разливу шатается, да ещё к лебедям присоединился, поганец этакий! — И старик, видимо, очень недовольный тем, что так просто закончилась романтическая история с одиноким лебедем, круто повернул ботник.

Мы поплыли обратно. И федосьин гусак тоже поплыл за ботником. Изредка он тихонько погогатывал, будто благодарил нас. Наверное, по-своему, по-гусиному, он решил, что именно его-то мы и разыскивали всю ночь по этим разливам.

Я рассказал вам, ребята, о замечательном заповеднике, где спокойно зимует несметное множество птиц, зимует под зоркой охраной человека.

Но вот наступает весна, и вся эта масса крылатых путешественников трогается в путь на север, на свою родину.

Весенний перелёт птиц — это чудесное, незабываемое зрелище. Его лучше всего наблюдать где-нибудь в пойме большой реки. Круглые сутки — и день и ночь — в воздухе слышится шелест крыльев и раздаются радостные голоса птиц. Крякают утки, гогочут гуси, пищат кулики... Все эти птицы, вернувшись с юга, летят к родным местам, на заболоченные берега рек и озёр.

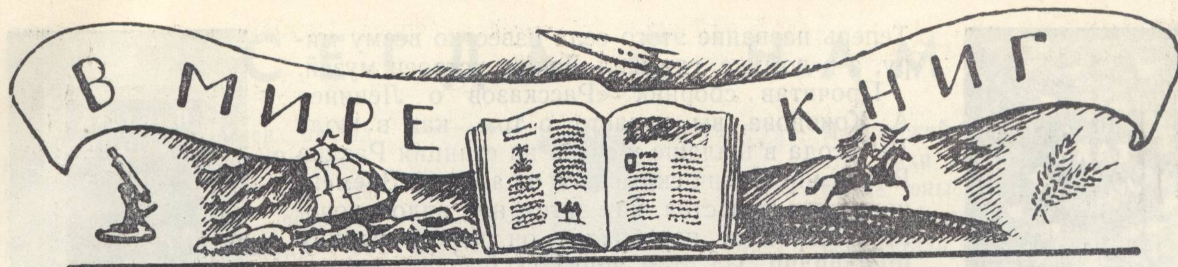
В это же время по полям и лесам передвигается другая крылатая рать наших мелких певчих птиц: жаворонки, зяблики, скворцы, дрозды... Они тоже спешат с юга на родину.

Часть птиц летит дальше на север и на восток, а многие остаются в наших краях. Теперь на каждой лужайке, в каждом лесочке можно услышать их весёлую песню.

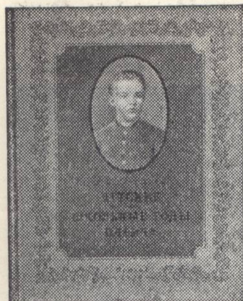
Но весна — это не только пора весёлых песен. Это — хлопотливое время для птиц — пора устройства гнёзд и забот о своём потомстве.

Давайте же, ребята, и мы позаботимся о наших крылатых друзьях. Пусть вся наша страна будет сплошным заповедником, где зорко и бережно охраняется каждое гнездо, каждый птенец.

Давайте объявим борьбу всем хулиганам — разорителям гнёзд, всем горе-охотникам с рогатками и камнями; защитим от них наших птиц. И тогда вы увидите сами, как чудесно оживут наши леса, поля и сады, какое множество дичи разведётся по болотам, рекам и озёрам.

Книги о В. И. Ленине

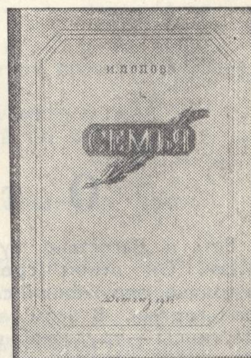
Нам бесконечно дорого всё, что связано с именем Ленина. С волнением читаем мы статьи, очерки о Владимире Ильиче, воспоминания людей, близко знавших его, работавших с ним.

Здесь вы видите книги, изданные Детгизом, в которых рассказывается о Ленине. Посмотрите внимательно, все ли эти книги вы читали.

Вот книга А. Кононова «Шалаш». В ней три рассказа о раннем детстве Владимира Ильича: о том, как маленький Володя вместе со своей сестрой Олей строил в саду шалаш, как, надев шубу мехом вверх, изображал страшную Брыкаску, как однажды, расшалившись, был наказан матерью и посажен в чёрное кресло.

Вот ещё две книги: «Детские и школьные годы Ильича» А. И. Ульяновой и «Володя Ульянов» Н. Веретенникова. Эти книги рисуют нам светлый образ Володи Ульянова — энергичного и живого, остроумного и находчивого, чуткого и отзывчивого товарища, всегда готового помочь в беде. Мы узнаем, каким смелым и правдивым, трудолюбивым и волевым был Володя уже в ранние годы жизни, с каким мужеством и поразительной твёрдостью духа встретил он в 1887 году тяжёлое горе — казнь любимого старшего брата — народовольца, участника покушения на царя Александра III.

Это трагическое событие ещё более укрепило решение В. И. Ленина идти революционным путём. В пьесе И. Попова «Семья», охватывающей период с 1886 по 1897 год, мы видим, как формировались мировоззрение и характер молодого Ленина. В первых картинах пьесы это шестнадцатилетний юноша, почти мальчик, но он уже серьёзно думает о том, каким путём должна пойти русская революция. В последнем же действии перед нами сложившийся революционер, организатор и руководитель «Петербургского союза борьбы за освобождение рабочего класса».

В поэме Степана Щипачёва «Домик в Шушенском» говорится о жизни В. И. Ленина в ссылке. В 1897 году Ленин был сослан в глухое село Шушенское близ Минусинска, в Сибири.

Теперь название этого села известно всему миру, а в домике, где жил Ленин, устроен музей.

Прочитав сборник «Рассказов о Ленине» А. Кононова, вы узнаете о том, как в июле 1917 года в шалаше у озера на станции Разлив Владимир Ильич скрывался от агентов Временного правительства, как затем под видом кочегара паровоза перебрался он через границу Финляндии. Из этой книги вы узнаете также, как Ленин, находясь в Смольном, руководил в октябре 1917 года вооружённым восстанием рабочих и крестьян.

Последние годы Владимир Ильич, уже тяжело больной, провёл в Горках, под Москвой. Об этом периоде его жизни говорит Виссарион Саянов в поэме «Ленин в Горках».

В Москве, в «большом красивом красном доме, похожем на дворец», находится Музей В. И. Ленина. О том, как двое ребят — брат и сестра — пришли в музей, и о том, что они там увидели, рассказывает поэма С. Михалкова «В Музее В. И. Ленина». Притихшие и взволнованные, проходят ребята по залам, знакомятся с материалами и документами, и бессмертный образ великого вождя трудящихся предстаёт перед ними.

В одном из залов брат и сестра встречают ребят, которые пришли сюда на сбор:

Под знамя Ленина они
Торжественно встают,
И клятву Ленину они
Торжественно дают:

«Клянёмся так на свете жить,
Как вождь великий жил,
И так же Родине служить,
Как Ленин ей служил!..»

О тех, кто нравится поэту

Есть в Дагестане аул Ванаши-Махи. Он лежит среди садов, в долине, окружённой со всех сторон горами. В этом ауле живут даргинцы — трудолюбивый и талантливый народ.

И если вы приедете в Ванаши-Махи, то вам назовут немало имён смелых табунщиков и хороших хлеборобов, умелых резчиков по кости и замечательных музыкантов. И, конечно, назовут вам имя Рашида Рашидова, поэта, который родился и вырос в этом ауле, а сейчас редактирует журнал «Дружба», выходящий на его родном даргинском языке.

Рашид Рашидов пишет хорошие стихи — весёлые, легко запоминающиеся и всегда рассказывающие о чём-нибудь интересном.

Недавно его стихи для детей вышли отдельной книгой в Детгизе. Она называется «Дети такие мне нравятся очень».

Какие же дети нравятся поэту?

Вот мальчишки натянули над речкой канат и смело ходят по нему, как настоящие канатоходцы. Вот маленькому Далгату снится, как он оседлал коня и скачет на нём в Москву.

Он скачет горами, степной
стороной.
Как знамя, башлык у него за
спиной.
Летит, словно птица, отважный
Далгат —
Он должен в столицу попасть
на парад.

Пытливые ребята, весёлые, смелые, сильные, ловкие нравятся поэту. Им он посвятил свои стихи.

Рашид Рашидов рассказывает о людях своего аула — о старом мастере, который вырезывает на кости необыкновенные узоры, и о шофёре Расуле, что привёз осенним днём дрова в школу, о комбайнере Омаре и о стекольщике, который идёт вставлять разбитые стёкла в парниковые рамы.

Дела тонкого знаток,
Вышел мастер на порог.
И стекольщику кричат
Ласточки-касатки:
«Это град виноват!
Нет в ауле у ребят
Ни одной рогатки!»

Стихи Рашида Рашидова, которые вошли в его книгу «Дети такие мне нравятся очень», переведены на русский язык Н. Гребневым и Я. Козловским.

Сергей Баруздин

ВСЕГДА С НАМИ

Поэт Николай Асеев назвал когда-то Маяковского «Владимиром Необходимовичем». Как это удивительно хорошо сказано! Быть необходимым народу — об этом мечтал Маяковский. И его мечта сбылась. Где бы ни были советские люди, какие бы испытания ни встречались на их пути, стихи Маяковского всегда были их верными спутниками.

Мне довелось быть в одной геологоразведочной экспедиции в горах Алтая. Помню, косой дождь четвёртые сутки барабанил по брезенту палатки. Припасы у нас были на исходе, с работой что-то не клеилось, и настроение, конечно, было неважное. Лежали мы, закинув руки за голову, и молчали. И вдруг один практикант начал читать, сначала тихо-тихо, потом всё громче и громче:

По небу
　　　　тучи бегают,
Дождями
　　　　сумрак сжат.

Это стихотворение мы все знали и раньше, но, пожалуй, только в эту минуту ощутили его подлинную силу. Оно было написано ещё в двадцать девятом году, поэт посвятил его строителям Кузнецка, но нам казалось, что это стихотворение как будто написано про нас и для нас.

Это только один пример, а сколько таких примеров необходимости стихов Маяковского можно найти в нашей советской жизни! Сколько раз в трудные минуты приходил к нам Маяковский, с вечной жизнеутверждающей силой повторяя:

И жизнь
　　　　хороша,
и жить
　　　　хорошо.

А вот совсем недавно на улице у школы мне пришлось увидеть такой случай. Высокий, крепкий мальчик, пробегая по улице, стукнул портфелем первоклассника. Тот поскользнулся

В. В. Маяковский.

и упал. Ему помогла подняться девочка, вышедшая из этой же школы, и гневно обрушилась на обидчика: «Ну погоди, Соколов, мы поставим о тебе вопрос на совете дружины. Эх, ты!.. А ещё футболист!» — И она, насмешливо глядя на него, продекламировала:

Если бьёт
　　　　дрянной драчун
слабого мальчишку,
я такого
　　　　не хочу
даже
　　　　вставить в книжку.

К сожалению, ещё до сих пор иногда приходится слышать, что Маяковский слишком сложен, что Маяковский непонятен. То, что его стихи знают наизусть даже самые юные читатели, подтверждает обратное. Стихи Маяковского стали неотъемлемой частью жизни нашего советского народа и неотъемлемой частью воспитания советской детворы.

Все вы, конечно, ребята, знаете его стихи «Кем быть?», «Что такое хорошо и что такое плохо», «Прочти и катай в Париж и в Китай», «Что ни страница — то слон, то львица», «Сказку о Пете, толстом ребёнке, и о Симе, который тонкий». Уже в самом раннем детстве многие из вас пели его «Майскую песенку». Его поэзия зовёт вас к труду, к знаниям, учит вас и кем быть и каким быть. Каким укором для некоторых из ребят, получающих не очень-то хорошие отметки по русскому языку, звучат строки:

Да будь я
　　　　и негром преклонных годов,
и то
　　　　без унынья и лени
я русский бы выучил
　　　　　　　　только за то,
что им
　　　　разговаривал Ленин.

Вы часто читаете Маяковского, слышите его с эстрады, по радио, вам задают его на дом — вы знаете его стихи. Но знаете ли вы их достаточно глубоко? Ни на миг не допускайте к стихам поверхностного отношения, не механически заучивайте, а вдумывайтесь в них — и тогда Маяковский придёт к вам, «как живой с живыми говоря».

Вы вырастете, будете читать поэмы «Владимир Ильич Ленин», «Хорошо!», лирические стихи, одно из глубочайших произведений — поэму «Про это», — но пусть Маяковский всегда для вас останется и тем поэтом, который написал «Что такое хорошо и что такое плохо».

Евг. Евтушенко

СЕКРЕТ «СЕМЕРКИ»

НАУЧНО-ФАНТАСТИЧЕСКИЙ РАССКАЗ

В. Сапарин **Рисунки Г. Балашова.**

ГОСТИ С НЕБА

Она прилетела прямо из мирового пространства. По крайней мере, так показалось ребятам, наблюдавшим её падение. Сначала послышался шум, похожий на отдалённый гром, потом над самым лугом что-то блеснуло, и вдруг на парашюте повисла металлическая сверкающая ракета.

Ребята побежали к речонке, пересекавшей луг; к ней относило ветром медленно снижавшуюся ракету.

— Это с Марса,— уверенно заявил Вася Аринушкин.— Больше неоткуда. На Луне людей нет. А на этой, как её... на Венере... там ещё не наступил каменный век. Ихтиозавры ракету не пошлют!

— Мала больно,— усомнился Коля Зеленин.— Разве только мышь внутри. Или на крайний случай кошка.

Ракета, зацепившись парашютом за осокорь, росший на крутом мысу, висела на стропах, почти касаясь земли. Она была немного меньше метра в длину, с острым длинным носом, утолщённая посредине.

— «Завод имени Кирова»,— прочёл Ваня Скребушкин надпись на ракете.— Видали? Заводская марка! Значит, ракета-то наша.

— Может быть, наши её на Луну посылали, а она не долетела и вернулась,— предположил Вася.

— Мала больно,— повторил скептик Коля.— Что в ней пошлёшь?

— А чего посылать-то! Людей на Луне всё равно нет. Так сгоняли, для пробы.

Версия эта приобрела двух или трёх сторонников. Остальные сомневались, но своего предположения выдвинуть не могли.

— Да чего спорить,— сказал молчавший всё время Федя Задорнов.— Отнести в сельсовет нужно. Дядя Фёдор разберётся.

Дядя Фёдор, председатель сельсовета, обнаружил на полированном туловище ракеты ещё одну надпись, не замеченную мальчиками: «Академия наук СССР».

— Молодцы, ребята! — сказал он мальчикам.— Наверно, что-нибудь важное. Учёные спасибо вам скажут.

Он запаковал ракету в ящик со стружками, сам отвёз на станцию и сдал прямо в почтовый поезд, идущий в Москву.

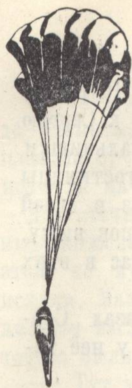
Вскоре случилось новое событие. Ребята сидели около старой мельницы, от которой остался только полусгнивший сруб да совсем замшелое колесо, и удили окуней с плотины. В самый напряжённый момент клёва в небе раздался свист. Он всё усиливался и менялся в тоне. Что-то мелькнуло в воздухе, ударило прямо в жёрнов, лежавший возле мельницы, и свист стал удаляться.

Ребята бросились к жёрнову, но ничего, кроме небольшого пятна, размером чуть побольше медного пятака, на позеленевшей поверхности камня не увидели.

Над самым лугом что-то блеснуло, и вдруг на парашюте повисла сверкающая ракета.

Минуты две спустя в шестнадцати километрах от старой мельницы, на городском стадионе, где тренировалась футбольная команда, произошло

нечто не менее интересное. Один из игроков дал сильную «свечу», и мяч перелетел через забор. Игра остановилась. Пока мальчишки-болельщики разыскивали мяч, с той стороны, откуда ждали его появления, послышался свист, и вместо мяча прилетело что-то такое, чего никто не успел разглядеть, ударилось о трибуну и с визгом умчалось.

Почти в то же время на городской площади, как предполагали многие, упал метеорит. Но он не рассыпался и не сгорел, а, чиркнув о брусчатую мостовую, снова поднялся в воздух и улетел.

Ещё одно происшествие случилось в том же городе, но его никто не наблюдал. В парке культуры кто-то запустил огромным камнем в бронзовую фигуру купальщицы у фонтана. Камень отскочил, расколовшись на несколько кусков. Обломки упали недалеко от парка, в овраг, густо заросший кустарником и лопухами. И только ямка на плече бронзовой купальщицы напоминала об этом происшествии.

СТРАННЫЙ БИЛЬЯРДНЫЙ ШАР

По случаю летней жары бильярдный стол вынесли на площадку плоской крыши десятиэтажного здания гостиницы.

Играли двое. Старший, профессор Свиридов, человек лет пятидесяти, лёгким, свободным движением кия расставлял шары так, как ему было удобнее, и потом бил точно в цель. Шары разбегались по сукну, словно актёры балета, разыгрывающие пантомиму, подчинённую внутреннему ритму и замыслу.

Младший, кандидат наук Проторенко, плотный, даже полный, краснолицый, размахивал кием с азартом и ударял с силой, которой недоставало точного расчёта.

— Сергей Иванович! — взмолился он.— С вами играть — ещё жарче становится, чем при защите диссертации. Тогда, откровенно говоря, вы поддали пару... Сегодня я надеялся отыграться. Но кто же мог подумать, что известный учёный играет на бильярде с таким же искусством, с каким он ставит свои удивительные опыты в лаборатории!

— Бильярд требует тех же качеств: сообразительности и ловкости. Впрочем, сегодня я в ударе. Если бы я верил в приметы, то подумал бы, что «семёрка» приносит мне счастье. Этот шар проделывает прямо-таки чудеса. Смотрите: едва коснувшись борта, он мгновенно отскакивает и, обратите внимание, как точно соблюдает закон равенства углов падения и отражения! Это определённо талант, гений среди бильярдных шаров.

— А ну-ка я этого гения разок стукну.— Проторенко тщательно намелил кий.— Что это ещё за чудо?

То ли удар был чересчур силён, то ли «гений» слишком чувствителен, но шар с цифрой «семь» взвился высоко над головами играющих, описал дугу и исчез за каменным парапетом, окаймлявшим площадку.

Сергей Иванович подошёл к краю площадки, чтобы взглянуть, куда упал «счастливый» шар, но в этот момент шар показался из-за парапета, словно его бросил кто-то снизу. Профессор поймал шар и взглянул вниз: внутренний двор гостиницы был пуст. Да, собственно, кто смог бы закинуть оттуда шар на крышу десятого этажа?!

— Странно,— пробормотал он, рассматривая шар.— Вы что-нибудь понимаете, Пётр Семёнович?

Пётр Семёнович с недоумением глядел на профессора.

— Повторим эксперимент,— решительно сказал профессор и подбросил шар высоко вверх. «Семёрка» поднялась выше мачты антенны и полетела вниз.

Оба игрока, наклонившись над парапетом, наблюдали за шаром.

Они увидели, как он коснулся гладкой плиты во дворе и помчался вверх, словно им выстрелили из рогатки. Не долетев до той высоты, с какой он начал падать, всего метров на пять или шесть, он как бы замер на мгновение и снова полетел вниз. Коснувшись мостовой, шар взмыл вверх, но поднялся уже немного ниже. Так он падал и поднимался по крайней мере раз двадцать. Наконец, подскочив до уровня второго этажа, шар полетел косо, заскакал по двору, как кенгуру, и исчез.

— Вот это номер! — нарушил молчание профессор.— Из чего же сделан этот шар, хотел бы я знать?

— Обыкновенная пластмасса,— пробурчал Пётр Семёнович.— Ведь из слоновой кости бильярдные шары теперь не делают!

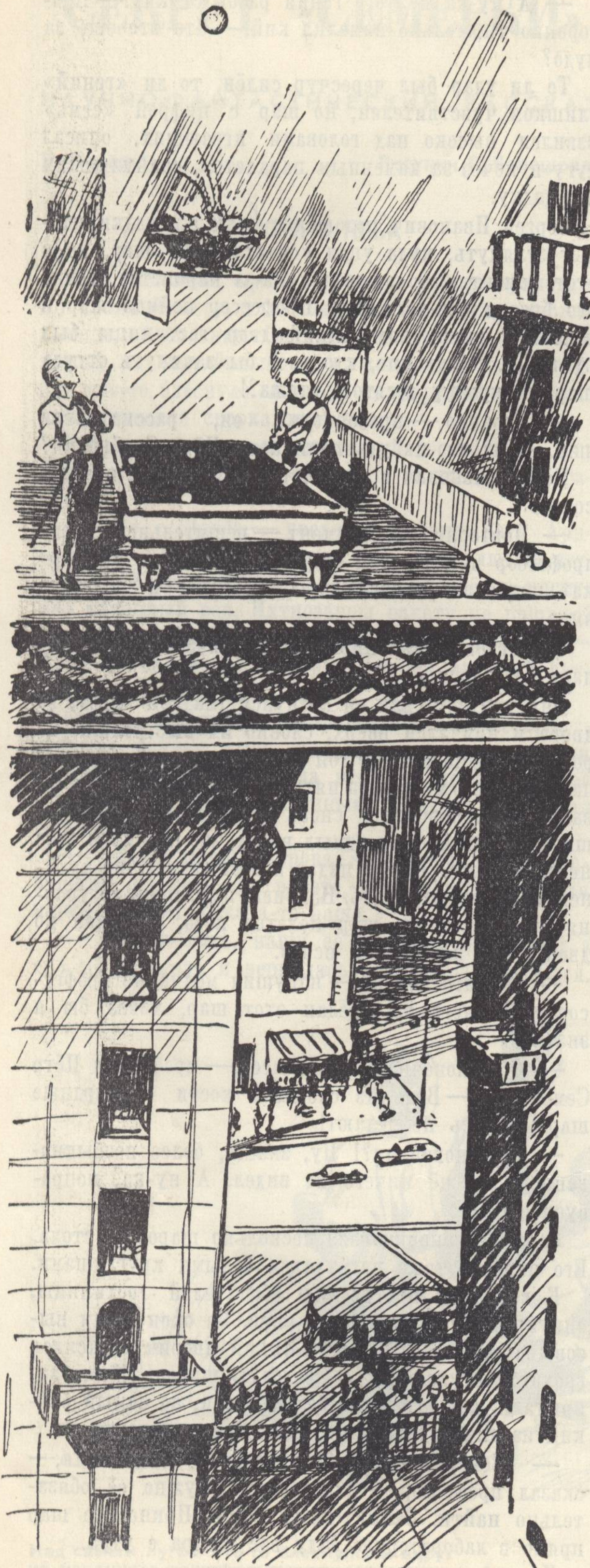
— Обыкновенная?! Ну, знаете, более необыкновенного я ещё ничего не видел. А ну-ка, попробуем ещё!

Сергей Иванович взял несколько шаров со стола. Его партнёр тоже нагрузился белыми кругляшами.

К великому недоумению обитателей гостиницы, они принялись кидать их вниз. Из окон стали высовываться головы, когда тихий дворик огласился грохотом стукающих о мостовую шаров. Шары запрыгали, как огромные белые блохи, но самый бойкий из них поднялся не выше третьего этажа.

— «Семёрка»-то действительно гениальная,— сказал профессор.— Знаете что? Нужно её обязательно найти. Займитесь-ка этим. Приносите шар прямо в лабораторию. Жду вас завтра с утра.

И профессор направился к лифту.

«СЕМЁРКА» ИСЧЕЗЛА

— Не нашёл я «семёрку»,— сообщил Проторенко, явившись на другой день в институт к Сергею Ивановичу.— Укатилась куда-то, или мальчишки подобрали... У меня с директором гостиницы неприятное объяснение было: первый раз в своей жизни, говорит, такой хулиганский поступок вижу. Ну, я ведь не мог ему объяснить, что нас в этих шарах заинтересовало.

— Жаль «семёрку»,— в раздумье сказал Сергей Иванович.— Как вы думаете: откуда у неё такая прыгучесть?

— Случайное совпадение,— ответил Пётр Семёнович.— Материалы, из которых делается пластмасса, как вы знаете, не всегда однородны. Ну, вот и попалось такое сочетание...

— Вот бы раздобыть ещё шаров из этой партии!

— А стоит ли игра свеч? — пожал плечами Пётр Семёнович.

Сергей Иванович попытался всё же разузнать, откуда получены бильярдные шары. Оказалось, их изготовила промысловая артель в городе Степном, расположенном недалеко от гор. Профессор купил несколько комплектов шаров, сделанных этой же артелью, но среди них не нашлось ни одного сколько-нибудь выдающегося. Похоже было, что шар номер семь и правда явился каким-то редкостным исключением.

И это очень огорчило его. Свиридов в своей лаборатории работал над созданием пластмассы со сверхупругими свойствами. Некоторые особенности строения такого вещества удалось уже разгадать; первые, ещё несовершенные образцы были получены в лаборатории, но профессор — он это великолепно понимал — находился только на полпути к решению задачи.

А тут, словно в насмешку, судьба послала ему в руки шар из такого материала, о котором он мечтал, и он, как жар-птицу, упустил его.

— Ничего,— утешал профессора неунывающий Проторенко,— создадите такой материал сами. Я с удовольствием помогу вам, если разрешите.

— Это всё правильно, но, знаете, «семёрка» не выходит у меня из головы! — возразил профессор.— Будь этот шар у нас, мы сделали бы анализ вещества, из которого он состоит. Насколько это ускорило бы нашу работу... Вот что: если уж вы хотите мне помочь, разыщите-ка его. Вы человек энергичный...

— Но где же его искать?

— Да в том городе, где находится артель, изготовляющая бильярдные шары. Узнайте, из чего и как они делают пластмассу.

Шар с цифрой «семь» взвился высоко над головами играющих.

ПО СЛЕДАМ «СЕМЁРКИ»

На следующий день Проторенко уже был в городе Степном, где находился завод, поставлявший пластмассу для артели. С этого завода Пётр Семёнович и начал свои поиски.

Достаточно было получасового разговора с главным инженером, чтобы убедиться, что на заводике этом не мудрили и новых видов пластмассы не искали. Маленький толстяк с обвислыми щеками и кислым взглядом открыл дверки шкафа, полки которого были заставлены белыми кубами.

— Тут у нас образцы каждой партии. Вам надо, чтобы они прыгали? Возьмите любой куб! Все прыгают.

Принесли мраморную доску, положили на пол, и инженер, не глядя, стал брать с полок кубы и бросать их на мрамор. Все кубы подскакивали почти одинаково. Высота прыжка зависела только от того, ребром или плашмя стукался куб о мраморную доску.

— Видите сами,— с гордостью сказал инженер.— Мы стандарт соблюдаем строго.

Распрощавшись с главным инженером завода, Проторенко вышел на улицу и сел на скамейку в сквере, чтобы обдумать положение.

Рядом сидели два подростка и разговаривали о случае, который произошёл на стадионе во время тренировки футболистов.

— Понимаешь, как прилетит эта штука, как ударит! Ну, думал, трибуна вдребезги,— говорил один из них, худощавый, с бледным лицом, явно преувеличивая.— Своими глазами видел! Свист такой был — у меня чуть уши не лопнули.

— Наверное, тоже метеор, такой же, как и на площади,— отозвался другой.— Откуда только он взялся?

— А может быть, вроде того, что в селе Многополье ребята видели. Там с неба тоже камень прилетел. Ребята рассказывали, когда приезжали к нам. Прыгучий какой-то.

«Прыгучий»? — Проторенко, заинтересованный нечаянно подслушанным разговором, расспросил ребят подробнее о загадочном камне и тут же решил махнуть в Многополье.

Через час Пётр Семёнович вышел из попутной машины прямо у сельсовета. Председатель сельсовета Фёдор Иванович познакомил его с главными действующими лицами тех событий, что разыгрались на берегу реки. Ребята рассказали учёному о ракете, о непонятном предмете, который прилетел с неба, и, наконец, повели Петра Семёновича к жёрнову возле плотины.

— Вот сюда,— показал Вася Аринушкин,— как ударит! Вон на жёрнове и след остался.

— Откуда же он прилетел?

— С неба,— пояснил Вася.

— И куда улетел?

— Обратно на небо.

— Так прямо вверх?

Вася задумался.

— Туда,— вмешался Ваня Скребушкин. Он показал в сторону города Степного.— А прилетел оттуда.

И Ваня показал рукой на горы, сплошной синей громадой вставшие на горизонте.

— А падал он вроде прямо сверху,— усомнился Коля.— Над головой как засвистит!

— Он и должен сверху упасть,— оправился от смущения Вася.— Летит хоть и по этой... как её... по параболе, а в конце всё равно прямо вниз пойдёт. Так ведь? — обратился он к Проторенко.

— Да,— согласился тот,— если предмет падает свободно с большой высоты, то, конечно, в конце пути будет падать почти вертикально.

— Почему же он тогда повернул к городу? — спросил Коля.

— А это видел? — Ваня Скребушкин показал на жёрнов.

Жёрнов лежал на небольшом косогоре, на склоне, обращённом в сторону города Степного.

Поблагодарив ребят, Проторенко, не задерживаясь больше в Многополье, вернулся в город. Ему казалось, что предмет, ударившийся в жёрнов, метеорит, упавший на городскую площадь, и то, что удивило футболистов,— это одно и то же явление. Кто знает, может, необычайная упругость материала заставила этот предмет совершать такие грандиозные прыжки.

След прыгающего камня обрывался в Степном. Но никто не мог сообщить ему о «прыгучем камне» больше того, что он узнал от ребят.

Тогда Проторенко решил пойти к председателю артели «Настольная игрушка», чтобы попытаться разузнать хоть что-нибудь о бильярдном шаре номер семь.

Здесь он попал в мир шахматных коней, которые стояли на подоконниках огромными косяками, пешек, насыпанных в ящики доверху, королей и королев, выходивших из-под пресса такими гладкими и изящными, словно их обточили на токарном станке.

Цех бильярдных шаров — низкое и продолговатое помещение с земляным полом — походил на старинный пушечный двор. Белые ядра разных размеров лежали тут штабелями и пирамидами. Люди в синих халатах упаковывали шары в ящики, словно яблоки.

Председатель артели, грузный и лысый, в кавказской рубахе с тонким пояском и в жёлтых сапогах, забросал Проторенко вопросами:

— Вам сколько шаров нужно? Тысячу? Десять тысяч? Доставка за ваш счёт? Меня не интересует, что вы хотите с ними делать. Посылайте их хоть на Луну. Но контракт мы с вами подпишем по всей

форме. Товар можете принимать прямо здесь, на месте. За упаковку дополнительная плата.

С большим недоверием выслушал он просьбу Проторенко подобрать ему шары, которые прыгали бы лучше, чем обычные.

— Таких шаров, как у нас, вы нигде не найдёте. Наши шары лучшего качества: их послали даже на выставку. Всего неделю назад мы изготовили один комплект для выставки, а другой — гостинице «Юг» в Новоозёрске. Но какой-то сумасшедший сбросил все шары с десятого этажа на мостовую, и многие шары побились. Гостиница заказала нам новые шары.

— Скажите, а кто изготовляет их?

— Тот же мастер, который делал и первые два комплекта. Товарищ Бархударян. Вот он.

Худощавый старик с совершенно белой, стриженной под машинку головой и чёрными бровями держал в руках гладкий, словно покрытый маслом, шар. Казалось, от этого шара становилось светлее в мастерской: так много света разбрасывал он вокруг. На молочно-белой поверхности его чётко вырисовывались аккуратные синие квадратики, и можно было подумать, что это не уменьшённое отражение окон мастерской, а крохотные оконца, ведущие вглубь шара.

Председатель артели познакомил Проторенко с мастером, который делал шары для гостиницы «Юг».

— Вано,— сказал председатель,— вот тут товарищ приезжий хочет с тобой поговорить.

Рабочий день уже кончился, и Бархударян пригласил Петра Семёновича к себе домой.

В чистой комнатке, заставленной цветами в горшках, с окнами, выходящими в палисадник, старый мастер, усадив гостя на почётное место, потчевал его вином местного производства.

— Нигде нет таких штамбовых роз,— говорил он, пригубливая стакан,— как в нашем городе. А посмотрите, какие розы у меня. Как я их вывел? Любовь требуется, чтобы создать что-нибудь стоящее. Если вещь сделана без любви, я сразу почувствую, будь то пуговица или обыкновенная лопата, достаточно взять её в руки. Когда я вижу тупую булавку или такую, что гнётся, как простая проволока, я думаю о том, кто сеет эту тупость и податливость по белу свету. А вы думаете, чтобы изготовить бильярдный шар, не требуется любви?

Пётр Семёнович с улыбкой возразил, что он нисколько в этом не сомневается.

— Зачем же вы улыбаетесь? — с укором произнёс старик.— У меня есть внук, его тоже зовут Вано, он учится в ремесленном училище. Так вот знаете, какой случай произошёл недавно с этим мальчуганом? Я сделал два комплекта шаров. Как раз в это время приехали ко мне родственники, и я решил показать им свою работу. Принёс я домой один комплект, показал гостям и поставил ящик с шарами вот на эту полку. Два дня лежали шары у меня дома, соседи приходили и удивлялись, а на третий день, когда я собрался их уносить в мастерскую, вдруг смотрю, одного шара нет. Я даже испугался. А тут входит мой внук Вано, и в руках у него шар.

«Зачем ты взял его без спросу?!» — закричал я на него. Очень я тогда рассердился.

А Вано говорит, что он показывал шары своим товарищам,— работой деда решил похвалиться, сорванец! Ну, и как там у них получилось, не знаю, но только один шар они уронили, он упал на выступ станины, на самый угол, и раскололся. Как вы думаете, что сделал Вано? Он пошёл в мастерскую своего училища и изготовил новый шар.

«Где твой шар? — спросил я.— Ты испортил весь комплект. Подай мне свой шар».

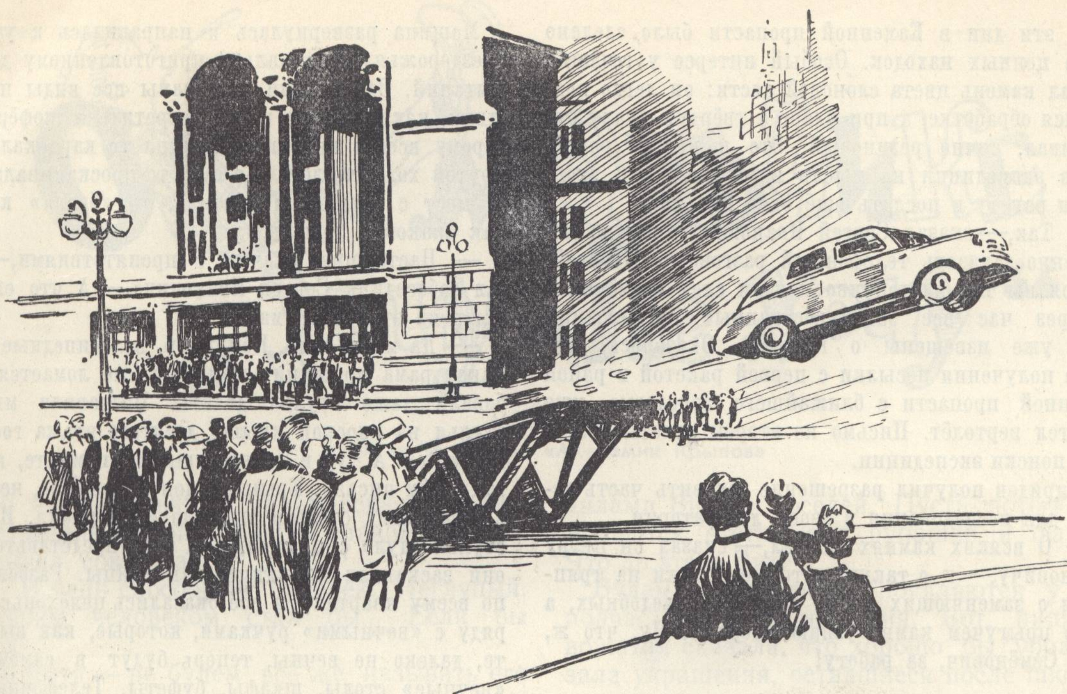
«Деду,— говорит Вано и лукаво так смотрит на меня,— вы найдёте его сами».

Так что же вы думаете? Я перерыл весь комплект, но не смог отличить его шар от моих шаров.

«Может быть, ты всю эту историю выдумал?» — говорю я.

Тогда Вано уходит и приносит мне две половинки расколотого шара.

«Поди сюда,— говорю,— я поцелую тебя, Вано. Ты унаследовал от своего деда самое дорогое —

Автомобиль, промчавшись по помосту, с разгона пролетел в воздухе метров десять.

любовь к труду». Вот видите, о чём говорит вещь, которую держишь в руках.

— Я и до сих пор не знаю,— добавил, помолчав, старый мастер,— какой же шар сделал Вано.

— А я скажу вам,— сказал Проторенко, слушавший с большим вниманием всю историю с шаром.— Это была «семёрка» из комплекта, который был послан в гостиницу «Юг». Мне очень хочется узнать, откуда Вано достал пластмассу для шара.

— Ну, в нашем городе нетрудно достать пластмассу. Может, выпросил у мастера в училище. Я его об этом и не спрашивал.

— А нельзя мне поговорить с Вано?

— Почему же нельзя? Только он, наверное, бегает с мальчишками. Ведь он и сам ещё мальчик, хотя уже и мастер.

Петру Семёновичу удалось разыскать Вано. Мальчик рассказал, что нашёл кусок пластмассы в овраге рядом с парком культуры.

Вместе с ватагой ребят Проторенко прочесал овраг, и они нашли ещё несколько обломков того «камня», что ударился когда-то в бронзовую статую купальщицы.

Проторенко сложил собранные обломки. К его удивлению, они напоминали ракету, грубо сделанную, не из металла, а из какого-то вещества, напоминавшего слоновую кость. Только нескольких кусков так и не удалось разыскать.

«Если есть ракета, то должно быть и письмо»,— решил Пётр Семёнович.

— А ну-ка, ребята,— скомандовал он,— пошарьте ещё, да хорошенько!

Письмо нашлось: оно помещалось в капсюле из фотоплёнки, которая, повидимому, была заложена в корпус ракеты.

* * *

Вскоре Проторенко докладывал Свиридову о результатах поездки. Перед ними на белом столе в лаборатории лежали куски ракеты, найденной в овраге.

Сергей Иванович внимательно прочёл письмо.

«На всякий случай повторяем всю историю ещё раз,— начиналось письмо,— так как не уверены, дошла ли по адресу первая ракета».

Из письма было видно, что оно послано геологоразведочной экспедицией, которая работает в горах, в глухих, малообследованных местах. Следы рудных залежей привели исследователей к глубокой пропасти, и разведчики отважились спуститься с немалым риском вниз. Они достигли дна пропасти в общем благополучно, но при этом разбили рацию. Теперь у них было единственное средство для связи с внешним миром — уцелевшая почтовая ракета, которую они и отправили из Каменной пропасти с помощью ракетной установки. Послали без точного прицела в сторону ближайшего населённого района, полагая, что, в чьи бы руки она ни попала, советские люди, конечно, перешлют её по адресу. Однако то ли потому, что геологи забились в такую тараканью щель, окружённую лесом, что обнаружить их с вертолёта было трудно, то ли потому, что в письме были неточно названы координаты Каменной пропасти, но до сих пор никто не пришёл на помощь экспедиции.

За эти дни в Каменной пропасти было сделано много ценных находок. Особый интерес у геологов вызвал камень цвета слоновой кости: он легко поддавался обработке, а при ударе о твёрдую скалу отскакивал, точно резиновый. Это и навело работников экспедиции на мысль изготовить из этого камня ракету и послать ещё одно письмо.

— Так,— сказал Сергей Иванович,— нужно немедленно заказать телефонный разговор с Москвой. Не зря вы так настойчиво искали след «семёрки»!

Через час все заинтересованные организации были уже извещены о находке. Оказалось, что после получения посылки с первой ракетой в район Каменной пропасти с ближайшего аэродрома уже вылетел вертолёт. Письмо из второй ракеты облегчило поиски экспедиции.

Свиридов получил разрешение оставить часть ракеты для исследования в своей лаборатории.

— О всяких камнях слыхал,— сказал он Петру Семёновичу,— и о таких, которые похожи на тряпку, и о заменяющих мыло, и даже о съедобных, а вот о прыгучем камне узнаю впервые. Ну, что ж, Пётр Семёнович, за работу!

ИСПЫТАНИЕ

Автомобиль нежнокремового цвета и обтекаемой формы описал круг по двору и въехал на помост, обрывающийся наподобие лыжного трамплина. Промчавшись по помосту, он с разгона пролетел в воздухе метров десять.

— Ай! — вскрикнула женщина в толпе зрителей, наблюдавших за машиной.

Машина коснулась земли, подпрыгнула метра на полтора, подскочила ещё раза два и покатила по дороге, посредине которой был врыт каменный столб. Машина, не замедляя хода, наехала на столб и отлетела от него наподобие бильярдного шара.

Автомобиль остановился. К нему подошло несколько человек. Ни на капоте, ни на крыльях не оказалось ни малейшей вмятины.

— Упругость равна прочности,— заметил стоявший рядом со Свиридовым седой человек, один из приглашённых на испытания.— Как вы добились этого? — обратился он к Сергею Ивановичу.

— Кое-что подсказало то вещество, что нашли в Каменной пропасти. Вы, вероятно, слышали об этой истории? В природе этот материал создавался долго, и всё же он оказался не вполне хорошим. Насчёт упругости грех придираться, а вот прочность, знаете, подкачала: разлеталась вся эта музыка в куски при четвёртом или пятом ударе. Ну, пришлось поработать, тут коротко не расскажешь. Этот вот автомобиль сделан из прочного и упругого материала, изготовленного в лаборатории,— не только рессоры, но и шасси и даже корпус. Поэтому он и отскакивает от препятствий, как мячик. Сейчас его пустят по ухабам, и вы сами увидите.

Машина развернулась и направилась к участку «бездорожья», специально приготовленному для испытаний. Здесь были подобраны все виды препятствий, какие только могут встретиться шофёру, которому всегда не везёт. Машина то карабкалась на крутой холм, то летела в яму, то проскакивала с хода мост с брешью в настиле, то «брала» канаву, как скаковая лошадь.

— Настоящие скачки с препятствиями,— сказал собеседник Сергея Ивановича.— А что ещё делают из этой пластмассы?

— Да много чего. Например, велосипедные рамы. Такая рама пружинит и никогда не ломается. Пробовали даже стулья делать. Поставили мы эти стулья на плоской крыше десятого этажа гостиницы «Юг». А тут и налетел шквал, помните, в газетах о нём писали. Крыши с домов срывало, несколько фонарных столбов вырвало «с корнем». И наши стулья сдуло с площадки. И вот, представьте себе, они заскакали по улице, как зайцы. Разбежались по всему кварталу, и все оказались целёхоньки. Наряду с «вечными» ручками, которые, как вы знаете, далеко не вечны, теперь будут в самом деле «вечные» столы, шкафы, буфеты. Телефонные аппараты и трубки тоже не будут больше разбиваться. Разрабатывается конструкция небьющегося корпуса и особого крепления деталей радиоприёмника и телевизора. Если такой приёмник нечаянно уронят, это ему никак не повредит. Да мало ли в нашем обиходе и в технике хрупких вещей, которые можно будет изготовлять из нового материала!

Автомобиль, успешно преодолев все препятствия, выбрался снова на асфальт.

— Отлично,— сказал инженер.— А теперь попрошу всех посторониться.

Он взял в руку булыжник и со всего размаха швырнул его в кузов. Камень отлетел и вмялся в асфальт. Инженер подошёл к автомобилю и стал рассматривать в лупу место, о которое стукнулся камень.

— Трещин нет,— сказал он наконец, убирая лупу.— Ну что ж, Сергей Иванович,— обратился инженер к профессору Свиридову,— прокатимся немного по городу? Вы имеете право на первый рейс.

* * *

На плоской крыше десятого этажа гостиницы «Юг» двое играли на бильярде.

— Ну, теперь все шары «гениальные»,— сказал игрок постарше своему партнёру.— Весь комплект изготовлен из новой пластмассы.

— Ну, уж эту партию я выиграю,— возразил младший партнёр.— Я докажу, чёрт возьми, что кое-чему я у вас научился.

— На работе в лаборатории вы это уже доказали, и главную партию мы с вами выиграли вдвоём. А в бильярд я согласен даже проиграть.

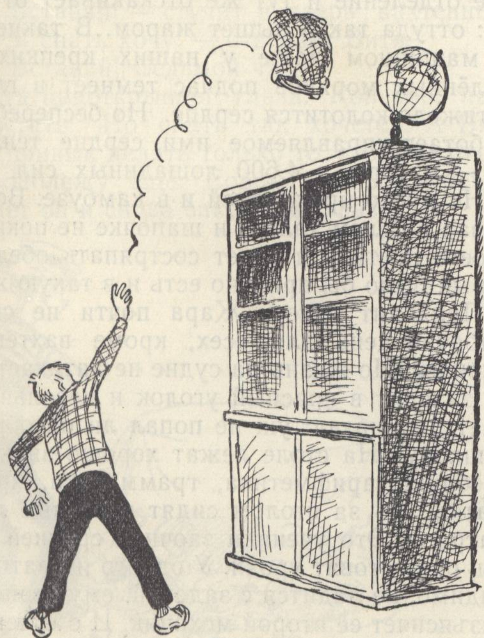
О мальчике „Хочу-Не хочу“

М. Лесков,
капитан теплохода «Академик Крылов»

Об этом мальчике мне рассказывал его родственник — мой хороший знакомый. Рассказывал, сокрушаясь:

— И ведь способный паренёк. Неглупый. Хорошим человеком стал бы... Если бы хотел...

Но Витя — не будем всё же называть его фамилии,— видно, никак этого не хочет. А хотеть или не хотеть для Вити важнее всего. «Хочу», «не хочу»,— так объясняет он все свои поступки. «Не хочу»,— решает Витя и убегает с урока. «Хочу»,— и вот уже вырван у девочки портфель и заброшен высоко на шкаф. «Хочу»,— и перед Витей пирамида из чернильниц, собранных со всех парт. Раз, два, три — пирамида рушится, заливая чернилами Витю и соседей. Пусть потом мамы мучаются, отстирывая рубашки и фартуки. Что до этого Вите?!

«Хочу», — и вот уже портфель заброшен на шкаф.

Будем справедливы: появляются у Вити подчас и добрые желания. Вот, например, вожатая сказала, что хорошо бы убрать из зала украшения, оставшиеся после школьного праздника, и Витя тотчас кинулся убирать их.

— Зачем же сейчас?.. Сейчас в зале начнутся физкультурные занятия... Это надо сделать позднее, после уроков...

— Нет, уж лучше сейчас,— ответил Витя.— А то я ещё расхочу.

И правда, добрые желания у Вити держатся недолго. Недавно, скажем, он записался в драмкружок и взял на себя довольно большую роль в постановке. На первой репетиции он прямо-таки горел желанием играть на сцене. К концу второй репетиции заскучал и куда-то исчез, а на третью — вовсе не явился. Расхотел, и всё тут!.. А что из-за этого нарушается работа всех драмкружковцев — не его печаль!..

На этот раз ребята возмутились, и в стенгазете появился фельетон о мальчике «Хочу — не хочу» с довольно выразительной карикатурой, в которой нетрудно было узнать Витю. В фельетоне высмеивалась разболтанность и неумение довести дело до конца...

— Ах, так! — решил Витя.— А вот посмотрим, умею я или не умею!

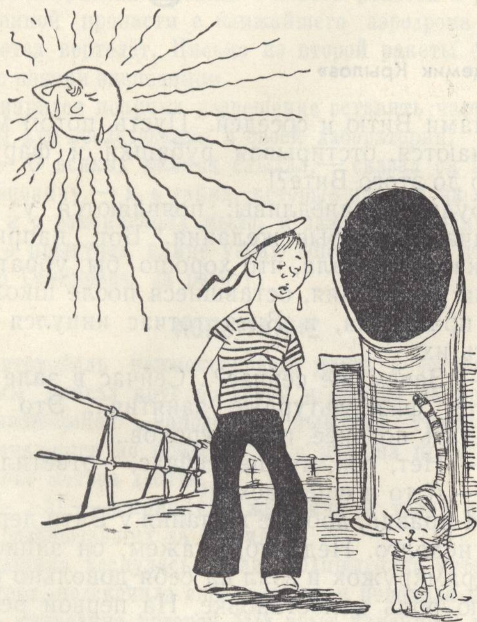
И он действительно довёл до конца одно «дело»: уговорил ребят уйти с дополнительных занятий. Одних соблазнил новой кинокартиной, другим попросту пригрозил кулаком (Витя вообще любит пускать в ход кулаки), третьих убедил, что дополнительные занятия — вещь необязательная.

— Зачем же ты это сделал? Ведь ты им навредил...

— А мне что?!

— И что бы ни говорили ему педагоги и товарищи, Витя никого не слушает,— рассказывал мой знакомый.— Должно быть, думает, что проявляет характер. А ведь мечтает стать полярным лётчиком или, вот как вы, капитаном...

Мне захотелось взглянуть на Витю, и я попросил моего знакомого прислать его ко мне под каким-то предлогом. И вышло так, что как раз в этот день ко мне забрёл в гости один мой друг с нашего теплохода.

«Хочу домой», — хнычет Витя.

Витя явился почти точно в назначенный час: должно быть, встреча с капитаном его заинтересовала. На вид мальчик «Хочу — не хочу» был самым обыкновенным вихрастым пареньком-шестиклассником. Взгляд у него был какой-то вялый и даже сонный.

Взгляд этот стал значительно живей, когда мы с другом за чаем начали вспоминать разные случаи из нашего последнего плавания. Это был интересный рейс... За год наше торговое судно «Академик Крылов» проделало около сорока двух тысяч миль. Мы побывали у берегов Китая, заходили в Сингапур, повидали порты Италии, Франции, Англии, Польши, Бельгии, Голландии... Попадали мы в серьёзные штормы и в бури... Но за чаем, как водится, больше приходили на ум мелкие весёлые происшествия. Мы, смеясь, вспоминали о том, как в иллюминатор, прямо на койку к мотористу, влетела, трепеща плавничками, летающая рыбка; о коте Ваське, который родился на теплоходе и, попав первый раз на сушу, испугался травы; о встрече Нового года в тропиках...

Витя совсем оживился. «Вот здорово! Вот хорошо!» — восклицал он поминутно, и по лицу его видно было, как хотелось бы ему побывать на нашем месте.

— А что, если бы мы взяли этого паренька с нами в плавание? — спросил меня, подмигнув, мой друг.

* * *

И вот вообразите, что случилось невероятное, и Витя «Хочу — не хочу» отправился с нами в далёкий рейс...

...О борта́ теплохода, пенясь, бьёт зелёно-синяя волна Тихого океана. Термометр показывает пятьдесят градусов выше нуля. В каюте, на койке, томится Витя. Теперь он сам может ощутить всю «прелесть» тропиков... Шумят вентиляторы, но тёплый воздух не приносит облегчения. Вздыхая, Витя выходит на палубу, под палящее солнце.

«Хочу домой...» — шепчет Витя, но домой нельзя: кругом океан. В раздражении Витя дёргает за хвост подвернувшегося кота Ваську: надо же на ком-то сорвать злость!

А люди вокруг работают. Спокойный и невозмутимый стоит в своей рубке капитан. На ходовом мостике вахтенный штурман и рулевые следят за тем, чтобы судно шло по курсу, не делало лишних поворотов... Спустившись вниз, Витя заглядывает в машинное отделение и тут же отскакивает от двери: оттуда так и пышет жаром. В такие дни в машинном даже у наших крепких, закалённых моряков подчас темнеет в глазах и тяжело колотится сердце. Но бесперебойно работает управляемое ими сердце теплохода — моторы в 4 600 лошадиных сил.

Не много прохладней и в камбузе. Всё же повар в белом халате и шапочке не покидает своего поста. Он хочет состряпать обед, который было бы приятно есть и в такую жару.

Приходит вечер. Жара почти не спала. Рабочий день для всех, кроме вахтенных, окончен. Но жизнь на судне не затихает. Витя заходит в красный уголок и невольно делает шаг назад: уж не попал ли он обратно в школу? На столе лежат хорошо знакомые учебники: арифметика, грамматика, хрестоматия. Но за столом сидят взрослые люди, матросы. Это ученики заочной средней школы, они готовят уроки. У одного из матросов, видимо, не ладится с задачей, ему терпеливо разъясняет её второй механик. И с «ученика» и с «учителя» градом струится пот.

Повар Пётр Николаевич мог бы после ужи-

на уйти отдыхать, но он всё ещё в душном камбузе. Он печёт огромный пирог.

— Разве завтра праздник? — спрашивает Витя.

— День рождения,— отвечает повар.— Второму механику тридцать стукнет.

— Ну, а вам-то что? — спрашивает Витя.— Охота вам здесь париться?!

— Как же это? — удивляется повар.— Мы здесь, в море, день рождения каждого товарища празднуем... А уж охота или не охота —разве это разговор? Надо,— стало быть, и охота.

«И как это он может? — думает Витя.— И отчего они такие спокойные, весёлые?..»

Хмурый выходит он из камбуза и сталкивается с капитаном.

— Ну и вид у тебя! — говорит, оглядев его, капитан.— Это, верно, потому, что ты слоняешься без дела. Надо будет дать тебе работу... Займись-ка ты тем, чем и я занимался в юности... Назначаю тебя дневальным.

И вот Витя — «дневальный». На его обязанности мыть посуду и накрывать на стол, за которым обедает команда.

Шесть утра. Все ещё спят. Кроме вахтенных, в этот час на ногах только те, кто обслуживает экипаж теплохода: повар, его помощник, буфетчик... В кают-компании буфетчик расставляет на столе тарелки и приборы.

Но в столовой, где должен хозяйничать Витя, ничего не подготовлено к завтраку. Витя «Хочу — не хочу» сладко спит в своей каюте.

— Вставай! — стучит в дверь вахтенный.

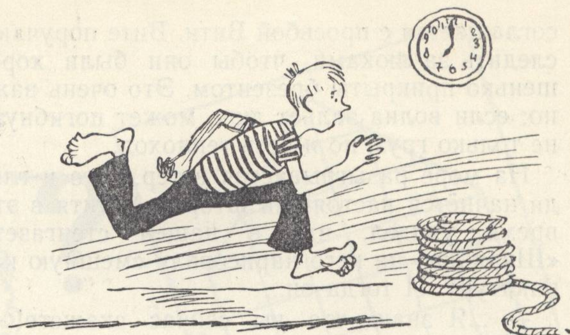
— Я спать хочу! — отвечает Витя.

— Вставай! Седьмой час!

Витя приоткрывает глаза. Конечно, надо бы встать... Но спать так хочется! А Витя ведь привык делать только то, что ему хочется. «Полежу ещё. Совсем немножечко»,— решает он и снова закрывает глаза.

Витя застыл на пороге...

Витя кое-как одевается и кидается в столовую.

...Семь часов. Матросы и мотористы, свежие, подтянутые, весело направляются к столовой. Только сейчас вскакивает Витя. Он кое-как одевается и кидается в столовую.

Витю встречает грозное молчание.

— Эх ты... моряк! — произносит наконец один из матросов и показывает на пустой, ненакрытый стол.— Такого позора ещё никогда не случалось на нашем теплоходе...

...Вечереет. Витя моет посуду. Сегодня он решил сделать всё на совесть: пусть завтра утром все увидят, на что он способен.

В дверь заглядывает повар.

— Смотри не забудь расставить посуду по местам... Свежеет. Может начаться качка.

— Хорошо, Пётр Николаевич,— отвечает Витя.— Вы на палубу?

— Да. Пойду погляжу, как ребята играют в волейбол.

Вите тоже хочется взглянуть на волейбол. Но... нельзя. Вздыхая, он медленно, неумело перетирает тарелки.

Горка чистых тарелок высится на столе. Теперь надо расставить их по полкам так, чтобы они не стукались друг о друга. Быстро этого не сделаешь. А с палубы доносятся смех и весёлые возгласы. «Нельзя, никак нельзя»,— твердит себе Витя. Но ему так хочется на палубу! Желание всё растёт. А ведь Витя всегда слушался только своих желаний... «Расставлю потом. Ещё даже лучше расставлю!» — решает он и бежит наверх.

...Стремительно летает над палубой мяч, хитроумно подвешенный на длинной верёвке. Вокруг играющих стоят, волнуясь, болельщики. Витя присоединяется к ним.

...Чуть свет Витя уже на ногах. Предвкушая, как будет сегодня удивлена команда, спешит он к столовой, открывает дверь и... застывает на пороге. На полу груда черепков. Это тарелки, которые он не убрал вчера...

— ...Не хочу работать на кухне! — говорит Витя капитану.— Хочу быть матросом!

И опять происходит немыслимое: капитан

соглашается с просьбой Вити. Вите поручают следить за люками, чтобы они были хорошенько прикрыты брезентом. Это очень важно: если волна зальёт люк, может погибнуть не только груз, но и весь теплоход.

На море разыгрывается ветер, того и гляди начнётся настоящий шторм. А Витя в это время увидел, что в нашей стенгазете «Шкрябка» на него нарисовали смешную карикатуру. И тогда он...

— ...Я знаю, что вы сейчас скажете! — перебил на этом месте моего друга Витя. (Потому что ведь все приключения Вити на теплоходе выдумал мой друг — большой любитель рассказывать или, как говорят у нас, «травить» всякие истории.) — Вы скажете, что я отвлёкся и нечаянно потопил судно... Но я ведь понимаю, что корабль не школа, это — совсем другое дело... И вообще всё это неправда!

Конечно, в рассказе моего друга много неправды, выдумки. Начать с того, что мы не берём ребят на судно, у нас служат только взрослые люди. Но в самом главном и основном эта история — всё-таки правда.

Правдиво в ней то, что Витя или же другой, похожий на Витю паренёк может и в самом деле со временем оказаться в подобном положении. Напрасно Витя считает, что между поведением в школе и «взрослой» жизнью лежит какая-то пропасть. Трудно, ох, как трудно измениться тому, кто с детства приучил себя подчиняться только своим неразумным, эгоистическим желаниям! Воля у него вялая, дряблая... Из мальчика «Хочу — не хочу» может вырасти расхлябанный, не умеющий управлять собой, никчёмный человек.

Попадали такие люди и к нам на теплоход. Одного нам удалось постепенно перевоспитать, и после длительных усилий он всё же взял себя в руки... А с другим пареньком пришлось расстаться. Не к месту оказался он в дружном коллективе нашего судна, да и нигде не придётся к месту, если не переломит себя. Из таких вот необузданных, себялюбивых, не привыкших считаться с общими интересами молодчиков и выходят неудачники, которые в тягость себе и другим. Немного у нас таких, однако встречаются ещё.

А зачем Вите быть неудачником? Ему, да и другим ребятам вроде него, надо, пока ещё не поздно, взяться за ум... Ведь у вас, друзья, есть все возможности стать счастливцами! Не теми выдуманными счастливцами, к которым всё само плывёт в руки, а настоящими счастливыми людьми, творцами жизни, завоёвывающими своё счастье в труде и борьбе.

СЛУЧАЙ С ВОРОНЁНКОМ

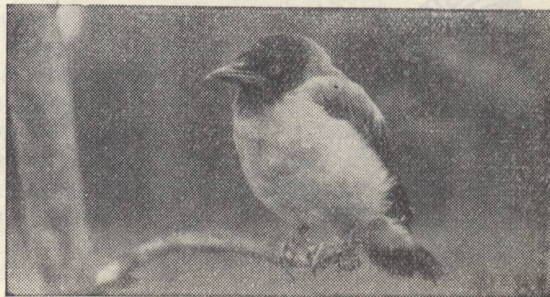
— И как это я вывалился?! Хорошо ещё, что успел ухватиться за сучок.

— Ой, как высоко гнездо, а летать я ещё не умею...

— Кар-р... Мама!

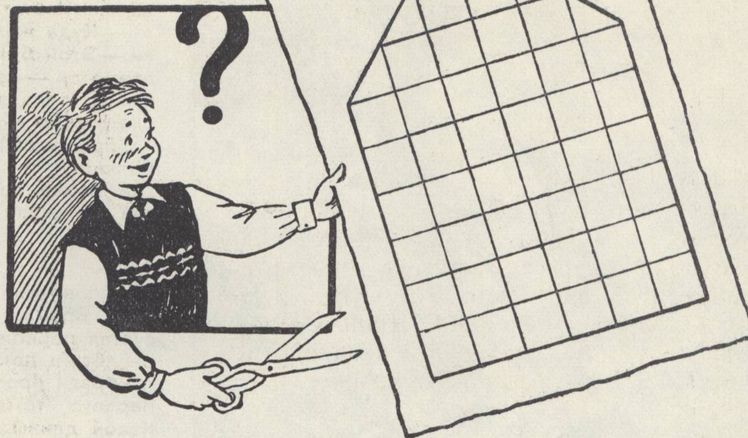

— Мама не слышит... Что же теперь делать?!

В ЧАСЫ ДОСУГА

РАЗРЕЖЬТЕ И СЛОЖИТЕ

На клетчатой бумаге начертите такой пятиугольник. Разрежьте его по двум прямым линиям на три части так, чтобы из них можно было сложить квадрат.

ДВА РЫБОЛОВА

Вечером, после рыбалки, двое ребят возвращались домой. По дороге один из них, Костя Уклейкин, сказал другому, Пете Воробьёву:

— Если ты дашь мне одного из пойманных тобою сегодня окуней, то у меня будет вдвое больше рыбы, чем у тебя.

Петя Воробьёв рассмеялся:

— Ишь ты, хитрый какой! Лучше ты дай мне. Если ты дашь мне одного окуня, у меня будет ровно столько же, сколько у тебя.

Сколько рыбы поймали Костя и Петя?

НА ПРИВАЛЕ

Кимушка Нордостюк был не только знаменитым географом, но знал толк и в арифметике. Однажды на привале он сделал хитрое лицо, вынул что-то из кармана и сказал профессору Тропикову:

— Вот вам, Иван Васильевич, гривенник и ещё копейка. Возьмите гривенник в одну руку, копейку в другую так, чтобы я не видал, что в какой руке. Готово?

— Готово,— ответил профессор.

— Помножьте то, что у вас в правой руке, на 8, а то, что в левой руке, на 7.

— Помножил.

— Сложите результаты и скажите, сколько у вас получилось.

Иван Васильевич ответил: 87. И Кимушка сразу угадал:

— Гривенник у вас в правой, а копейка в левой!

— Правильно.

— Ну давайте снова. Спрятали? Помножьте то, что у вас в правой руке, на 4, а то, что в левой, на 5. Сложите результаты. Сколько?

— 54!

— Копейка в правой, гривенник в левой. Так?

— Так. А как ты угадываешь? — удивился профессор Тропиков.

— Очень просто. Если сумма чётная, гривенник в левой, если нечётная, гривенник в правой.

— Какой ты хитрый! — сказал Иван Васильевич.— Ну, давай теперь по-другому. Вот тебе три копейки. Спрячь в одной руке гривенник, в другой три копейки. Есть? Помножь то, что у тебя в правой руке, на 14.

— Помножил.

— Теперь помножь то, что у тебя в левой руке, на 14.

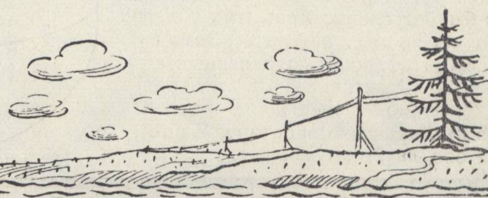
И только Кимушка успел сказать «помножил», как Тропиков сразу угадал, что у него в какой руке.

Профессор рассмеялся.

— Это просто маленькая хитрость. Ты дольше думал, когда множил 3 на 14, чем когда множил 14 на 10.

Попробуйте и вы, ребята, задать своим друзьям в школе и дома эти маленькие, но хитрые задачи.

ВОЛК, КОЗА И КАПУСТА

Вероятно, вы не раз слышали эту задачу.

Нужно было перевезти одному человеку с одного берега реки на другой волка, козу и капусту. А лодка маленькая, больше двоих не возьмёт: либо ему брать с собой волка, либо козу, либо капусту. Придётся несколько раз съездить. Задумался человек: «Как же мне их перевезти, чтобы беды не вышло? С волком уеду — коза капусту съест. С капустой уеду — волк козу зарежет».

Помогите ему, ребята!

МЕДВЕДЬ-ЛЕСНИЧИЙ

Вот какую задачу задал нам один охотник.

В одном лесу жили тридцать белок. Они, конечно, таскали к себе в дупла орехи. Лесничим в этом лесу был медведь. Вот раз он собрал всех белок и сказал им:

— Послушайте! Вы берёте себе слишком много орехов. Надо и о других подумать. Смотрите, а то я совсем запрещу вам рвать орехи.

Белки пошептались, пошептались и ответили:

— Не сердись, дорогой наш лесничий! Скажи, сколько нам разрешается брать орехов?

— Берите по сто штук на белку,— сказал медведь.— Хватит с вас этого?

— Куда нам столько! — всплеснули хвостами белки.— Этой белке нужен всего один орех. А этой — два, этой — четыре, этой — восемь. Давай так условимся: первая белка возьмёт один орех, а каждая следующая — вдвое больше предыдущей.

Обрадовался лесничий. «Вот,— думает,— глупые белки!»

А белки ещё больше обрадовались: как хитро они обманули медведя! А почему они так обрадовались?

ПРО ЧЕРВЯКА

На книжной полке в полном порядке стояли три тома Брэма, толстые-претолстые: каждый том, не считая переплёта, семь сантиметров да крышка переплёта в полсантиметра толщиной.

Червяк прогрыз прямой ход от первой страницы первого тома до последней страницы третьего. Какой длины он прогрыз тоннель?

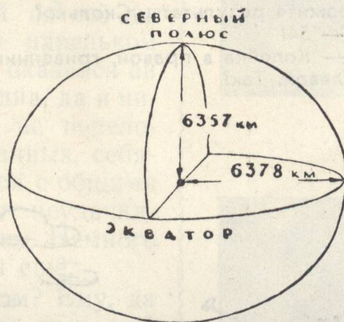

ОТВЕТ
на задачу „Ниже всего", напечатанную в № 3

Представьте себе центр Земли. Будь Земля шаром, её поверхность, совпадая в общем с уровнем вод мирового океана, проходила бы всюду на расстоянии 6 378 км от него. Вершины всех гор, больших и малых, находились бы дальше от центра, чем поверхность, вне зависимости от того, где высятся эти горы. Все глубины были бы повсюду ближе к центру. Профессор Тропиков был бы безусловно прав.

Но всё это не так. Земля не шар, а сфероид, сплющенный с полюсов. Расстояние от центра его до водной поверхности равно 6 378 км только на экваторе. У полюса оно на 21 км меньше.

Если вы плывёте на льдине над полюсом, а я — на плоту у экватора, вы находитесь на 21 км ближе к центру Земли, чем я. Если я нырнул на всю глубину филиппинской бездны, я приблизился к центру Земли на 11 км. Следовательно, даже оставаясь на льдине, вы всё равно будете на 10 км ближе к центру Земли, чем я на дне Филиппинской впадины. А если вы нырнёте на дно, то приблизитесь к центру Земли ещё на 4 км.

Профессор и Кимушка находятся под 27°59′ с. ш. Расстояние от них до Северного полюса в градусах — 62°01′. Значит, Ким Нордостюк совершенно прав. Значит, в этом и заключается решение задачи.

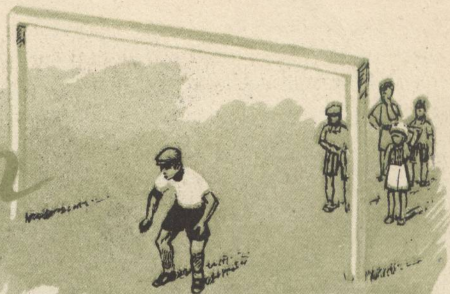
Лев Успенский

Адрес редакции: Москва, Д-47, улица «Правды», 24, комната 235, тел. Д 3-30-73.
Технический редактор А. Ефимова. Рукописи не возвращаются.

А 00293. Подписано к печати 28/III 1955 г. Тираж 300 000 экз. Изд. № 330. Зак. 512.
Форм. бум. 84×108 1/16. Бум. листов 2,62. Печ. листов 8,61.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина.

Как играть в футбол

В. А. Моргачев,
кандидат медицинских наук

Кто из ребят не мечтает стать знаменитым центром нападения, защитником или вратарём! Путь к спортивному совершенству они чаще всего ищут в «диких» командах. Какое меткое название! Дикой стаей гоняются ребята за мячом. Играют обычно в самых неподходящих для этого местах: на улицах, дорогах, захламлённых дворах. Играют, не соблюдая почти никаких правил, без судьи, пренебрегая правильными техническими приёмами. Играют беспрерывно по пять — шесть часов, доводя себя до изнеможения, и получают иногда повреждения: ушибы, растяжения связок, вывихи, переломы.

А между тем как интересно и увлекательно можно играть в футбол! Но нужно помнить, что без серьёзного труда нельзя сделаться хорошим футболистом, так же как нельзя без упорной, длительной подготовки стать токарем, шофёром, врачом или инженером. Чтобы овладеть мастерством игры в футбол, сделайте вот что.

Организуйте полную команду, выберите капитана и соблюдайте строгую дисциплину.

Попросите взрослого опытного футболиста помочь вам. Если это не удастся, купите брошюру по технике футбольной игры и руководствуйтесь ею.

Тренируйтесь всей командой два — три раза в неделю не более чем по полтора часа с перерывом; при каждой тренировке уделяйте не менее половины времени изучению приёмов игры: различных ударов, остановок, обводки. Обязательно должен быть судья, строго подчиняйтесь его решениям; расчистите площадку для игры, уберите с неё битое стекло, камни, мусор, играйте в спортивном костюме — трусах, футболке. На ноги надевайте исправные ботинки; не играйте босиком или в тапочках. Пользуйтесь футбольным мячом небольшого размера.

Начинать играть в футбол надо не раньше 11—13 лет.

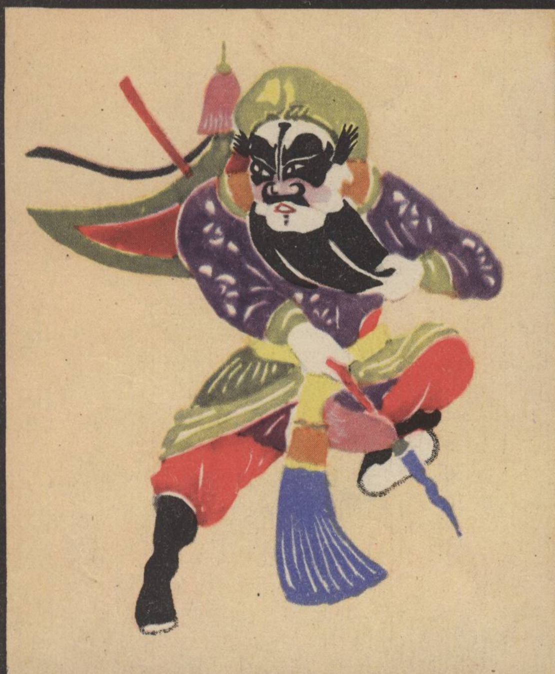
Чтобы быть всесторонне физически развитым, не ограничивайтесь только футболом, не забывайте о других видах спорта.

Желаем вам, ребята, успеха!

Министерство здравоохранения СССР.
Центральный институт санитарного просвещения

Цена 2 р. 50 к.

Здесь вы видите китайские вырезки из бумаги — чуан хуа. О них рассказано на странице 53.